

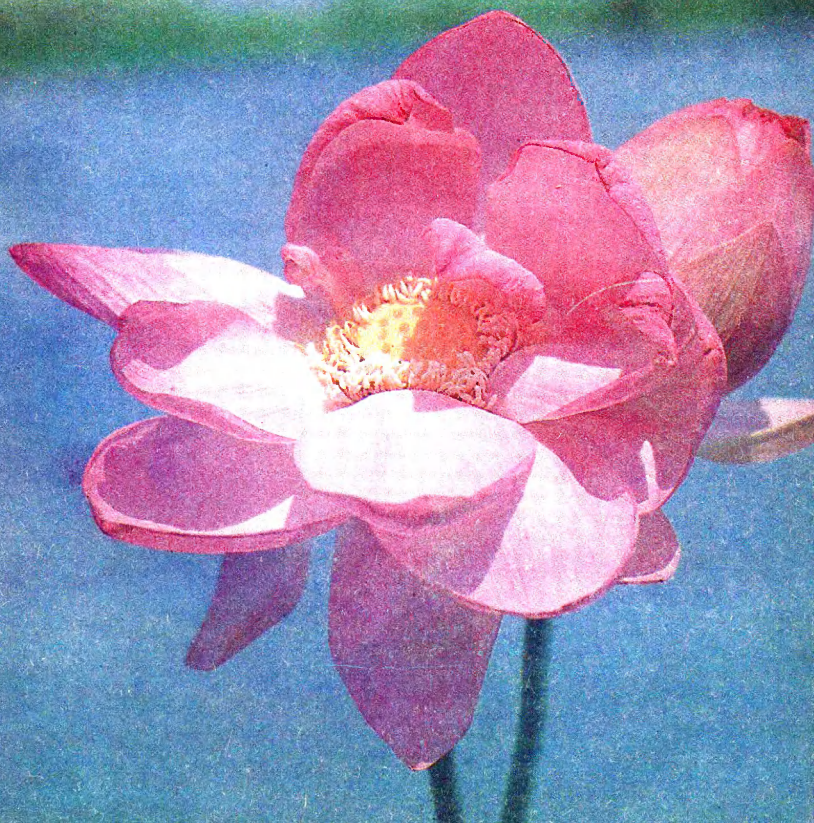
ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

8

1990

Экологическая катастрофа. Она уносит жизни людей, губит реки, леса. Лотос — один из умирающих видов растений. Сохраним ли мы их для потомков...

— С семидесятых годов кривая преступности идет только вверх.
— И что же, победить, искоренить такое зло нереально?
Диалог ведущего криминолога современности И. КАРПЕЦА и журналиста В. ЩЕРБАНИЯ.

13

Рядовой расстрелял пленных по приказу командира. Военный трибунал приговорил солдата к лишению свободы. Прежде чем отдать или исполнить приказ (распоряжение), надо думать об их законности — размышления военного юриста А. ПЧЕЛИНЦЕВА.

35

«Виновен, но заслуживает снисхождения...», — считает журналист. О трагедии на «Адмирале Нахимове» читайте очерк В. СТЕРИНА.

61

*«Позади раздался неясный шорох. Денисов хотел обернуться, но не успел. Его схватили за плечи и запястья, профессионально ударили под коленки...»
Окончание повести Б. РУДЕНКО
«На бильярде играют в одиночку».*

94

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

№ 8 (236) АВГУСТ 1990. ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

В НОМЕРЕ

3

М. ТРОИЦКАЯ. Факт из частной жизни. Раздумья на актуальную тему

3

7

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

Э. ПУШМИН. Права человека в СССР: вчера, сегодня...? От Хельсинки-75 к Вене-89 и дальше

7

Путь не простой, не скорый. Беседа с доктором юридических наук И. КАРПЕЦОМ

13

Комментирует Пресс-центр МВД СССР

21

24

ПУБЛИЦИСТ РАЗМЫШЛЯЕТ

С. ЧУГАЕВ. Призыв... в пустоту, или Как защитить коллекционера

24

35

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

А. ПЧЕЛИНЦЕВ. Приказ и закон: можно ли ставить знак равенства?

35

М. ФЕДОТОВ. Свобода печати: на пути к правовому признанию

40

49

СОБЕСЕДНИК

ПИСЬМО В НОМЕР

З. ГАДЗАЕВА. Нас не разделять!

49

ПУБЛИЦИСТ РАЗМЫШЛЯЕТ
Ю. СВЕРДЛОВ. Черный воздух

50

ВОЗВРАЩАЯСЬ
К НАПЕЧАТАННОМУ
М. ЦАНАВА. Излечите память

55

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ
РЕКЛАМА. ОБЪЯВЛЕНИЯ.
ИНФОРМАЦИЯ

59

60, 88

61

В. СТЕРИН. Катастрофа на весах Фемиды. Судебный очерк

61

73

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
В. СЛОМ. Цена цивилизованного общества. Разъяснением Закон о налогах

71

КНИЖНАЯ ПОЛКА

77

НА КОЛЕСАХ И ПЕШКОМ

Г. КРУГЛОВ. Женщина за рулем

78

Проверьте ваши знания

79, 83

Как бы вы поступили?

80, 83

Азбука дорожного движения

81

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИ.
КУМ 83. 128

ОТ «А» ДО «Я»
В БОБРОВ Ходатайство 84
Н. КОРШУНОВ Хранение 86

ЗАОЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ
КОНСУЛЬТАЦИЯ
А. ТВЕРДОВ. «Снится мне
деревня...» О льготах сель-
хозпереселенцам 89
ВНИМАНИЕ, КОНКУРС! 93

94

Б. РУДЕНКО На бильярде
играют в одиночку. По-
весть. Окончание 94

124

ФЕЛЬЕТОН

А. БОРОДА, Д. ЗУМАКУ-
ЛОВ История... в назида-
ние 124

126

КРОССВОРД

Знаете ли вы право? 126

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Главный редактор В. М. СИРЕНКО

Редакционная коллегия:

В. А. АБОЛЕНЦЕВ,
Г. К. БОЛЬШАКОВА (заместитель главного редактора),
В. Н. ЖБАНКОВ,
В. А. ЖУРАВЛЕВ (ответственный секретарь),
И. В. ИЛЬИН, В. Д. ПОВОЛЯЕВ,
И. С. САМОЩЕНКО, П. И. СЕДУГИН,
Ю. С. СЕМЕНОВ, Е. В. СМЕРНОВА,
А. Я. СУХАРЕВ, А. А. ТРЕБКОВ,
А. М. ФИЛАТОВ, И. Ф. ШИЛОВ.

Технический редактор Л. С. АЛЕКСЕЕВА

Оформление М. Ю. БАЙКОВОЙ

Фото в номере В. С. ЗИМИНА.

ФАКТ

ИЗ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Все чаще ловлю себя на одной мысли, одном желании... Знаете, чего хочется в наше громогласное время больших и малых говорений, криков и призывов? Тишины. Внутренней сосредоточенности. Чтобы никуда не звали и никуда не призывали. Чтоб наедине с собой остаться и разобраться, что же происходит с тобой, с теми, кто живет в твоё время.

Упаси боже, не подумайте, я ни на что не хочу дать ответ, «подсказать выход». Я хочу сесть и подумать. И это не уход в «скорлупу», не отгораживание от обязанностей или дел. Просто понять хочется: о чем шумим? А уж шума и крика пришлось на наше время дай боже! Но ведь вот в чем дело. Известно, чтоб тебя услышали, надо кричать громче. Когда же крик и шум чрезмерны и длительны — их перестаешь воспринимать и в конечном итоге глотишь. Так же как слепнешь от слишком яркого света. Не происходит ли сегодня подобное с нами?

Да, задолго до нас сказал поэт: «Есть упоение в бою...» И вот в пылу этого упоения многие с воплями «Нет закрытых тем!» не оставляют камня на камне от бюрократа и аппарата. Неужели у нас опять время такое: разбрасывать камни? Не по себе становится. Ведь было это все. Что же, опять пришло время битв? Вот даже и старые песни звучат по-новому: «В оппозицию девушка провожала бойца...»

Поймите, я совсем не против накала гражданских обличений, не против «очистительной силы критики». Меня просто настораживает та крайность, с которой это нередко делается. Пугает та легкость, с какой человеку снова клянутся порой ярлыки публично, прилюдно. Чаще заслуженно. Давай их на чистую воду! Время гласности! И вот она уже оборачивается нередко простой громогласностью.

Может, мы сами где-то раньше ошиблись, назвав это явление так? Может, надо было вспомнить и остановиться на забытом «свобода слова, печати». Свобода все-таки предполагает и внутреннюю ответственность. Впрочем, спорить о терминологии и категориях не берусь. Мы и так сейчас порой с ними разобраться не можем. Поговорим о сути. О том, что обнародование факта из жизни человека порой важнее самого человека. Его самого словно и нет. Пусть много грешившего, достойного самого сурового осуждения, но... Да нет, не о снисхождении и отпущении грехов хочу я сказать, а о том, что в жизни любого из нас все-таки должны быть «закрытые темы». Каким бы мощным девятым валом ни накаивалась гласность. Это мое убеждение. Не то мы неминуемо придем снова к тому, что «все средства хороши», коль благородна цель — развенчание дурного человека. А разгоряченная публика будет как в популярной когда-то песне кричать: «давай подробности!» И чего только не сделаешь в угоду и на потеху ей...

Я не буду обращаться к тому, что и как нынче говорится на митингах, пишется на лозунгах. Как, переходя все грани, бранятся публично люди солидные. И вот уже суды разбирают дела о защите чести и достоинства. Судятся... секретарь райкома и руководитель местного КГБ. Возьмем факты «помельче», полокальнее. Ведь и они отражают общую тенденцию: «лес рубят — щепки летят». Или, что еще страшнее, большое дело делаем, до маленького ли человека?

Криминальными историями нас теперь не удивишь. Но в том сюжете, о котором рассказывал с телеэкрана журналист, он оговорился: «Такого клиента еще не видели стены этого изолятора». «Клиента» показали крупным планом. Ведущий сообщил его фамилию, имя, отчество. Поведал о том, что тот уже успел не один раз отбыть срок наказания в колониях, прежде чем совершил это гнусное, мерзкое преступление — изнасиловал собственную сестру. Поведал журналист и «дополнительную информацию» — сестра, несмотря на уголовное прошлое брата, относилась к нему хорошо, она моложе его на четыре года.

Что говорить — отношение к подобной мерзости однозначное. Но я подумала о другом. О том, что у этой сестры есть друзья, близкие, возможно, любимый молодой человек. Сочла ли она для себя возможным поделиться с ними своим стыдом, бедой? Или, как чаще бывает, постаралась остаться со столь ужасной психической травмой одна. Это только ее право, только ей решать. И не приведет ли тот телевизионный репортаж к еще большей драме? Очевидно, все эти вопросы должен был задать себе журналист, прежде чем выходить с материалом на миллионную аудиторию. Дай бог, если он их задавал и все обойдется. Я просто хочу сказать, что есть такие стороны в нашей личной жизни, в которые, на мой взгляд, никому и ни в какое самое сверхдемократичное, сверхгласное время не дозволено входить со стуком или без стука, с диктофоном или телекамерой.

Я с глубоким уважением и пониманием отношусь к творчеству журналиста, автора этого сюжета, за бескомпромиссную гражданскую позицию, высочайший профессионализм. Но уж если лучшие такие позволяют, то можно представить себе, какие деформации допускаются на периферии...

Кстати, закон в этом отношении более деликатен и щадящ, чем порой коллега-репортер. Ибо, к примеру, подобные дела об изнасиловании слушаются в закрытом судебном заседании «в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц» — статья 18 УПК РСФСР.

Не мешало бы и публицистам почаще сверяться с законом, чтобы предвидеть последствия своих публикаций, публичных выступлений. И руководствоваться не только тем, что факт из частной жизни «звучит». Порой же складывается впечатление, что публике на потеху мы ломаем и крушим грань между доступным и тем, что должно быть все-таки сокровенным, далеким от посторонних глаз.

Вспоминаю еще один телевизионный сюжет. Репортер беседует с полураздетым подростком, который был задержан на улицах города. Блаженно улыбающийся мальчик объясняет, что он с детства завербован, агент иностранной раз-

ведки. С мальчиком все ясно — он душевно болен, его сознание расстроено, мыслит неадекватно.

Но отчего же улыбаются репортер и врач-психиатр в разговоре:

— Ваш кадр?

— Наш.

Зачем нам показали это? Царабавиться чьей-то бедой? Бедой, которую не осознает этот мальчик. Но ведь у него наверняка есть страдающие от этого родители. Каково было им смотреть на экран? Меня, признаться, даже не репортер, а врач, мягко говоря, удивил.

Полно, возразит кое-кто. Дался вам этот мальчик. Всего то минуты полторы экранного времени. И ведь никакой клеветы — факт достоверен. И честь, и достоинство не оскорблено. Верно. Что тут возразишь? Только верно, на мой взгляд, и другое. Если нынче у нас такое время, когда звучит во всю «Аз воздам!» и воздается по-заслуженному и за незаслуженные заслуги, то, наверное, не менее громко должно звучать и другое: «Не навреди!» И в том, что касается маленького факта из чьей-то частной жизни, и в том, что касается переустройства всей нашей жизни.

Отчего все это происходит? Не берусь ответить на этот вопрос. Скорее всего это дело историков, социальных психологов, социологов и других специалистов. И все-таки позволю высказать собственное мнение. Во-первых, видимо, оттого, что большинство из нас все-таки еще находится в крепком плену насаждаемых социальных стереотипов. Десятилетиями нам твердили: у простого советского человека не должно быть «тайн» от народа, и уж тем более у коммуниста от партии (правда, у «непростых» подобное право имелось). Само понятие «частная жизнь» было чем-то чуждым высоким идеалом коммунистической морали.

Да, мы все дальше уходим от тех времен, когда считалось нормальным вторгаться в нее представителю парткома, профкома или всему трудовому коллективу на собрании, где чего только не «разбирали» в пункте «разное». Конечно, прежней бестактности нынче нет, и все-таки... Инерция остается.

Вот утверждают сегодня в райкоме партии вновь избранного секретаря первичной партийной организации. Для сего требуется заполнить немало бумаг, ответить на длинный ряд вопросов.

Я всегда полагала, что, если вопрос задают, значит, в этом есть какой-то смысл, для чего-то или кому-то нужно, чтобы ты на него ответил. Но объясните мне: для чего райкому, к примеру, знать, живы или нет родители вновь избранного секретаря? И уж тем более, когда скончались и на каком кладбище похоронены. Никак не постигну смысл и цель поставленного вопроса. Ведь это сугубо личное, частное дело каждого. Или, если окажется, что родители похоронены не на том кладбище, это что, как-то «запишется в плюс или минус» партийному секретарю?

А теперь во-вторых. Да, запреты сняты. Говорить и писать можно о многом. И сколько из нас ринулись делать это честно, азартно, порой безудержно. Так увлеклись, что и остановиться трудно. Это известное психологическое состояние долго в чем-то сдерживаемого человека. И все-

таки... И все-таки так хочется, чтоб в пылу борений и битв, митингов и дискуссий на площадях и в аудиториях, обличая своих оппонентов, все мы проявляли такт, деликатность, сдержанность. Чтоб не пресловутое «все средства хороши» главенствовало, а вечное, общечеловеческое «не навреди!». Иначе что же, мы снова вернемся к тому, что человек не свободная личность с правом на частную жизнь, а обычный «человеческий материал»?

Сколько вылилось всего нужного и ненужного для сведения людей, к примеру, в прошедшую кампанию выборов в местные Советы! Об этом не раз писали журналисты. Дело доходило до листовок откровенно подметного характера. И избиратели уже обсуждали не программу того или иного кандидата, а судачили о его личной жизни.

Мне рассказали, как в одном уральском городке два руководителя, оспаривая депутатский мандат, крепко и прилюдно побили друг друга. А до этого избиратели были ознакомлены с фактами из жизни одного — имеет любовницу, у которой от него внебрачная дочь, денег на воспитание не дает. «Противная сторона» даже не постеснялась имя женщины назвать. Это в небольшом-то городке. Женщина после этого навсегда уехала оттуда.

О втором узнали, что у него то ли брат жены, то ли его двоюродный брат «ходит» в областном центре в рэкетирах. Стало быть, и он «замаран». Хотя он уже несколько лет с этим «кем-то» отношений и не поддерживает.

В общем, все было «без тайн» и прикрас. И бить им друг друга было за что, ведь с подачи каждого был «обнародован» взаимный компромат».

...А мы все шумим и шумим. И все чаще среди этого всеобщего шума хочется тишины, чтобы в конце концов не оглохнуть и не ослепнуть. И еще хочется уверенности, что твоя личная, частная жизнь останется только твоим личным делом, что в нее не вторгнутся ни во имя каких-то благих целей, ни с чьей санкции, ни по требованию общественного мнения, ни по праву гласности. Пусть все-таки эта тема остается закрытой.

Маргарита ТРОИЦКАЯ

ПЕРЕСТРОЙКА:

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СССР: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ..?

ОТ ХЕЛЬСИНКИ-75 — К ВЕНЕ-89 И ДАЛЬШЕ

В течение долгих лет идеологического противоборства нам навязывали определенный стереотип: права и свободы человека нарушаются «там, у них» — на Западе, а у нас этот вопрос решен раз и навсегда. Любая заинтересованность мирового сообщества в том, как соблюдаются права человека в СССР, воспринималась как вмешательство в наши внутренние дела, и мы его решительно отвергали.

Ныне очевидно, что в современном взаимосвязанном и все более целостном мире ни одна страна не может отгородиться глухими границами и идеологическими заборами. Кроме того, необходимость реализации Советским государством норм международного права в области прав и свобод человека определяется главным образом нашими внутренними проблемами. И в первую очередь деформацией правового статуса личности, размытием даже декларативных гарантий его осуществления. Тем не менее официальная пропаганда и наука, вплоть до последнего времени, утверждали, что в Советском общенародном государстве все обстоит благополучно. Увлеченные самолюбованием и клеймением западных демократий, мы долго «не замечали» существенного обновления конституционного и текущего законодательства в буржуазных государствах в сторону демократизации, в том числе в соответствии с требованиями международных конвенций и пактов о правах человека. И практически проигрывали Западу в его главной ставке на личные права и свободы человека, так как до сих пор не привели в соответствие с требованиями международных стандартов о правах и свободах личности свою Конституцию, текущее законодательство и другие нормативные акты. Именно поэтому все более очевидной становилась декларативность статей 40—53 Конституции о гарантиях провозглашенных в них прав и свобод. Практически все предусмотренные в них «гарантии» свелись лишь к одной — социалистическому общественному строю, к советскому образу жизни.

Жизнь опровергла и нашу главную ставку на то, что у нас нет таких «язв капиталистического общества», как безработица, нищета, бездомность, социальная необеспеченность и т. п. Оказалось, что эти явления, к сожалению, имеются и в нашем обществе. Более того, в нашей Конституции и в текущем законодательстве отсутствует признанное сообществом в Международном пакте об экономических

и культурных правах от 16 декабря 1966 года важнейшее право каждого человека — право «на достойный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни», содержащееся в ст. 11 Пакта, равно как и право «на наивысший уровень физического и психического здоровья» (ст. 12). Об этом приходится говорить и потому, что названный пакт до сих пор не обнародован в широкой печати и большинство советских людей о нем почти ничего не знает.

Возьмем вопрос о защите правового статуса советских граждан в целом. Можно ли говорить о его реальности, если не обеспечена сама его основа — принцип равенства всех граждан СССР независимо от происхождения, места жительства (ст. 34 Конституции). Равенство граждан СССР фактически было «отменено» еще до принятия Конституции 1977 года нормативным актом — Положением о паспортной системе в СССР от 28 августа 1974 года, которое продублировало введенный еще в 1932 году институт прописки. Принятый после данного положения Основной Закон СССР молчаливо признал этот противоречащий ему акт.

Действительно, разве может советский человек реализовать такие важнейшие социально-экономические права, как право на труд (ст. 40 Конституции), на отдых (ст. 41), на охрану здоровья (ст. 42), на материальное обеспечение (ст. 43), на жилище (ст. 44), на образование (ст. 45) и другие, если он не прописан в определенном населенном пункте? Конечно, нет. Института прописки не знает ни одно цивилизованное государство мира. Этот антиконституционный институт, ущемляющий права и свободы человека, должен быть отменен.

Особенно остро стоит вопрос о закреплённом в статье 44 Конституции 1977 года праве на жилище, полная реализация которого планируется на 2000 год, то есть спустя 23 года после его провозглашения на высшем юридическом уровне. Не обеспеченными надлежащим механизмом реализации оказались также политические и особенно личные права советских граждан, «дарованные» им государством.

Вот почему партия, определив на XIX Всесоюзной партконференции курс на реформу оостенелой политической и правовой системы, во главу угла поставила всестороннее обогащение прав человека, повышение социальной активности советских людей на основе обеспечения *равноправного* положения государства и личности, их взаимодействия и взаимной ответственности вместо прежней односторонней ответственности личности перед государством.

Решение этих задач должно основываться на неукоснительном выполнении Советским государством своих международно-правовых обязательств, вытекающих из международных договоров. Они устанавливают международные стандарты поведения государств.

Особенно актуальной является осуществление норм международных конвенций, соглашений и пактов в области защиты прав и свобод человека. Нельзя забывать, что именно по инициативе СССР в Устав ООН были включены основополагающие положения о достоинстве и ценности человеческой личности, о «поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии». В то же время не следует скрывать и тот факт, что глава советской делегации на III сессии Генеральной Ассамблеи ООН А. Я. Вышинский воздержался при

голосовании за Всеобщую Декларацию прав человека, принятую 10 декабря 1948 года. Впервые она опубликована для широкого читателя в январе 1989 года в «Литературной газете». Несмотря на то, что Декларация не имеет обязательной юридической силы, так как не является международным договором, она имеет огромное политическое значение как первый международный стандарт в области прав и свобод человека, на основе и в развитие которого государства внесли изменения в свое законодательство и приняли около 50 международных договоров в этой области. СССР является участником многих из них.

К важнейшим международным стандартам по защите прав и свобод человека, участником которых является СССР, относятся два международных пакта — об экономических, социальных и культурных правах; о гражданских и политических правах и факультативный протокол к нему, принятые на XXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 года, а также Венский итоговый документ от 15 января 1989 года (СВСЕ) о сотрудничестве государств по гуманитарным вопросам и человеческому измерению.

СССР первым из великих держав ратифицировал в сентябре 1973 года оба Международных пакта о правах человека и тем самым взял на себя обязательства по их выполнению. Однако до сих пор, более 16 лет спустя, наше государство не выполнило полностью их требования, равно как и требования Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 года и Венского итогового документа от 15 января 1989 года. Речь идет о тех социально-экономических, политических и особенно личных правах, которые не закреплены в Конституции СССР. Получается, что мы не выполняем взятые на себя международно-правовые обязательства.

Действительно, объем и формулировка некоторых социально-экономических и политических прав и свобод, содержащихся в Конституции СССР, в текущих законодательных и других нормативных актах, идут дальше Международных пактов 1966 года, чем мы справедливо гордились. Но обозначенные в Конституции права и свободы практически не действуют.

Так, серьезным и не терпящим отлагательств представляется решение вопроса об осуществлении политических прав и свобод, предусмотренных статьями 48—51 Конституции. В течение почти 13 лет они не были развиты в текущем законодательстве и не обеспечены надлежащим правореализующим механизмом. Создание его только начинается.

Особенно актуальным представляется приведение в соответствие с международно-правовыми стандартами конституционного законодательства о личных правах и свободах граждан. Нормы статей 52—58 Конституции СССР и соответствующие положения Конституции союзных и автономных республик значительно отстают от них как по объему, так и по содержанию. Сравнение прав, закрепленных в Основном Законе СССР, с Международным пактом о гражданских и политических правах явно не в пользу первого. 10 личным правам и свободам советских людей, предусмотренным в Конституции, «противостоит» 22 вида гражданских прав Пакта.

В частности, в нашей Конституции отсутствуют следующие важнейшие положения, касающиеся личных прав человека: «Никто не может быть произвольно лишен жизни» (ст. 6); «Никто не должен подвергаться пыткам или жестокому бесчеловечному или унижаю-

шему его человеческое достоинство обращению или наказанию» (ст. 7); «Никто не должен принуждаться к принудительному или обязательному труду» (ст. 8); «Все лица, лишённые свободы, имеют право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности» (ст. 10); «Право на свободное передвижение и свобода выбора местожительства»; право каждого человека покидать любую страну, включая свою собственную, и право возвращаться в свою страну — «никто не может быть произвольно лишен права на въезд в свою собственную страну» (ст. 12); право на компенсацию за незаконный арест или содержание под стражей; презумпция невиновности (ст. 14); право каждого на защиту закона от произвольного и незаконного вмешательства в его личную и семейную жизнь; право ребенка на защиту со стороны семьи, общества и государства и др.

Отсутствие таких личных прав и свобод в Конституции СССР, не говоря уже о специальных законах, которые регламентировали бы процедуру реализации этих прав, тем более непонятно, что при подписании и ратификации обоих Пактов о правах человека мы не сделали никаких оговорок. Конституция была принята четыре года спустя после их ратификации Советским Союзом, но никаких конституционных и законодательных мер по трансформации международно-правовых норм Пактов в нормы внутригосударственные мы не предприняли.

До сих пор права и свободы личности в СССР регулируются в основном не законами, а подзаконными нормативными актами, главным образом ведомственными положениями и инструкциями. Например, Положение о въезде, проживании и о выезде из СССР 1970 года обновлялось в 1986 году, поправлялось в 1987 году, дополнялось в 1988 году, в результате чего был расширен круг лиц, которые могут приглашать к себе за границу советских граждан, сняты ограничения на взаимные поездки для встреч с бывшими советскими гражданами, если они проживают в стране, с которой СССР имеет дипломатические отношения, и являются гражданами этого государства.

Конечно, хорошо, что нормы этих актов значительно демократизировали процедуру выезда из СССР на определенное время и на постоянное место жительства, упростили оформление документов, отменили периодичность поездок, сократили в два раза пошлины, сняли другие ограничения. Результаты не замедлили сказаться. Так, за 1988 год по частным приглашениям за рубежом побывали свыше 1,5 миллиона советских граждан. Если в 1985 году получили разрешение на выезд из Советского Союза на постоянное жительство лишь 4,5 тысячи наших граждан, то в 1988 году — более 108 тысяч, включая детей и лиц, не достигших 18-летнего возраста.

И все же возникает вопрос: зачем надо было три года подряд «латать» подзаконный акт трезвонившей значимости (Положение 1970 г.) одноуровневыми нормативными актами, вместо того чтобы в результате тщательной подготовки и всестороннего обсуждения решить эти вопросы на уровне закона, как того требуют положения части 2 статьи 2 и части 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах?

Необходимость выполнения международно-правовых обязательств по Пактам о правах человека на уровне закона и в полном объеме прямо вытекает из требований статьи 29 Конституции СССР, статьи 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года

об обязательности ее положений для каждого из участников, а также Заключительного акта Хельсинки, определяющего, что государства-участники «при осуществлении своих суверенных прав, включая право устанавливать свои законы и административные правила, будут соотноситься со всеми юридическими обязательствами по международному праву»

Особенно актуально выполнение нами обязательств, вытекающих из Итогового документа Венской встречи от 15 января 1989 года, который содержит целый ряд неведомых ранее мер по обеспечению прав человека. Советское государство первым объявило, что считает Венские договоренности, в том числе по всему комплексу прав и свобод человека, действующими с момента их принятия, и поручило соответствующим министерствам и ведомствам СССР незамедлительно приступить к их практическому осуществлению.

Эта работа идет с опозданием, но первый шаг уже сделан. 13 ноября 1989 года вторая сессия Верховного Совета СССР одобрила в первом чтении проект Закона о порядке выезда из СССР и въезда в СССР, который в соответствии с требованиями Венского документа содержит юридические гарантии обеспечения права человека покидать СССР и возвращаться в нашу страну. Новый Закон заменит Положение и инструкции, действующие до сих пор, и положит конец ведомственному и местному нормотворчеству и произволу по вопросам выезда и въезда граждан СССР. Этот проект в вступающий в силу 1 августа 1990 года Закон о печати и других средствах массовой информации отвечает международно-правовым стандартам и Венским договоренностям. На очереди — законопроекты о свободе совести; о религиозных организациях; об общественных объединениях граждан; о молодежи; о правах граждан, принадлежащих к малым народам, и ряд других с разработанным механизмом их реализации.

Вместе с тем думается, что для создания внутригосударственного механизма обеспечения международно-правовых норм и защиты прав и свобод человека необходимо помимо изложенных принять следующие законодательные, организационные и правоприменительные меры:

— существенно обновить и расширить раздел в новой Конституции СССР «Государство и личность», приведя его в полное соответствие со всеми международными договорами с участием СССР по вопросам о правах и свободах человека с указанием конкретных гарантий их осуществления;

— рассмотреть предложение о включении в Конституцию самостоятельного акта — Декларации прав граждан и народов, развивающей основы ленинской Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа 1918 года с формулировкой принципов правового статуса личности;

— усилить правовой статус советских граждан прежде всего путем ликвидации ведомственно-антиконституционного института их прописки. В целях выполнения обязательств СССР, вытекающих из статьи 12 Международного пакта о гражданских и политических правах, следует принять закон, регулирующий права граждан СССР избирать место жительства. Такой закон мог бы допускать установление местными властями некоторых ограничений этого права, например, для обеспечения необходимых санитарных правил;

— для обеспечения положения части 1 статьи 17 Международного пакта о гражданских и политических правах и статей 54—56

Конституции СССР необходимо разработать и принять Закон о неприкосновенности личности, жилища, личной жизни, тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений советских граждан;

— в целях демократизации законодательного процесса ввести обязательную, научно обоснованную юридическую экспертизу по всем законопроектам, поручив ее проведение договорно-правовому управлению МИД СССР, соответствующим отделам МИД союзных республик, Минюсту СССР, ВНИИ государственного строительства и советского законодательства;

— расширить права союзных республик по вопросам гражданства и оформлению поездок за границу;

— обнародовать в широкой печати тексты обоих Международных пактов о правах человека.

Особое значение имеет переход от конфронтации к международному сотрудничеству по правам человека как на двусторонней, так и многосторонней основе. Многие для этого уже сделано, особенно в рамках общеевропейского процесса. В соответствии с Венскими договоренностями начала работу Конференция по человеческому измерению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Она проводится в три этапа: в 1989 году в Париже, в 1990 году в Копенгагене и в 1991 году в Москве.

В связи с этим нашему государству предстоит провести не только подготовительную и организационную работу, но и соответствующие меры по выполнению своих международно-правовых обязательств в этой области. На 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН М. С. Горбачев заявил о намерении Советского Союза расширить участие в международных механизмах по правам человека в ООН и в рамках общеевропейского процесса. Делегация СССР на этой сессии голосовала за резолюцию 43/128 о проведении в течение 1989 года Всемирной кампании по распространению среди общественности информации в области прав человека, организация которой осуществлялась Центром ООН по правам человека в Женеве и Департаментом общественной информации в Нью-Йорке. В ООН уже издана брошюра под названием «Учить правам человека». Но обо всем этом в СССР, к сожалению, мало кто осведомлен.

До сих пор у нас нет надлежащего механизма по рассмотрению жалоб о нарушении прав граждан. Давно назрела необходимость создать комиссию по правам человека в Верховном Совете СССР, в Верховных Советах союзных и автономных республик и областных Советах народных депутатов со всеми государственно-властными полномочиями.

Необходимо также решить вопрос о присоединении СССР к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, участниками которого являются 43 государства и который предусматривает возможность обращения в Комитет по правам человека граждан государств-участников, если рассмотрение жалобы внутри страны неоправданно затягивается. Признание этой международной процедуры несомненно стимулировало бы совершенствование советского законодательства и демократизацию правоприменительной практики по правам и свободам человека в нашем государстве.

Э. ПУШМИН,

**доктор юридических наук,
профессор**

ПУТЬ НЕ ПРОСТОЙ, НЕ СКОРЫЙ

Меня обокрали. Придя домой с работы, я застал в своей квартире перевернутые вверх дном стулья и столы, сброшенные с антресолей вещи, выпотрошенный шкаф и безудержно рыдающую жену. Украла деньги, магнитофон, одежду. Даже детскую курточку — и гу увели... Пока я успокаивал супругу, мои немигающие глаза смотрели на отпечатавшиеся на белой поролоновой дорожке два грабительских следа: большие, похоже 43-го и 46-го размера. Боль, горечь и отчаяние наполняли сердце, ибо, когда уносят то, что куплено на полунищенскую зарплату, каждая приобретенная вещь становится по-особому ценимой. И вдруг — в один момент какие-то подонки лишают тебя всего... А на следующий день «Московская правда» сообщила, что за прошедший день в столице было зафиксировано 17 грабежей, 4 изнасилования, 2 разбойных нападения, 8 автоугонов и 26 квартирных краж. Таким образом, я оказался, если верить статистике, всего лишь «среднестатистическим пострадавшим» в многомиллионном городе, где каждый день кого-то убивают, насилуют, грабят...

Что же происходит? До каких пор человек будет чувствовать себя незащищенным, несмотря на то что сегодня на улице чаще чем раньше можно видеть милиционера с дубинкой?

Мы встретились с членом коллегии Прокуратуры СССР, директором Всесоюзного института проблем укрепления законности и правопорядка Прокуратуры СССР, лауреатом Государственной премии СССР, доктором юридических наук И. КАРПЕЦОМ.

Несколько слов о собеседнике. Еще в 1966 году, в пору, когда говорить об организованной преступности было просто опасно, в журнале «Советское государство и право» он опубликовал нашумевшую статью, в которой утверждал, что преступность есть закономерное для социализма явление. Вскоре после этого в инстанции на него было подано 40 (!) заявлений, в которых ученые, философы, юристы обвиняли новоиспеченного «пророка» в клевете на социализм. А еще раньше он утверждал наличие профессиональной преступности в стране и предсказал «взрыв» преступности в конце 80-х. Сегодня вице-президент международной ассоциации уголовного права, одной из самых авторитетных международных правовых организаций, наш собеседник.

— Когда знакомишься с регулярно публикующимися криминальными сводками, то кажется, что тебя-то уж минуют все эти кошмары: не повстречаешься с насильником, судьба убережет от приставленного к горлу ножа... Но, как показывают последние события, таких шансов у нашего человека все меньше и меньше. Сегодня обворовали меня, завтра — вас.

Игорь Иванович, считаете ли вы, что положение дел с преступностью сегодня угрожающее?

— Считаю. Для нынешнего периода такой всплеск преступности и по количеству совершаемых преступлений, и по характеру закономерен. Несерьезно было бы ждать иное в условиях экономической неразберихи, обострившихся социальных, межнациональных и политических конфликтов.

В то же время следует напомнить и тот факт, что с семидесятых годов кривая преступности идет только вверх. Только! Разгул преступности наблюдался в годы разрухи, после гражданской войны, в 30-е годы, когда был голод в деревне и социальная обстановка в обществе обострилась. А возьмите 53-й год — амнистию, ставшую притчей во языцех? Тогда на свободе оказалась огромная масса преступников. Но тот всплеск преступности был организован искусственно...

— Когда же было тревожнее!

— Не думаю, что правомочно ставить так вопрос. Когда преступность высока — всегда плохо.

— Но даже те, кто пережил и 30-е и 50-е годы, воспринимают сегодняшнее состояние с преступностью особенно остро...

— К сожалению, население не в курсе, насколько сложна эта проблема, насколько она всеми своими корнями уходит в экономическую и социальную ткань общества. Социальные процессы насильствовать нельзя. Преступность — явление, коренящееся во всех порах общественных отношений. Существует она столько, сколько существует само общество. Переусердствовали тут политики и идеологи, которым хотелось показать, что социализм — самый передовой строй в мире. Обычно для доказательства этого обращают внимание на преступность: вот у «них» плохо, а у нас — хорошо. И под этот идеологический миф мы искажали состояние дел, скрывали от людей истинное положение. И воспитали население в духе «непримиримости», что мы все и вся можем победить. Оттого и сейчас в ходу призывы: ликвидировать, искоренить! Мы, случалось, объявляли о снижении преступности. И начинались фокусы со статистикой, ибо объективного снижения не было. Говорили о том, что преступность не присуща социализму.

Между тем она для социализма столь же постоянный негативный спутник, сколько и для любой другой системы. Общество сейчас переживает тяжелейший переходный период. В экономике дела не улучшаются. Вы что, хотите, чтобы уменьшилось количество имущественных преступлений при развале экономики? Так обходиться с социальными явлениями нельзя. Требование снижения преступности в целом либо отдельных ее видов в подобных условиях есть типичнейший волюнтаризм. Полный отрыв от реальной действительности. И потом — не мы с вами первые боремся с преступностью и, уверяю вас, не последние. Жизнь человечества всегда сопровождала и сопровождает преступность, она никогда не бывает однозначна, имеет свои закономерности, развивается в соответствии с экономической, социальной ситуацией в стране.

— По правде говоря, становится не по себе от ваших слов, что победить, искоренить такое зло нереально. Но ведь именно «покончить», «искоренить» его и требуют сейчас люди. Это что, непонимание сути проблемы!

— Я бы сказал типичный идеализм. Как ни горько это констатировать и тем более признавать. Но лучше горькая правда, чем сладкая ложь. В современных условиях так ставить вопрос (я имею в виду идею «искоренения») вообще нельзя. Нам бы, дай бог, сдаться так, чтобы справиться с наиболее опасными ее формами, нейтрализовать коррумпированную, организованную преступность, добиться снижения числа наиболее тяжких видов преступлений. И, наладив положение с экономикой, сделать так, чтобы люди меньше воровали, чтобы меньше было хищений, взяточничества...

Вся история человеческого общества показывает нам: как только

ухудшается материальное положение людей, увеличивается преступность. Нельзя не отметить и тот факт, что сегодня моральные ценности понижены до такого уровня, до какого они не опускались даже на «растленном» и «презираемом» нами Западе. Уже не удивляешься на этом фоне росту безнравственности, недисциплинированности членов общества, росту насилия. Мы воспитываем человека всю жизнь. Портить же его умудряемся за год-два. А потом снова «воспитываем» целую жизнь. Часто — неудачно.

— В таком случае и через пять, и через десять лет у каждого из нас будет невеселая перспектива быть подстреленным из-за угла, получить «перо» в бок...

— Ваш вопрос поставлен чисто по-журналистски. Но если отбросить эмоции и исходить из реальностей, то, уверяю вас, никакие меры только правового порядка, никакое усиление деятельности органов милиции и прокуратуры само по себе, я это подчеркиваю, ничего толком не изменят. Ожидаемый результат даст только совместное, совокупное решение экономических, социальных, нравственных, воспитательных, межнациональных и правоохранительных проблем. А для этого нужно время, усилия всего общества.

Вы же помните, как мы без конца устанавливали сроки «ликвидации» преступности. И всякий раз попадали в, мягко говоря, неловкое положение. Но главное — это то, что к такому обману и «срокам» приучили население.

— Вы считаете, что корень зла — в нашей экономике. Однако программа ее оздоровления рассчитана на годы. Не сидеть же все это время сложа руки и ждать. Что-то нужно предпринимать сейчас.

— Не только в экономике, конечно, но в ней, думаю, в первую очередь. Пользуясь хаосом в ней, в ее сферу бросились обогащаться и люди нечестные. Они используют все возможные рычаги для достижения цели. Сегодня честные кооператоры просто тонут в этой бездне. А народ возмущен и протестует против таких, с позволения сказать, порядков.

Борьба с такой преступностью требует времени. И в первую очередь мер экономического плана.

С преступностью, связанной с насилием, с профессиональной нужно бороться иными мерами. Здесь можно выбрать те пути, результаты от которых наступают быстрее. В частности, в качестве первоначальной меры может быть и ужесточение законодательства, и вооружение правоохранительной системы техникой (общей и специальной), надо усилить кадры. Обеспечить их правовую защищенность. Уже сейчас с помощью этих мер можно добиться положительных результатов.

— Вакханалия творится и в законотворчестве. Мы уверенной поступью двигаемся к рыночной экономике. И в то же время усиливаем ответственность за спекуляцию. Но ведь рыночная экономика — это конкуренция, которая немислима без предпринимчivosti...

— Вы правы. Если мы движемся к рыночной экономике, то должны признать, что цены на рынке устанавливаются по законам рынка, а они со спекуляцией как преступлением не очень-то уживаются. Я не исключаю, что со временем нам придется пересматривать наше законодательство, но это тогда, когда цены на рынке устоятся и будет чем торговать. А сейчас мы живем представлениями о том, что всякая нажива за счет людей, за счет государства есть преступная деятельность. Мы хотим ввести в экономике еще

стему, которая нам не была присуща, а в вопросах права при этом остаемся на прежних позициях.

Раз мы ратуем за рыночную экономику, то должны будем когда-то признать, что такое преступление, как спекуляция, не существует (как в капиталистических странах). И в этом одно из противоречий нашего времени.

— Но народу-то от этого не легче. Оглянитесь — спекуляция зацвела махровым цветом.

— Я понимаю и, более того, убежден, что надо пресечь безудержную наживу, которую имеет огромное число кооператоров — этих социалистических бизнесменов или будущих капиталистов — называйте их как угодно. Но думаю, что сейчас мы боремся с «традиционным» спекулянтом, что не дает нужного эффекта.

Вы посмотрите, что в жизни: если конкретный человек купит несколько килограммов колбасы и будет перепродавать ее по двойной цене, то налицо спекуляция. Если же кооператив купит машину колбасы, разрежет ее на порции, упакует и будет продавать за ту же двойную цену, спекуляции нет, ибо в уставе кооператива записано, что он сам устанавливает цену. Таковы парадоксы «перехода» к рынку. Людям, привыкшим к иному, свыкнуться с этим психологически невозможно. И они правы. Теоретически все понимают: обогащение одних за счет других — это не социализм! А в экономических отношениях как раз действуют так, чтобы этот разрыв становился все ощутимее. Поэтому и законотворчество наше с изъятиями.

— Какие же нужны законы, способные вывести из прорыва!

— Одни даже самые хорошие законы не помогут выбраться из той пропасти, в которой мы оказались. Это юридический идеализм. Конечно, хороший закон — полдела. Полдела, но не все дело.

Есть и еще одна сторона проблемы. Наша трагедия состоит в том, что, строя правовое государство, точнее, провозглашая его необходимость, мы не научились делать то первое, с чего оно начинается — соблюдать действующие законы. Нарушение этого принципа идет с самого верха. Даже Верховный Совет СССР принимает подчас такие решения, которые если не нарушают Конституцию, то являются отступлением от нее. А то, что творят союзные республики, в частности Прибалтики (они ведь пока не вышли из Союза), принимая антиконституционные законы, подрывает саму идею правового государства, понятие законности вообще. Ни в одном капиталистическом государстве его субъекты не нарушают общегосударственные законы до той поры, пока они не изменены или не отменены в установленном порядке. Печально то, что многие юристы или «не замечают» нарушения правовых принципов, или оправдывают нарушения в угоду политическим лидерам и их амбициям. Но ведь такое уже было, хотя в другом контексте. И страдали люди. Вновь политика стоит выше права.

Вернемся, однако, к нашим вопросам.

Применительно к проблеме борьбы с преступностью, например, надо принимать Основы уголовного законодательства, Основы уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, а после этого кодексы республик.

Так же следует поступать и тогда, когда речь идет о некоторых новых составах преступлений, об изменении принципов и подходов к борьбе с организованной преступностью. Должны быть также решены оргвопросы, которые позволят законам исполняться. А то мы принимаем законы, а они часто организационно и материально не

обеспечены. И потому мертвы. Это относится ко всем законодательным актам о нетрудовых доходах, первоначальному варианту закона о кооперации.

Словом, все надо, надо... Но политическая дестабилизация, которая сейчас накладывается на экономическую, может опять поставить под угрозу нормальную деятельность правоохранительной системы и действенность самого законодательства.

— **Может, надо принять закон об исполнении всех законов!**

— Еще древние римляне говорили, что множественность законов характерна для испорченного государства. Поэтому нам себя портить дальше уже не стоит. Начинать надо с воспитания в людях одного важнейшего принципа: действующий закон, каким бы он ни был, надо соблюдать. Изменять и отменять его можно только в установленном порядке. Именно здесь начало всего. И, конечно, идти по пути постепенного совершенствования законодательства с учетом новых экономических, политических, социальных реалий в жизни общества.

— **Вы говорили о формулировках в партийных документах типа «ликвидировать преступность». Но ведь фразы эти, надо полагать, исходили из кабинетов научных учреждений вроде вашего...**

— Я такие упреки не принимаю. Наш институт был создан в 1963 году. Н. С. Хрущев «сорил» всякого рода прожектами типа «Мы с собой в коммунизм хулигана не возьмем», «Через двадцать лет ликвидируем преступность». А через 20 лет во время выступлений в других странах мне приходилось крутиться, простите, как ужю на сковородке, и говорить, что Н. С. Хрущев не то имел в виду. Так вот, в 63-м году у нас в стране пришли к выводу, что надо создавать институт для изучения преступности и ее причин. Заметьте, это произошло в то время, когда идеологи твердили, что у нас, при социализме, вообще нет причин для преступности. Парадокс, но факт. В истории было так, что ученые, которые еще до нас изучали преступность и говорили о ее причинах, в частности Шляпочников, один из директоров ликвидированного в свое время Института по изучению преступности и личности преступника, жестоко поплалились. Тот институт был расформирован, а директор его отбыл в места не столь отдаленные. Можете себе представить, каково мне было садиться после этого в директорское кресло? И все же наш институт еще в 63-м году первым вновь заговорил о том, что надо смотреть на состояние дел с преступностью без розовых очков. Но идеологизированные представления об идеальном социализме тормозили исследования, хотя замалчивать их уже было нельзя. В 1966 году для журнала «Советское государство и право» я написал статью, где сказал, что преступность есть закономерное для социализма явление. С меня, естественно, потребовали объяснений. Но так как меня только что назначили директором института и я доказал корректность такой постановки вопроса, мы договорились «с верхами» о замене слова «закономерно» на слова «объективно обусловлено», чтобы не шокировать тех, кто о закономерностях привык говорить иначе. Но все равно в то время это была победа, да еще какая! Противостояние же между идеологическими концепциями и криминологической теорией оставалось.

Например, во всем мире существуют понятия «предупреждение преступности», «контроль за преступностью». У нас же — только «беспошадная борьба», «ликвидация», «искоренение»...

— **Сегодня в обществе по отношению к тем, кто преступает закон, существуют два полярных мнения: одно — жечь их каленым**

железом, другое — смягчать карающие законы. Какова ваша позиция?

— Вопрос о том, каким путем нам идти, сугубо конкретный. Скажем, в период стабильных отношений — стабильные цифры преступности. Тогда, конечно, есть база для воспитания населения в духе гуманизма. Ведь жестокость рождает ответную жестокость. Это давно и не нами доказано. Но так ли все просто?

Многие считают, что от смертной казни надо отказаться. Я вам больше скажу. Из-за границы я получаю довольно много писем, в которых представители гуманистических движений обращаются ко мне и просят: требуйте отмены смертной казни в СССР. Мы провели исследования, и оказалось: значительная часть общества не готова к тому, чтобы мы шли по пути послаблений опасным преступникам. И, думаю, не считаться с общественным мнением мы не можем, как и с тем, что преступность по характеру своему стала опаснее. Вымогательство (рэкет), например, часто граничит с бандитизмом. Убийств и насильственных преступлений меньше не становится. Можем ли мы в этом случае ставить вопрос об отмене смертной казни?

Я за то, чтобы смертная казнь осталась, но за очень ограниченный круг преступлений, связанных с посягательствами на жизнь человека.

— Сегодня организованная преступность набрала такую силу, что начинает влиять на исход выполнения принимаемых общегосударственных программ выхода из тупика. Я думаю, что и в понимании того, что такое организованная преступность, и в оценке размаха ее нужен взвешенный подход.

— Я бы не стал рассматривать организованную преступность как единый организм.

Есть один ее вид — это организованная общеуголовная преступность. Воры, грабители, бандиты, убийцы становятся сплоченнее. Появилась новая форма вымогательства, именуемая рэкетом. Считаю, что уже сегодня мы могли бы вести с ним успешную борьбу, квалифицируя эти действия как бандитизм при наличии вооруженности. И наше законодательство сегодня позволяет это делать.

Другой вид организованной преступности — должностная. В нее втянуты люди, занимающие ответственные посты в государственном, партийном, хозяйственном аппаратах и даже в правоохранительной системе. Мафия на Западе — это преступность изначально нелегальная. Она как бы противостоит официальным структурам. А вот у нас этот вид преступности зародился на базе легальных структур. Она организовалась на основе существующего положения в торговле, промышленности, учреждениях снабжения и быта, кооперации, в других отраслях народного хозяйства. И в этом ее опасность. Кроме того, если бы не так стремительно шло нравственное разложение определенных эшелонов нашего государственного, хозяйственного, партийного аппарата, эта преступность не имела бы таких корней.

Росту организованной преступности в нашей стране способствует наличие «теневой экономики». Впрочем, «теневая экономика» существует везде. Это тоже надо знать. Наши неурядицы, неумение планировать, распределять ресурсы создают не только почву для преступности вообще, но и для возникновения определенных форм организованной преступности. Даже крупные руководители оказываются наверху этой пирамиды и получают взятки от нижних эшелонов, на которые опираются. Но организованная преступность этого плана вовсе не обязательно должна выходить вверх или на «са-

мый верх». Ей достаточно и среднего звена. Например, нашей наркомафии достаточно иметь связи на уровне местных правоохранительных органов. Так же, как организованной преступности в различных отраслях хозяйства со своими «средними» управленцами.

Организованную преступность нельзя путать с групповой. Она всегда была. Но не всякая группа — организованная преступность. Не будем пугать себя.

— Какие же выходы из тупика видит наша наука?

— Не простой этот путь, не скорый. Мы ведь привыкли к «ускоренному» решению проблемы. А спешка приводит к новым ошибкам с более тяжкими последствиями. И уже хорошо то, что мы сегодня поставили этот вопрос на всенародное обсуждение. Не стали скрывать от людей сложность проблемы. Надо взглянуть на вещи трезво. Тогда на борьбу со злом можно будет (и нужно!) поднять все общество. Хотя сложные виды преступности для борьбы с ними требуют прежде всего высокого профессионализма от правоохранительной системы. Это тоже надо понимать. Ибо общественность, ее помощь нужны там, где это нужно. Лозунги типа «пусть земля горит...» — вчерашний день и делу не помогут. Еще раз повторю: комплекс мер, профессионализм, действенное законодательство. И, конечно, не рывки и «сроки», а упорная и трудная повседневная работа.

— В последнее время был опубликован ряд важных нормативных актов, в частности о кооперативах. Замечено, что после разрешения такого рода деятельности началось бурное развитие еще одного ответвления преступной деятельности. Можно было предвидеть, что это произойдет... Где же были ученые!

— Когда у нас в стране решаются какие-то новые хозяйственные вопросы, то мы, ученые-криминологи, сталкиваемся с таким положением: выдвигается новая система хозяйствования, и она всегда рассматривается в своем идеальном варианте, в классическом виде. А все остальные «житейские» вопросы предполагается решить потом. Скажем, всем памятное постановление о строительстве хозяйственным способом. В принципе правильное. Но не были решены прилегающие проблемы — снабженческо-организационные. Или другой пример. Дается, например, конкретный план предприятию — выполнить его надо на 100 процентов. А «отоварили» план ресурсами на 75. Для меня, как криминолога, ясно: здесь будут преступления. Недостоящие фонды «доставались», в том числе за взятки. А давший взятку должен возместить потери, которые он понес ради государства. Отсюда начинаются хищения. Такова цепочка. А где ее начало? А начало в системе планирования. То же самое и с кооперативами. Для нас, криминологов, было ясно, что при скудости нашего рынка начнется скупка товаров и сырья за счет населения и госсектора. Но голос возражающих услышан не был, зато в наш адрес слышалось угрожающее: «Консерваторы, против нового!» И даже: «Против перестройки!» А может быть, перестройке вредят непредуманные, да еще навязываемые решения?! И я поэтому думаю, хорошо если бы в практику была введена криминологическая экспертиза подготавливаемых законов. Чтобы ученые, занимающиеся проблемами преступности, могли сказать: в этом решении есть там-то и там-то лазейки. Давайте подумаем, как их закрыть.

Есть же у нас экологическая экспертиза, есть судебно-медицинская, другие виды экспертиз.

— Прокурорский надзор — «око государево». Но в последнее время оно многое не замечало.

— Прокуратура — это часть политической системы, и она действует в ее рамках. Она, как и суд, должна подчиняться только закону. И вот в тех случаях, когда власть предрасположена не затрагиваться, тогда прокуратура и суд работали свободно. Но как только хотя бы малейшим образом задевались интересы тех, кто руководит, прокуратуру нередко били по рукам. Но даже в тех условиях возбуждались дела на крупных расхитителей. Это дела по Узбекистану, Краснодару, по другим регионам. Они были возбуждены прокуратурой. И работала она совместно с МВД, КГБ, контролирующими органами. Но, конечно, и она была поражена теми недостатками, что и система в целом. Рашидов, к примеру, с помощью той же правоохранительной системы расправлялся с теми, кто посягал на его власть. И беды, свойственные прокуратуре в прошлый период, сказываются и сейчас. И ей приходится расхлебываться за все провалы, которые сопровождали ее деятельность, как и деятельность всей правоохранительной системы. Сейчас эта порочная система ломается. Сейчас разрабатывается новая концепция прокурорского надзора, готовится новый Закон о прокуратуре.

Но я должен заметить: наблюдается тенденция к принижению роли прокуратуры в системе органов государства. Мне думается, что ни переоценивать ее значение, ни принижать ее роль как инструмента за соблюдением законности в стране просто нельзя. Для правового государства это недопустимо.

— У нас и до этого было немало законов, способных поставить заслон преступности. Но они не работали. Им на смену идут новые. Но где гарантия, что и этих не постигнет участь их предшественников?

— Гарантия — гласность, новое мышление. И, конечно, контроль со стороны Комитета конституционного надзора, прокуратуры, суда. Деятельность законодателей и правоохранительных органов на виду всего общества. Кстати, многие действующие и еще не измененные законы и сейчас могли бы действовать в полной мере, но их надо выполнять. В этом корень вопроса. Что же касается новых, то не надо поспешности в их принятии. Так ведь можно и любой хороший закон загубить, и практику дезориентировать.

Беседовал В. ЩЕРБАНЬ

КОММЕНТИРУЕТ ПРЕСС-ЦЕНТР МВД СССР

**Ведет рубрику полковник внутренней службы,
кандидат юридических наук В. МИХАЙЛОВ.**

Серьезное влияние на состояние преступности в стране оказывают ранее судимые лица. Ими в истекшем году совершено свыше 40 процентов умышленных убийств и покушений на убийство, тяжких телесных повреждений, изнасилований, грабежей, краж из квартир и более 50 процентов разбойных нападений на граждан.

Есть много причин, тормозящих процесс предупреждения повторной преступности.

Во-первых, остается нерешенной проблема социальной адаптации, бытового и трудового устройства освобожденных граждан. Ежегодно из мест лишения свободы, спецкомендатур, приемников-распределителей для бродяг и лечебно-трудовых профилакториев освобождается свыше полумиллиона человек. Каждый третий-четвертый из них утратил родственные связи, нуждается в бытовом и трудовом устройстве, материальной и медицинской помощи. Однако государственно-правовой механизм организации реабилитационной помощи отбывшим наказание до настоящего времени не выработан. Многие государственные органы, на которые возложены эти функции, самоустранились от работы, ошибочно полагая, что трудоустройством и бытом таких лиц должна заниматься исключительно милиция.

В результате такого подхода, а также повсеместного отказа в приеме на работу судимых лиц зачастую по надуманным мотивам (отсутствие мест в общежитии, свободных вакансий по специальности и т. п.) многие из освобожденных, не имея жилья, работы, средств к существованию, совершают новые преступления. Ежегодно более 140 тысяч судимых выявляется среди тунеядцев и бродяг, почти 40 процентов из числа привлеченных к уголовной ответственности за повторные преступления не занимались общественно полезным трудом.

Во-вторых, отрицательное влияние на решение социально-бытовых вопросов лиц, отбывших наказание, оказывает существующая система ограничений на прописку граждан по мотивам судимости более чем в 70 городах и населенных пунктах страны. Только в Москве за последние четыре года из их числа около 60 тысяч (57 процентов) подпадали под паспортные ограничения. Многие из них, прописавшись в близлежащих областях, фактически проживают в Москве и Московской области на нелегальном положении. Из 5,5 тысячи злостных нарушителей паспортных правил, привлеченных в Москве к уголовной ответственности за указанный период, около половины являлись бывшими москвичами. Предложения об отмене указанных ограничений на прописку судимых МВД СССР в сентябре 1989 года внесло в Совет Министров СССР. Однако этот вопрос до настоящего времени остается нерешенным.

В-третьих, острота проблемы трудового и бытового устройства освобожденных обусловлена еще и тем, что многие из них страдают тяжелыми хроническими заболеваниями, имеют пенсионный возраст. Из 13—15 тысяч освобожденных, ежегодно нуждающихся в помеще-

нии в дома интернаты для престарелых и инвалидов, туберкулезные стационары, удается устроить из-за отсутствия в них мест только 3—3,5 тысячи. Принятое 24 мая 1989 года постановление Совета Министров СССР № 424 о создании в системе органов социального обеспечения сети специальных домов-интернатов для престарелых и инвалидов, освобожденных из мест лишения свободы, приемников-распределителей для бродяг выполняется крайне медленно. В 1989—1990 годах запланировано открыть 40 таких интернатов, но открыты лишь единицы.

В-четвертых, по-прежнему серьезным препятствием на пути решения вопросов бытового и трудового устройства судимых является отсутствие надлежащей законодательной основы реабилитационной помощи отбывшим наказание. Существующая система правового регулирования этих вопросов не обеспечивает своевременной и полной реализации их конституционных прав на труд, жилище, охрану здоровья и пенсионное обеспечение.

При этом надо отметить, что в ряде зарубежных стран приняты самостоятельные законодательные акты, регламентирующие решение всего комплекса проблем ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. В Польше, например, на эти цели выделяется 5 процентов отчислений от зарплаты осужденных. В гяжелое для нашей страны время исправительно-трудовое законодательство 1924 года устанавливало обязательное 15-процентное отчисление от чистой прибыли производственной деятельности ИТУ для помощи освобожденным. Для этих целей был создан Всероссийский комитет помощи заключенным и освобожденным при наркомате юстиции. В 1928 году решение этих вопросов было передано в ведение местных Советов. Такой порядок просуществовал до 1933 года. Впоследствии общегосударственных мер по решению этих проблем не принималось.

В таких условиях ряд органов внутренних дел страны, первоначально городов Куйбышева, Тольяти, Калининграда, Ярославля и Бухары, пошли по пути создания на базе общежитий хозорганов, использующих труд условно-осужденных (освобожденных), центров (советов) социальной адаптации лиц, отбывших уголовное наказание, и создания фондов материальной помощи освобожденным.

В настоящее время в стране насчитывается более 40 центров социальной адаптации освобожденных. За период их работы (с апреля — мая 1989 г.) в них нашли приют более 600 человек, утративших за время нахождения в ИТУ родственные связи и право на жилье.

В целях кардинального изменения сложившейся в стране практики трудового и бытового устройства освобожденных, их социальной адаптации, устранения ныне существующих коллизий в различных законодательных и ведомственных нормативных актах, ущемляющих права судимых, целесообразно:

— внести соответствующие изменения и дополнения в Основы жилищного, трудового, гражданского, уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, направленные на безусловное обеспечение конституционных прав осужденных и отбывших наказание на труд, жилье и социальное обеспечение;

— принять по опыту других зарубежных стран закон о социальной адаптации лиц, отбывших уголовное наказание;

— предусмотреть в законодательном порядке создание специальных фондов материальной помощи осужденным и освобожденным,

которые по тем или иным причинам в этом остро нуждаются. Определить источники их образования, минимальные и максимальные пределы таких пособий;

— определить меры экономического стимулирования предприятий, учреждений и организаций (сокращение объема и освобождение от платы за трудовые ресурсы, льготные нормативы формирования фондов зарплаты для хозрасчетных бригад, социального развития предприятий и т. д.) за прием на работу и обеспечение жильем ранее судимых, бронирование рабочих мест;

— повсеместно учитывать освобожденных в плановом балансе трудовых ресурсов, что позволит включить сотни тысяч человек в государственную систему трудоустройства (в настоящее время Госкомтруд этого не делает).

Конструктивные вопросы социальной адаптации ранее судимых лиц, по нашему мнению, должны найти свое отражение также в рамках общесоюзной программы борьбы с преступностью.

По указанным и другим нерешенным проблемам МВД СССР подготовлены и внесены конкретные предложения.

Многие из этих мер носят долговременный характер, и реализовать их не просто. Однако уже сейчас многие возможности, которыми располагает наше общество, должны активно применяться в повседневной практической деятельности государственных органов, общественных организаций, трудовых коллективов. Призывая к милосердию в отношении тех, кто нуждается в социальной помощи, мы должны видеть в ту категорию из числа ранее судимых, которые не склонны становиться на путь исправления. Статистика показывает, что в 1989 году каждое четвертое, а по линии уголовного розыска — каждое третье преступление совершено ранее судимыми.

В отношении же опасных преступников, рецидивистов должна применяться вся сила и суровость наших законов.

* * *

В одном из предыдущих материалов «Комментирует Пресс-центр МВД СССР» сообщалось, что в мае 1989 года принят Указ, предусматривающий сохранение за осужденными не менее 10 процентов заработка, независимо от всех удержаний, для покупки продуктов питания в магазинах ИТУ.

В МВД и редакцию поступили многочисленные обращения осужденных и сотрудников ИТУ с просьбами разъяснить положения Указа. Выполняем их просьбу.

Гарантированное зачисление 10 процентов на лицевой счет осужденного (ст. 29 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик) исчисляется от начисленного ему месячного заработка.

Начисление же заработка производится с учетом частичного возмещения расходов по содержанию ИТУ в соответствии с Инструкцией об оплате труда осужденных, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях МВД СССР, утвержденной приказом министра внутренних дел СССР № 118 от 25.04.72.

Таким образом, зачисления на лицевой счет осужденного 10 процентов производится после вычета из заработка сумм на содержание ИТУ.

ПРИЗЫВ... В ПУСТОТУ

ИЛИ КАК ЗАЩИТИТЬ КОЛЛЕКЦИОНЕРА

— Только если будете писать, прошу вас, не называйте моей фамилии...

Хозяин квартиры показывал мне свою коллекцию янтаря. Коллекцию уникальную, равной которой, по мнению специалистов, в СССР нет ни в музейных, ни в личных собраниях, и уже никогда не будет (ничто на земле не бесконечно в том числе и янтарь). Все это разноцветное великолепие размещалось в обычной московской квартире, подверженной как и все такие квартиры, пожарам и прочим бедствиям. Мне повезло. Редко кому удавалось вот так целиком, увидеть знаменитое (в узких, увы, кругах) собрание. Прощаясь, обратил внимание на хитроумную, явно по особому заказу сделанную систему запоров и сигнализации. Спросил: «Бойтесь!»

ГОРЬКАЯ КРАСОТА

Горечь омрачила только что виденную красоту. А позже в который раз вызвала невоселые раздумья о нелегкой доле коллекционера в нашей стране. В самом деле, почему человек, делающий важное, благородное, нужное обществу дело, вынужден жить в страхе и тревоге? И ведь не «под себя гребет», мечтает передать коллекцию хорошему музею. Да вот беда — ситуация типичная — музеи хотят отобрать лишь отдельные, интересные им экземпляры.

Вот и получается, сам коллекционер понимает значимость и ценность своего собрания, да, похоже, понимает лишь один. Ну, еще два-три человека. Никому не нужно то, что он собрал. А от кого тогда замки и засовы?

Невеселые раздумья влекут за собой не менее грустные выводы. Вот один из них, казалось бы, парадоксальный: если при жизни коллекционеров их собрания на первый взгляд никому не нужны, то, лишаясь своего владельца и хранителя, коллекция мгновенно становится объектом повышенного интереса со стороны тех же музейных работников, и не только их.

В качестве наиболее яркой иллюстрации сказанному можно привести историю коллекции В. Ашика, которая до сих пор вызывает содрогание в кругах коллекционеров. История эта в свое время была достаточно подробно описана в «Известиях». Поэтому напомним лишь самое основное.

В 1985 году в Ленинграде скончался видный советский кораблестроитель В. В. Ашик. Менее чем месяц спустя ушла из жизни его вдова. После их смерти лишилась наследников коллекция, которую в течение ста лет собирало три поколения семьи Ашиковых. Дед — А. Б. Ашик, известный российский археолог, отец — В. А. Ашик, крупный инженер, член императорского русского военно-исторического общества, сын — В. В. Ашик. В составе коллекции — живопись, скульптура, антиквариат, превосходная коллекция медалей. В. В. Ашик завершил дело трех поколений своей семьи — собрал воедино все русские медали, известные по каталогу Смирнова 1908 года. Коллекция — достойная крупнейшего музея. Ашик и обращался в музеи, предлагая свою коллекцию, — в Эрмитаж, Государственный Русский, Третьяковскую галерею. Ставил, правда, условие — создание мемориального зала Ашиковых. С залами у нас, известное дело, трудно...

Буквально на следующий день после смерти вдовы В. В. Ашика в доме появились сотрудники Петродворцового музея-заповедника. Они споро начали опись и вывоз коллекции, несмотря на просьбы родственников покойной подождать хотя бы до похорон.

Благодаря вмешательству милиции опись и вывоз были прекращены. Коллекцию вроде бы восстановили. Во всяком случае, ленинградская прокуратура не установила «фактов хищения имущества Ашика». Друзья же коллекционера обнаружили немало утрат. Во всяком случае, точно установлено, что исчез весь раздел нумизматики доекатерининского периода. Потери установить было трудно потому, что первым делом исчезла опись коллекции, составленная Ашиком, страховочной же описи, тем более каталога не было.

После многих злоключений часть коллекции оказалась в Ярославском художественном музее. Очевидцы, побывавшие там в прошлом году, рассказывали мне, что хранится она в безобразных условиях, весьма способствующих к тому же расхищению. Одним словом, как коллекция собрания Ашиковых погибла безвозвратно.

Более свежий пример — судьба коллекции Н. В. Ростовцева. Старый, одинокий, больной человек, ютившийся в коммуналке, он также щеотно предлагал свою богатую коллекцию произведений искусства, антиквариата, ювелирных изделий Музею истории Ленинграда. После его смерти было зафиксировано исчезновение из коллекции 75 изделий из серебра, картины художников школы Рембрандта, 49 изделий из золота, в том числе колец с бриллиантами, сапфирами, кулона с аметистами, топазами, мелкими бриллиантами. Остатки собрания разошлись по наследникам. Коллекции не стало.

ПУЛЕМЕТ ПРОТИВ... ДУХОВНОСТИ

Почему столь очевидные ценности оказались не нужны музеям, ответить несложно. Крупные музеи интересуют соответственно и «крупные» вещи, соразмерные рангу учреждения. Понятие «музейная коллекция» отлично от понятия «коллекция личная», и понятие второе музейные работники, похоже, и не могут, и не хотят. Музеи рангом пониже... Им в свое время дал довольно точную характеристику первый заместитель председателя правления Советского фонда культуры Г. Мясников: «Состояние запасников наших областных музеев таково, что там гибнет значительно больше ценностей, чем собирается коллекционерами» («Советская культура» 24 марта 1987 г.).

Что же касается экспозиционных площадей этих музеев (а ведь коллекционеры, как правило, передавая собрания в дар, просят хотя бы о создании мемориального раздела), то с ними тоже нелегко. Ведь им надо обязательно предоставить минимум один отдельный зал. А где его взять, если необходимо выделить самое почетное место для демонстрации канонического пулемета системы «Максим» и винтовок-трехлинейек.

У меня давно уже сложилось впечатление, что существует некая секретная инструкция, обязывающая каждый местный музей выставлять на обозрение публики пулемет и именно этой системы. Однажды в Сибири увидел в местном музее редкий для тех краев добротный немецкий пулемет системы «Шпандау». Несмотря на то что названия системы и страны изготовителя были четко выбиты на казенной части, табличка уверяла посетителей, что перед ними — «Максим». Очевидно, истинных «Максимов» на всех не хватает и приходится выкручиваться. Короче говоря, при таких заботах явное дело не до коллекций.

Ну и стоит ли прикидываться наивными и спрашивать, кому же понадобились предметы из коллекций антиквариата, произведений искусства, если они совершенно не нужны музеям? Это при нашей-то инфляции, когда и так общеизвестно, куда надежней всего вкладывать деньги. Притом, что русский антиквариат сейчас, пожалуй, единственное, что интересует в нашей стране зарубежного покупателя! В США, например, в моде сегодня, а значит, в цене русская мебель. На аукционе «Кристи» в позапрошлом году уже было продано рекордное количество предметов русского искусства. Спрос, как известно, рождает предложение.

В конце прошлого года финская газета «Хельсингин саномат» напечатала сообщение из города Котка: «12 человек привлечены к суду в городе Кюля за широкую контрабанду. Среди обвиняемых, в частности, директор распорядитель обанкротившейся турфирмы, водители автобусов, бизнесмены и служащие авиакомпании. Как следует из обвинения, они тайно перевозили из СССР, в частности, на автобусах, картины, предметы антиквариата, украшения... Общая стоимость перевезенного контрабандным путем товара за период с 1986—1987 гг. колеблется от одного миллиона до нескольких миллионов... В среду будет рассматриваться дело, которое раскрылось весной 1987 года, когда 3 туристических автобуса были задержаны на советском погранпункте в Торфяновске. В автобусе из Ииттала в марте 1987 года были найдены 13 картин — живописи и графика. Стоимость спрятанных в тайниках картин оценивается примерно в 80 тысяч марок. В автобусе из Рованиему, задержанном в тот же день, были найдены 2 картины, общая стоимость которых оценивается в 84 тысячи марок. Месяц спустя советские пограничники обнаружили в автобусе из Иисалми драгоценности и картины общей стоимостью в 350 тысяч марок. Общая стоимость обнаруженной контрабанды составила более 1 млн. марок. ...По одной из оценок, 5 процентов водителей автобусов или грузовых машин участвует ... в контрабандных перевозках. Многие водители с легкостью могли перевозить деньги и контрабанду.

...Обвиняемый руководитель обанкротившейся турфирмы заказал вмонтированные тайники для контрабанды в автобусах.

...В перевозке картин, предметов антиквариата, драгоценностей и наркотиков в настоящее время властвует рынок водителей. В СССР все еще хватает товара, а также тех, кто его предлагает,

несмотря на то, что власти пытаются перекрыть его утечку. Другие представители власти участвуют в этом деле. По словам одного водителя, вознаграждение за перевозку колеблется от двух до двенадцати тысяч марок. Грузов набирается более двадцати. Рекордная сумма, которая была предложена, составила 60 тысяч марок за 6 картин, свернутых в рулон.

...Кроме автобусов, картины, предметы антиквариата, драгоценности перевозились в тайниках на теплоходах и самолетах. Часть картин курьеры перевозили втайне от таможенников наклеенными на спинах, между прокладочной тканью в дорожных сумках или в оберточной бумаге на самоварах... Предполагается, что наиболее ценные картины, предметы антиквариата, украшения вывезены через Финляндию в другие страны. В этом судебном деле связи тянутся по крайней мере в Швецию, ФРГ...

А вот и более свежая информация — у членов труппы театра «Ла Скала», приезжавших в Москву осенью прошлого года, изъято на таможне более полутора сотен икон. В Таллинне недавно задержано два грузовика с тайниками, где находился русский антиквариат. Причем, на мой взгляд, главное зло здесь не в самом факте похищения отечества предметами старины, а в том, что, будучи вырванными из коллекций, они во многом теряют свою историческую ценность — происхождение и судьбу. У нас ведь нет каталогов личных коллекций. Впрочем, об этом мы еще поговорим.

Как и любой гражданин страны, коллекционер имеет право на защиту со стороны государства себя и своей собственности. Но мало того, что он безразличен музеям и весьма интересен определенному роду личностям. Он еще и на подозрении у правоохранительных органов как личность неясная. Из такого поистине катастрофического триединства неблагоприятных обстоятельств рождаются порой совершенно невероятные детективные ситуации.

В мае 1984 года Василеостровским районным народным судом Ленинграда был осужден к пяти годам лишения свободы Н. В. Никитин, признанный виновным в нарушении правил о валютных операциях — приобретении, обмене и продаже серебряных монет. Первая важная деталь: Никитин был коллекционером, собирал не только монеты, но и иконы, антиквариат. Вторая важная деталь: 20 сентября 1982 года Никитин уже находился под следствием (нумизматы этот нюанс поймут). Для непосвященных же поясню: 20 сентября 1982 года Министерством культуры СССР была утверждена «Инструкция о порядке совершения между гражданами сделок купли-продажи, обмена и дарения в целях коллекционирования единичных экземпляров монет, являющихся валютной ценностью». Это очень странная инструкция. Она, действовавшая до 1988 года, разрешала нумизматам покупать и продавать монеты на сумму не свыше пяти рублей. Таких, даже медных, представляющих интерес для коллекционера, нет. Следовательно, едва ли не любое пополнение коллекции можно расценивать как преступление.

Так вот, Никитин даже этой инструкции не нарушал из-за отсутствия последней в пору его свободной жизни. По существовавшим же до «Инструкции» правилам, он имел право покупать, продавать и менять серебряные монеты, только будучи коллекционером. И вот Никитин доказывает, что он коллекционер, следствие и суд — что вовсе и нет. Для окончательного выяснения истины следствие решило заручиться актом экспертизы. Провели экспертизу, надо сказать, весьма своеобразно.

Сразу после ареста все коллекции Никитина были изъяты и переданы на хранение в Музей истории Ленинграда. Так вот в качестве эксперта был приглашен... сотрудник этого музея. От его слова зависело, останется ли коллекция в музее или будет возвращена освобожденному Никитину. Выбирая между коллекцией и человеческой свободой, сотрудник музея выбрал коллекцию, дав заключение, что она... коллекцией не является. Никитин получил пять лет. Не помогло и письмо в судебные органы председателя правления Ленинградского общества коллекционеров, в котором убедительно доказывалось, что Никитин был коллекционером, а его собрание — коллекция и что ни буковки действовавших тогда правил он не нарушил.

Но история на этом не кончилась. Завершилась она тем, что не так давно коллекция Никитина была полностью похищена из Музея истории Ленинграда. Не буду выдвигать версий. Следствие по этому делу еще ведется. Скажу только, что по акту, состоящему из 28 листов и утвержденному директором музея Н. Дементьевой, значится исчезновение 1071 предмета: монет, медалей, часов, икон, изделий из золота, серебра, драгоценных камней стоимостью в 102 238 рублей, без учета стоимости по неизвестным причинам неоцененных 80 монет, 80 икон и одной картины.

Анализируя эти и другие аналогичные случаи, поневоле приходишь к выводу, что, во всяком случае, в Ленинграде, среди отдельных музейных работников и некоторых представителей правоохранительных органов сложилась довольно стройная система форм и методов общения с коллекционерами. Рискуя утомить читателя детективными сюжетами, приведу еще одно тому подтверждение.

Спустя два года после ареста Никитина в том же Ленинграде был арестован крупный коллекционер И. Бондаренко. Об этом громком деле в свое время было достаточно подробно рассказано в «Неделе» (№ 42, 1988 г.). Поэтому максимально коротко о сути: И. Бондаренко — представитель третьего поколения семьи коллекционеров, собиравшей предметы искусства. Свою коллекцию завещал государству. Задержан сотрудниками УБХСС по обвинению в спекуляции в особо крупных размерах (по мнению юристов, занимавшихся этим делом, поводом для ареста послужила провокация). В ночь после ареста те же сотрудники милиции, что и задерживали его, провели на квартире Бондаренко обыск без санкции прокурора и фактически без понятий. После чего изъяли всю коллекцию. Вскоре ряд ленинградских газет поместил на своих страницах разоблачительные материалы о «крахе миллионера Бондаренко». Меньше чем через месяц Бондаренко был признан судом невиновным. Ему вернули коллекцию. Но не полностью. Со старинной иконы Казанской богородицы были срезаны 8 крупных жемчужин, оказалась подмененной скрипка работы Страдивари...

О том, как Бондаренко стал «миллионером», в «Неделе» не было написано. Зато это можно прочесть в рапорте ответственного работника Прокуратуры СССР, занимавшегося расследованием уголовного дела о нарушениях законности сотрудниками УБХСС Ленблгорисполкомов.

«По делу Бондаренко сотрудники УБХСС... ставили передачу коллекции в тот или иной музей или научное учреждение в зависимости от выводов экспертизы, произведенной работниками этого учреждения. Требуя от привлеченных в качестве экспертов работников Зоологического института АН СССР Медведева Г. С. и Коз-

лова М. А. дать коллекции инклюзов (янтаря с включениями) страховочную оценку в 1 миллион рублей, сотрудники УБХСС угрожали, что в противном случае они передадут коллекцию в любой другой музей. Понимая, что не имеющий большой товарной ценности янтарь с включениями представляет для института большую научную ценность, эксперты-ученые в заключении экспертизы указали «нужную» страховочную оценку — 1 миллион рублей, тогда как, по их мнению, должны были оценить в 30—50 тысяч. Давая такую оценку, они не понимали истинной значимости своего заключения...»

Мне рассказали, что не так давно Ленинградское УБХСС обратилось в городское общество коллекционеров с просьбой предоставить списки всех членов общества с указанием кто что собирает. Чтобы лучше охранять. Удивительно ли, что общество наотрез отказало милиции?

КРИМИНАЛЬНЫЙ АКЦЕНТ

Но довольно детективов. Признаюсь, горько и обидно говорить о таком благородном и прекрасном деле, как коллекционирование произведений искусства, памятников культуры, с криминальным акцентом. Думаю, не стоит подробно доказывать важность собирательства, его огромную пользу для общества. Подчеркну только, что при том плачевном состоянии, в котором находится сегодня наше музейное дело, когда гибнут не отдельные единицы хранения фондов, но целые фонды, разрушаются не отдельные музеи, а целые музейные города (например, Смоленск), именно коллекционер, его увлеченность, страсть, предприимчивость являются той реальной силой, которая во многом способна спасти, собрать, сохранить для потомков наше великое национальное богатство. И эти подвижники, как видим, совершенно беззащитны. Они и их коллекции нужны и интересны, оказывается, совсем не тем, кому бы хотелось. Что же делать? Какие шаги предпринять для защиты?

До относительно недавнего времени авторы публикаций в лучшем случае просто стремились привлечь внимание общественности к этой проблеме. И, похоже, дело сдвинулось с мертвой точки. В октябре прошлого года в Москве состоялся учредительный съезд Всесоюзного общества коллекционеров при Советском фонде культуры, о необходимости которого так много говорили. Года через два в Москве же откроется для посетителей Музей личных собраний. Найден выход?

Сегодня Всесоюзное общество коллекционеров, как рассказал мне член бюро его правления, известный московский коллекционер В. Дудаков, объединяет уже 12 тысяч человек. Это спустя немногим более четырех месяцев после его создания! Точнее, речь надо вести скорее о воссоздании. Ибо такое общество существовало в стране до 1938 года (и еще раз о потерях: в середине тридцатых годов нижегородское общество коллекционеров насчитывало 2 тысячи членов, сегодня горьковское — 120 человек). Основная задача общества — централизованный обмен информацией, выпуск газеты и журнала, организация выставок. Все это важно и нужно. Но не погрешу против истины, утверждая, что коллекционеры столь активно ринулись под крыло общества, прежде всего надеясь найти в нем защитника. Правовую защиту коллекционеров общество считает в числе задач важнейших. Другой вопрос, на-

сколько оно к тому способно? Опыт Ленинграда, а там традиционно сильная и авторитетная организация коллекционеров, показывает, что способно не очень и не всегда. А в чем преимущество Всесоюзного общества? Правда, то у него те же...

Музей личных собраний. О необходимости создания его тоже говорили и давно, и долго. И это прекрасно, что он наконец у нас будет. Только более справедливым было бы назвать его музеем И. С. Зильберштейна. Ведь именно благодаря усилиям этого блестящего коллекционера удалось «пробить» шесть лет назад решение о его создании.

Коллекция Зильберштейна — более двух тысяч вещей — крупнейшая в стране коллекция графики, в том числе работы Рембрандта, Фрагонара, уникальное собрание Россини — рисунков западноевропейских художников, работавших в России в XVIII—XIX веках, беспрецедентный по своему богатству раздел русской графики: работы Репина, Саломаткина, Бакста, Бенуа, Добужинского... Эта коллекция стала основой музея.

В музей приняты также коллекция М. Варданяна — работы советских армянских художников; коллекция М. Чужанова — 70 икон, собранных по принципу уникальности иконографии; коллекция анималистической бронзы Степанова, в том числе работы Лансере, Клодта, Монье; знаменитая коллекция сестер Соловьевых, в основе которой картины передвижников — Шишкина, Поленова, Максимова, коллекцию начали собирать в начале века, а в тридцатые годы она была законсервирована и сохранилась как коллекция той эпохи в «чистом» виде, случай редкостный. Музею передал в дар из своей коллекции 30 работ Н. Бенуа наш современник, гражданин США С. Папков. Работ Бенуа этого периода в нашей стране до сей поры просто не было. Музею также завещан архив и коллекция видного советского искусствоведа М. В. Алпатова. Ну вот и все, музей почти полон. Говорю о музее и его фондах столь подробно, чтобы показать его уровень. Кроме того, музей является филиалом Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, и все коллекции принимаются только советом ГМИИ. Иначе говоря, доступ в стены музея будет открыт лишь элите. Да, на третьем этаже предполагается организовывать временные выставки личных коллекций. Но опять-таки какие? Предполагается, например, восстановить знаменитые вошедшие в историю частные коллекции — Вишневецкого, Щукина, Морозова. Повторю еще раз, дабы не быть понятым неверно, — это великолепно, замечательно, что у нас вскоре появится такой музей, но возможности-то его, естественно, ограничены.

Проблемы большинства коллекционеров, собрания которых представляют так называемый «средний пласт» и которые не знают, кому сегодня этот «пласт» предложить, таким образом остаются теми же проблемами. А ведь именно из этого «среднего пласта» (слово-то какое дикое!) рождаются на свет новые шедевры. В тридцатые годы, например, музеи «признавать за людей» не желали русский авангард, в сороковые — работы Фалька, Альтмана, Лебедева... Когда-то изделия фирмы Фаберже можно было купить в простом советском комиссионном магазине. Да что повторять общеизвестное — произведение искусства со временем растет в цене. Как материальной, так и духовной.

Но для этих потенциальных шедевров нет места ни в фондах музеев, ни в экспозициях, где выставлено, по подсчетам специали-

стов, 0,6 процента того, что находится в запасниках. Было бы просто неприличным еще раз обуть по этому поводу гнев на Министрство культуры СССР, у которого сил и средств едва хватает на латание наиболее зияющих музейных дыр. Речь здесь скорее надо вести о реорганизации всего музейного дела, о переводе его с идеологической основы на экономическую, коммерческую. Чтобы в итоге не мы кормили музеи и памятники культуры, а они нас, как во всем мире. Возможно, стоит подумать об аренде музеев, о создании музеев на кооперативных началах. И, рискуя быть обвиненным в отсутствии патриотизма, все же предложу: почему бы, раз у нас пока нет таких возможностей, не передать часть наших коллекций — и личных, и музейных — за рубеж на временное хранение с правом экспозиции?

ЧТО ИМЕЕМ — НЕ ХРАНИМ...

Не могу отделаться от тяжелого воспоминания. Несколько лет назад, готовя материал о работе только что тогда построенного депозитария Третьяковской галереи, я увидел в одном из его помещений громадный рулон холста, лежащий на полу. Как мне объяснили, таким образом здесь с 1985 года хранится картина А. Иванова «Явление Христа народу». Размеры не позволяют хранить ее в развернутом виде. Жутковато подумать, что увидят хранители и реставраторы галереи, развернув рулон. По всем музейным, реставрационным законам уже тогда, в 1987 году, период хранения картины в рулоне превысил максимально допустимые сроки. Вот и приходят мысли: если уж нет у нас в стране музейного зала с условиями для хранения всемирно известного шедевра, почему бы не повесить картину на время строительства нового здания галереи в подходящем зале музея другой страны — западноевропейского, американского, японского? Уверен, предложу такое Третьяковка, очередь бы собралась из желающих. И картина была бы целей, и люди на нее смотрели бы все эти годы, да и что тоже существенно, и галерея, и государство получили бы солидную сумму в свободно конвертируемой валюте. Но также уверен, будь такое предложение сделано и согласись на него Третьяковка, в ответ раздался бы мощный протестующий хор «патриотических» голосов. Возможно, руководители галереи поопасались именно этого хора. Что ж, остается подождать, пока развернут рулон...

Но все же возьму на себя смелость утверждать, что ни создание самой совершенной сети музеев, ни развешивание во всю мощь Общества коллекционеров не решат проблемы коллекционирования в нашей стране. Помочь — помогут, но не решат. Потому что ни музей, ни Общество не способны, да и не призваны дать коллекционеру главное, что ему требуется, — защиту. И его самого, и его коллекции.

...В сентябре прошлого года во Львове скончался крупный коллекционер произведений искусства Н. А. Островерхов. Еще при жизни он завещал свою коллекцию музею личных собраний. Музей готов был принять дар (вот пример редкого единства сторон). Но тут львовское управление культуры подает в суд, оспаривая завещание в свою пользу. И суд принимает дело к рассмотрению. В городе начинается кампания против передачи коллекции в московский музей, переходящая из сферы культуры в политическую плоскость. Закон, право владельца на распоряжение личной собствен-

ностью грубо игнорируются, и музей при всей своей юридической правоте бессилён что-либо сделать.

Можно бесконечно долго призывать к сознательности, стыдить, убеждать в важности дела собирательства чиновников, милиционеров, судей и прочих граждан, причастных к судьбам коллекционеров. И если будут в этом деле удачи, то местные и временные. Потому что не понимание и уважение нужно коллекционеру, а прежде всего тот фундамент, на котором только и могут строиться понимание и уважение. Коллекционеру нужен Закон, стоящий на его защите, четко и недвусмысленно определяющий его права и обязанности, его положение в обществе.

Мне могут возразить, что такой Закон у нас уже давно есть. Да, в нашем знаменитом, ставшем примером бездействующих нормативных актов Законе об охране и использовании памятников истории и культуры имеются статьи, посвященные коллекционированию. Но было бы излишне оптимистичным считать, что в бездействующем законе окажутся действенные статьи. Возьмем Закон РСФСР. В статье 20 указывается: «Предметы старины, произведения изобразительного... искусства..., находящиеся в личной собственности граждан и представляющие значительную историческую, научную, художественную или иную культурную ценность..., подлежат государственному учету». Оставим в стороне вопрос о совершенной неопределенности, неясности термина «значительная ценность». Обратим внимание, что Закон был принят в 1978 году. И до сих пор ни в союзном, ни в республиканских министерствах культуры, управлениях и отделах культуры краев, областей и городов нет подразделений, которые бы занимались постановкой коллекций на учет. Закон есть. Выполнить его невозможно.

Не меньшее удивление вызывает среди коллекционеров и статья 48, гласящая, что собирание памятников истории и культуры гражданами «допускается при наличии специальных разрешений, выдаваемых и регистрируемых в установленном порядке». С удовольствием и интересом встречаюсь с коллекционером, обладающим таким разрешением. Очень хочется узнать о существовании «установленного порядка». Мое любопытство разделяют все коллекционеры, с кем довелось беседовать, готовя этот материал.

Можно и дальше иронизировать над законом. Но вообще-то тут не до смеха. Неучтенная коллекция, отсутствие разрешения в большинстве случаев как раз и играют роковую для коллекционера роль в его конфликте с правоохранительными органами.

Нужен действенный Закон — Закон СССР о коллекционировании, который был бы лишен недоговорок и противоречий, устанавливал бы совершенно определенное положение коллекционера в обществе, определял бы порог, после которого собрание становится коллекцией, защищал бы ее целостность и неприкосновенность. Этим Законом должно предусматриваться обязательное государственное страхование личных коллекций (а следовательно, неизбежна каталогизация — подспорье искусствоведам, защита от жуликов). И самое главное — Законом должно быть недвусмысленно определено право собственности коллекционера на свое собрание. И особенно тот тонкий момент, когда произведение искусства, находящееся в личной собственности, превращается, скажем, как это написано в Законе о собственности в СССР, в культурную и историческую ценность народа союзной республики или культурную и историческую ценность народа автономного образования. Ведь по-

сле такого превращения (о примерах я уже говорил) произведение переходит из раздела «Собственность граждан СССР» в раздел «Государственная собственность». То есть купленная сегодня в Измайлове или на Арбате за честно заработанные небольшие деньги картина неизвестного художника может быть через десяток лет признана шедевром выдающегося мастера и, следовательно, вам уже как бы и не принадлежать. Парадокс? Закон о коллекционировании и должен как раз не допускать таких парадоксальных и двусмысленных ситуаций.

Особенно часто такие ситуации стали возникать в последнее время, когда, тем более после подписания Венских соглашений, наши сограждане все активнее стали выезжать за рубеж. В том числе и на постоянное жительство. Естественно, со своими вещами...

...ПОТЕРЯВШИ — ПЛАЧЕМ

Картина из прошлого года. Зимний день на Центральной таможне в Москве. Идет осмотр багажа, принадлежащего Р. Гросман, дочери известного коллекционера профессора Г. Минца, выезжающей из СССР. Читаю список вывозимых вещей. Среди них — цилиндр-секретер, изготовленный в России в конце XVIII века, мебель XIX века — предметы согласно «Инструкции о порядке контроля за вывозом из СССР культурных ценностей», утвержденной Министерством культуры СССР 23 марта 1987 года, категорически запрещенные к вывозу из страны. Приказ об утверждении Инструкции подписан заместителем министра В. Казениным. Как же так? Но вот скорое разъяснение загадки — письмо на имя начальника Главного управления Государственного таможенного контроля при Совете Министров СССР (17 марта 1988 г. № 5208/1541): «...В Министерство культуры СССР обратилась выезжающая на постоянное местожительство за границу гражданка Гросман Р. Г. с просьбой разрешить вывоз за рубеж полученных ею по наследству от отца, профессора Г. М. Минца, предметов антиквариата: картин, мебели, домашней утвари. В связи с этим авторитетными специалистами крупнейших музеев г. Москвы была проведена экспертиза и оценка имущества Р. Г. Гросман, которая выявила большую историко-художественную ценность коллекции. Владелица предложила экспертам отобрать из своего собрания для музеев наиболее значительные памятники истории и культуры при условии разрешения ей вывоза без уплаты таможенной пошлины остальной части коллекции. Министерство сочло приемлемыми эти условия... Общая стоимость дара составляет 154 280 рублей. Учитывая это, Министерство согласилось удовлетворить просьбу гражданки Гросман Р. Г., оформив соответствующее разрешение на вывоз из СССР других антикварных предметов, имевшихся в коллекции, на сумму около 80 000 рублей».

Подпись: «Заместитель министра культуры СССР В. И. Казенин».

Здесь мне видится важной отнюдь не ситуация, в которой облеченный властью и ответственностью человек одной рукой вводит в действие нормативный акт, а другой рукой его из действия выводит. Важно, на мой взгляд, другое. Вам не кажется, что гражданку Гросман Р. Г. просто-напросто обобрали? Мне — кажется. Парадокс этой ситуации состоит в том, что, разложив возмущенная таким обращением гражданка Гросман из своей коллекции костер во дворе Министерства культуры, ее бы в худшем случае оштрафовали за на-

рушение правил пожарной безопасности. Но вот вывезти собственную коллекцию за рубеж нельзя. Как же, утечка национальных достояний! Приходится откупаться.

Именно так была расформирована в 1986 году коллекция Муратова. В 1988 году Л. Толкачкер «откупился» от министерства японским буддийским киотом и другими антикварными вещами, за что получил ходатайство начальника Управления изобразительных искусств и охраны памятников Г. Попова о разрешении вывезти остатки коллекции и согласие на то Министерства культуры.

Все это выглядит довольно безнравственно и возможно только из-за отсутствия настоящего, действенного Закона. Кстати, не пора ли нам и здесь отказаться от зашоренности стереотипами? Раз уж мы ведем разговор о жизни в европейском доме, о нашем месте в мировом сообществе, посмотрим на отношение к частным коллекциям произведений искусства в других странах. К примеру, англичан никак не упрекнешь в отсутствии патриотизма, в небрежении своими памятниками истории и культуры. Так вот, в Великобритании коллекционер, желающий переехать в другую страну и вывезти с собой свое собрание (конечно, у них полная каталогизация), не имеет права беспрепятственно вывезти лишь самые выдающиеся произведения искусства. Он должен выставить их для продажи национальным музеям. Если в течение полугода вещь не куплена, владелец получает разрешение на вывоз. Мы же единым махом запретили в той самой инструкции вывоз всего, что было создано до 1945 года. Чего добились? Роста контрабанды и прочих нарушений.

Причем хочу подчеркнуть, что антикварная вещь, произведение искусства, вывезенные из страны официально, для общества, для человечества не потеряны. Они будут служить людям, пусть и в другой стране. Вещь же краденая, вывезенная тайком, пропадает и для искусствоведов, и для всех людей. Это-то и есть истинная утечка и утрата национальных ценностей, такая же, как и та, что происходит в аварийных хранилищах многих наших музеев.

Вспомним еще раз — все крупнейшие музеи мира, в том числе и в нашей стране, выросли из частных коллекций. Не случайно самая первая выставка в новом здании главного музея Франции называлась «Собиратели Лувра». Вспомним и оценим ту роль, которую играют коллекционеры в нашей культурной жизни сегодня. Об условиях же их жизни я, надеюсь, рассказал достаточно подробно.

Вспомним, оценим и защитим коллекционера! Но это призыв в пустоту. Защищать его должны не эфемерные «мы», а прогрессивный, грамотный Закон, в разработке которого самое активное участие должны принять Министерство культуры СССР, Советский фонд культуры.

Сергей ЧУГАЕВ

ПРИКАЗ И ЗАКОН: МОЖНО ЛИ СТАВИТЬ ЗНАК РАВЕНСТВА?

Статья 6 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил СССР гласит: «Приказ командира (начальника) — закон для подчиненных. Приказ должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок».

Каждый военнотрудовой с первых дней службы обязан твердо усвоить эту формулу как заповедь армейской жизни. Безупречная исполнительность и повиновение всегда были и будут важнейшими слагаемыми высокой боевой готовности и воинской дисциплины. Без них армия попросту не может быть высокоорганизованным, слаженным и мобильным организмом. Это аксиома. На ней воспитано не одно поколение советских воинов. При этом обязательному исполнению подлежат не только приказы, которые занимают первое место в иерархии актов Военного управления, но и приказания, указания, требования, команды, сигналы.

Казалось бы, какие здесь могут быть вопросы? Однако за внешне привлекательной и афористичной законодательной формулировкой «приказ начальника — закон» кроется довольно острая проблема, на мой взгляд, давно требующая разрешения. Суть ее сводится к следующему — всякий ли приказ подлежит исполнению? А если он противозаконный, преступный?

Поясню это на примере. В очерке Г. Бочарова «Афган» («Литературная газета», 15 февраля 1989 года) описан факт, когда рядовой Ш. расстрелял пленных по приказу командира офицера Р. За это военный трибунал приговорил солдата к 5 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. Р. же освободили от ответственности по амнистии.

Служивцы солдата выразили протест: «Мы, бывшие воины-интернационалисты, не понимаем, чем руководствовался суд, вынося такое решение. Находясь в боевых действиях, мы твердо знали, что приказ командира, согласно уставу, — закон для подчиненного».

Верно. Так их учили. Так требует устав. Но тогда возникает вопрос: должен ли солдат, выполнивший пусть и противоправный приказ командира, который является для него обязательным, нести за это ответственность? Тем более за отказ военнотрудового от выполнения приказа командира Закон об уголовной ответственности за воинские преступления предусматривает уголовную ответственность. Исполнитель, как видим, оказывается в сложной для него ситуации. С одной стороны, исполнение противоправного приказа потенциально грозит ему трибуналом, с другой — неисполнение такого приказа также содержит угрозу уголовного наказания.

В свою очередь, практика Верховного Суда СССР и военных трибуналов различает неповиновение законным и незаконным приказам и признает оправданным неповиновение незаконным приказам начальников. Совершение же подчиненным преступных действий по приказу начальника не признается обстоятельством, освобождающим

от ответственности исполнителя. Такова судебная практика, и она существенно расходится с требованием Дисциплинарного устава Вооруженных Сил СССР об обязательном выполнении любых приказов командиров и начальников.

В этом и трагедия. За ней стоит немало поломанных человеческих судеб. И делать дальше вид, что такой проблемы не существует, нельзя. Попытки сохранить статью 6 Дисциплинарного устава без изменений антигуманны и противоречат нормам внутренней и международной законности.

К сожалению, в проекте Дисциплинарного устава Вооруженных Сил СССР, опубликованного для обсуждения в газете «Красная звезда», статья 6 не претерпела изменений и сохранена в прежней редакции.

Может, так и надо? Может, цель — высокая воинская дисциплина и безупречная исполнительность военнослужащих — оправдывает средство, каковым выступает принцип слепого повиновения любым приказам командиров и начальников?

В поисках ответа обратимся к истории русской армии и зарубежному опыту правового регулирования данного вопроса.

Анализ российского военного законодательства свидетельствует, что в нем устанавливалась условная обязательность подчинения приказам воинских начальников. То есть не всякий приказ подлежал исполнению и прежде всего законный. Еще в Артикулах Петра Первого указывались три условия необязательности приказа начальника, если требуемое деяние: а) «не касается службы»; б) «непристойно ей»; в) «не соединено с пользой его величеству или государству». Это были своего рода зачатки юридических гарантий законности и обоснованности отдаваемых приказов.

Указом 1724 года «О бытии подчиненных в послушании у своих командиров» Петр Первый установил: «Всем подчиненным быть в послушании у своих командиров во всем, что не противно указу. А ежели что, противно, того отнюдь не делать... Но должен командиру своему объявить, что то противно указам, и ежели не слушает, то протестовать и доносить вышестоящим над ним командирам, а ежели в том тоже увидит противность, то генерал-прокурору, или в небытность его обер-прокурору, а ежели в них усмотрит противность то, доносить его Величеству, но чтобы была сама истина».

Принцип условной обязательности приказа начальника был сохранен в военном законодательстве вплоть до Октябрьской революции. И это при том, что командный состав русской армии комплектовался преимущественно из дворян и имел полное доверие у правящей элиты.

Русскому солдату, несмотря на его малограмотность, было достаточно здравого смысла, чтобы отличить преступный или незаконный приказ от законного. При этом условная обязательность приказа отнюдь не снижала патриотизма русских воинов и их преданности престолу не препятствовала высокой исполнительности и добросовестному несению службы на благо Отечества. А вот ответственность начальников за обоснованность и законность отдаваемых приказов безусловно возростала.

Известный профессор С. А. Друцкой писал в начале века: «Принцип слепого повиновения можно принять только тогда, когда люди утратят способность жить и стремиться к чему-либо; для достижения такого состояния необходимо лишить людей способности мыс-

дить и чувствовать другими словами, превратить их в самодвижущихся кукол».

Так думали не только военные правоведы. Так думали и военачальники. Генерал от инфантерии М. И. Драгомиров в одной из работ писал: «Солдата нужно приучать не только к повиновению, но и к сопротивлению. Его повиновение не должно напоминать собою хорошо выезжанной лошади, которая слушается не одного своего хозяина, но послушается и врага, знающего приемы управления».

Право, здесь есть над чем задуматься. Слова эти не стали менее актуальны по прошествии многих лет. В них кроется глубокий смысл. К сожалению, мы нередко воспринимаем нашу историю в виде заведомого набора определенных отрицательных штампов без сколь-нибудь серьезного ее осмысления. Одним из таких штампов является и тезис о слепом повиновении русских солдат приказам «самодуров господ офицеров». То, что это не совсем так, видно хотя бы из сказанного.

Положительный опыт российского военного законодательства был взят на вооружение и молодым социалистическим государством. Так, в воинских уставах 1919, 1925 и 1937 годов устанавливалось, что военнопослужащие обязаны исполнять все служебные приказы своих начальников за исключением явно преступных. Это отнюдь не помешало успешно закончить гражданскую войну и иметь достаточно боеспособные воинские части в последующем.

Слепому повиновению приказам командиров и начальников предпочиталось осознанное выполнение воинского долга. В этом духе строилась и вся политико-воспитательная работа в частях и на флоте.

К сожалению, в конце 30-х годов произошел отход от принципа условной обязательности приказа, и все последующие воинские уставы устанавливали уже принцип абсолютного повиновения приказам, которые приравнивались к законам, даже если они были и противоправными. В соответствии со статьей 7 Дисциплинарного устава Красной Армии 1940 года командир освобождался от ответственности за последствия, если он для принуждения неповинующихся приказу (в том числе и преступному!) применял силу и оружие. Более того, часть 2 упомянутой статьи гласила, что командир, не проявивший в этих случаях твердости и решительности и не принявший всех мер к выполнению приказа, предается суду военного трибунала.

Такая деформация действовавших длительное время норм была логическим продолжением развития событий в стране. Если человек становился «винтиком», если его инициатива игнорировалась, то, конечно, главным было слепое и бездумное повиновение. Такое повиновение было одним из атрибутов военно-бюрократического социализма, «мостиком», ведущим к массовым репрессиям и беззаконию.

Для антиправового сталинского режима приказ был прежде всего принудительной силой в достижении поставленной цели, который нередко подменял законы и без стеснения откидывал их в сторону, если они в чем-то мешали распоряжению властью, в том числе и военной.

Принцип абсолютного повиновения, видно, устраивал всех и в застойный период, когда законность большей частью лишь декларировалась, а не соблюдалась.

Здесь уместно и немаловажно отметить то обстоятельство, что в цивилизованном мире незаконные и тем более преступные приказы воинских начальников исполнению не подлежат. Это закреплено в национальном военном законодательстве большинства государств. Та-

кое требование вытекает из норм международного права, в частности из Нюрнбергских принципов, самое непосредственное и активное участие в принятии которых в свое время принял Советский Союз.

Вот, например, как записано в статье 11 Закона «О правовом положении военнослужащих бундсвера»: «Военнослужащий должен повиноваться своему начальнику. Приказ начальника должен быть выполнен с максимальным приложением сил, полностью, добросовестно и безотлагательно. Не считается неповиновением невыполнение приказов, унижающих человеческое достоинство или отданных не в интересах службы; неправильное понимание таких приказов может служить оправданием только тогда, когда в силу сложившихся обстоятельств военнослужащий не мог принять мер для избежания недоразумения или сопротивления приказу законным путем. — И далее. — Приказ не должен выполняться, если он направлен на совершение преступного действия. Ответственность за выполнение таких приказов наступает лишь в случае, если подчиненный действовал сознательно или по известным ему обстоятельствам преступность действий была очевидна».

Это ли не наглядный урок, который немецкий народ вынес из Нюрнберга и который, к сожалению, в нашей стране-победительнице игнорируется до сих пор.

Сегодня, когда мы в условиях правовой реформы и демократизации всех сторон жизни нашего общества открыто и в полный голос заговорили о таких понятиях как верховенство закона, права человека, социально-правовая защищенность военнослужащих, неразрешенность данной проблемы становится все более очевидной.

Формулировка «приказ-закон» неудачна не только с точки зрения возможности наступления вредных последствий, но и с точки зрения законодательной техники, возможности двоякого понимания слова «закон». В такой формулировке приказ может восприниматься военнослужащими не просто как обязательное повеление, а как законодательный акт. Но законы, как известно, принимаются исключительно высшими органами законодательной власти нашего государства. Налицо дискредитация принципа верховенства закона в конституционном понимании этого слова. Не случайно на практике те, которые военнослужащие, особенно из числа должностных лиц, часто не спешат выполнять требования законов до тех пор, пока они не будут объявлены для руководства приказами либо директивами Министра обороны СССР. Такая практика осуждалась в печати, но она существует. И если глубоко задуматься над этим, то напрашиваются определенные выводы.

Конечно, можно возражать в пользу абсолютного повиновения приказам. Известная пословица «сомнения украшают философов, но губят солдат» в чем-то справедлива и имеет право на существование. Но почему эти сомнения не посещают иные горячие головы командиров и начальников когда они отдают приказы? По статистике в Вооруженных Силах ежегодно отменяется до десяти тысяч незаконных приказов, которые существенно ущемляют права военнослужащих и других граждан. Может ли кто-либо подсчитать моральный и материальный ущерб, причиняемый такими «приказами-законами», которые в силу статьи 6 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил СССР подлежат обязательному выполнению.

Очевидно, что законодательное закрепление принципа абсолютной обязательности приказа возможно лишь при условии, что со

стороны воинских начальников не может быть незаконных приказов. Но они объективно есть и в обозримом будущем еще будут. Следовательно, нельзя неизбежность законности и воинского правопорядка ставить в зависимость только от надежды на правомерность действий начальника. Нужны юридические гарантии защиты законности и воинского правопорядка от противоправных приказов, то есть требуется своего рода право на санкционированную законом самооборону от незаконных распоряжений воинских должностных лиц.

Что касается опасности отрицания отдельными военнослужащими законных приказов под предлогом их неправомерности, то она легко может быть нейтрализована соответствующими положениями, предусмотренными в самом законе. К этому следует добавить, что общеобразовательный уровень и уровень правовой подготовки военнослужащих сегодня таков, что он позволяет без труда и быстро отличить законный приказ от незаконного и преступного. В воинских частях и на кораблях в последнее время широкое распространение получил юридический всеобщ. С середины 1989 года все военнослужащие обязаны проходить соответствующую правовую подготовку и сдать зачет по правовому минимуму либо ежегодно пройти собеседование по правовой тематике. Уровень правовой подготовки офицеров отражается в учетных листах их профессиональной подготовки и аттестациях.

В последнее время все большее число граждан и юристов осознает важность затронутой проблемы, которая в условиях формирования правового государства имеет принципиальное значение не только для воинских, но и для общегражданских отношений. Не случайно в статье 27 проекта опубликованных Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик записано: «Не является преступлением деяние, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное во исполнение приказа или распоряжения, если лицо не сознавало преступного характера этого приказа или распоряжения. При этом за деяние, совершенное во исполнение преступного приказа или распоряжения, ответственность несет лицо, отдавшее такой приказ или распоряжение». Такая формулировка вполне закономерна — прежде чем отдать либо исполнить приказ (распоряжение), лишний раз подумай о их законности и возможных последствиях.

Безусловно, такой точки зрения придерживаются не все. Есть и противоположные мнения. Думается, что в них больше не здравого смысла, а нежелания «поступиться принципами». Однако не мы первые на земле, как показывает история, и не самые умные. Так давайте же не отбрасывать исторический опыт нашего государства и опыт мировой цивилизации. В конце концов нельзя игнорировать и международно-правовые нормы.

Учитывая, что сейчас идет интенсивная работа над подготовкой новых общевоинских уставов и других военно-законодательных актов, полагаю целесообразным вернуться в них к тем положениям, которые содержались по этому вопросу в российском военном законодательстве и в уставах РККА в первые годы Советской власти. Такое решение вопроса полностью отвечает принципам формируемого правового государства.

А. ПЧЕЛИНЦЕВ,
военный юрист,
кандидат юридических наук,

СВОБОДА ПЕЧАТИ:

НА ПУТИ К ПРАВОВОМУ ПРИЗНАНИЮ

«Закон о печати есть законодательное признание свободы печати».

К. Маркс

Историю первого советского Закона о печати следует вести с момента его введения в действие. Именно с этого дня нормативный акт начинает самостоятельное существование в правовой системе общества, постепенно обрастая практикой применения и проблемами толкования отдельных норм, обнажая не замеченные прежде несовершенства, проявляя последствия «родовых травм», полученных на различных стадиях его становления. Но оставим данную тему для будущих исследователей: сейчас, когда пишутся эти строки, история Закона о печати и других средствах массовой информации еще только-только начинается. А потому ограничимся предысторией.

Первое упоминание Закона о печати можно найти в преамбуле ленинского Декрета о печати, подписанного на второй (II) день Советской власти. Здесь торжественно провозглашалось: «Когда новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены; для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону». Однако впоследствии обещанный закон «растворился» в довольно многочисленных и разрозненных, а нередко и «закрытых» постановлениях, правилах и инструкциях, как правило, весьма далеких от того, чтобы считаться «самыми широкими и прогрессивными». Что же касается самого декрета, то его постигла та же судьба, что и многие другие ленинские начинания: в годы сталинщины он был отменен.

Нельзя сказать, что попытки создания в СССР Закона о печати не предпринимались. Известно, что в середине шестидесятых годов велась подготовка соответствующего проекта, однако...

Рассказывают, что М. А. Суслов, обнаружив причинно-следственную связь между отменой цензуры в Чехословакии и вводом в страну советских танков, задал сакраментальный вопрос: «Если мы примем Закон о печати, кто тогда будет вводить танки в СССР?». Так завершилась первая известная науке попытка создания Закона о печати.

«ЗАСТОЙНЫЙ» ВАРИАНТ

Весной 1976 года был подготовлен новый проект. Его появление на свет (если можно считать «светом» кабинеты высших чиновников, поскольку опубликован он так и не был), видимо, связано со вступлением в силу 23 марта 1976 года Международного пакта о гражданских и политических правах, гарантировавшего каждому человеку «свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно,

письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору».

Что же представлял собой этот документ времен «разгара застоя»? Он открывался довольно пространной, состоящей из пяти абзацев преамбулой. О характере фразеологии можно судить хотя бы по тому, что прилагательное «коммунистический» встречается в ней пять раз в различных падежах, а «советский» — восемь. В такой стилистике был выдержан весь проект.

Право на издание печатной продукции предоставлялось только партийным, государственным и общественным организациям, а свобода печати сводилась исключительно к возможности для граждан «свободно выражать свои мнения и получать интересующую их информацию по всем вопросам государственной, общественной и культурной жизни, поскольку это не противоречит...»

Границы свободы печати определялись весьма туманно. Не допускалось использование печати «в ущерб интересам государственной безопасности СССР и установленному общественному порядку; в целях пропаганды войны, расовой и национальной исключительности или ненависти; для распространения ложных, не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство граждан, должностных лиц и организаций; для публикации материалов, несовместимых с требованиями общественной нравственности; в ущерб иным охраняемым законом интересам государства, общества и граждан»

Подобная расплывчатая формулировка позволяла, по сути дела, фиксировать злоупотребление свободой печати практически в любом случае, поскольку всякую критику в адрес, например, начальника железнодорожной станции, чиновный демагог легко мог изобразить как наносящую ущерб советскому транспорту, а следовательно, безопасности СССР и общественному порядку.

Большим достижением законопроекта — это можно сказать без всякой иронии — стала формула статьи 7, поражавшая своей смелостью: «Цензура печати не допускается». Неужели еще в 1976 году витала в руководящих кругах идея ликвидации Главлита? Не стоит торопиться с выводами. Следующая за седьмой статья 8 развеивала всякие надежды. Под прикрытием ультрадемократической нормы здесь протаскивалась идея «размножения» Главлита. Цензорские функции должен был приобрести Госкомиздат и другие «специально уполномоченные на то органы».

Предусматривалось в проекте и право прессы получать информацию. Лишь «получать», но никак не требовать ее от государственных и общественных организаций (о партийных вообще умалчивалось). Причем только такую, которая соответствует профилю ее издательской деятельности. Иными словами, «Литературная газета» могла бы иметь сведения только от писательских организаций и исключительно по их желанию. Любой чиновник, не заинтересованный в огласке своей деятельности, получал законное право захлопнуть перед журналистом дверь.

Объективность требует отметить и некоторые действительно демократические положения законопроекта. Например, в нем предусматривалось, что отказ в регистрации органа печати, а также решение о запрещении распространения издания и об изъятии печатной продукции могут быть обжалованы в суд.

В целом же был создан законопроект, готовый оформить подневольное состояние прессы, сведя права и свободы к пустым дек-

парациям. Однако и он не был принят. Почему? В условиях командно-административной системы механизм аппаратного управления «карманной» прессой обвотал без сбоев и юридического оформления не требовал.

Перестройка освобождая прессу от «нажимных» методов руководства, одновременно высветила и обострила политико-правовые проблемы организации и деятельности средств массовой информации.

Как, например, обеспечить журналистам право на получение информации, но оградить от разглашения сведения, сохраняемые в тайне? Как освободить средства массовой информации от мелочной опеки и одновременно не утратить над ними определенный контроль? Как гарантировать прессе свободу критики, обеспечив охрану чести и достоинства граждан, организаций, коллективов? Как повысить роль средств массовой информации в качестве выразителя общественного мнения, не допустив их превращения в фальсификатора и манипулятора общественным сознанием?

Подходы к решению этих проблем могут быть диаметрально противоположными, но в условиях формирующегося правового государства решать их необходимо правовыми средствами.

Не случайно на XIX Всесоюзной конференции КПСС, а затем и на Съездах народных депутатов СССР, сессиях Верховного Совета СССР требование скорейшего принятия Закона о печати звучало в выступлениях лиц, как критиковавших так и защищавших средства массовой информации.

Необходимость принятия Закона о печати предопределялась и появлением так называемой «новой прессы», то есть средств массовой информации, создаваемых неформальными массовыми движениями, объединениями, клубами, кооперативами и т. д. Статус их определялся в рабочем порядке волевым решением и в значительной степени зависел от сложившейся в регионе политической ситуации и личных качеств местных руководителей.

Закон о печати был необходим и для окончательного определения юридического статуса самиздата, существовавшего ранее «де-юре» только как орудие уголовно наказуемого «распространения заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Перестройка как бы условно-досрочно освободила его от отбывания наказания (вместе с редакторами, издателями, авторами). «Де-юре» самиздат просто перестал существовать, умножаясь и разрастаясь «де-факто».

Имелись и сугубо юридические причины, порождавшие необходимость этого закона. Например, большинство «мелких» вопросов организации и деятельности средств массовой информации еще в годы сталинщины оказалось вообще выведено из сферы правового регулирования и определялось политическими решениями. Получилось, что «законодателем» в сфере массовой информации оказался не государственный орган, а именно ЦК КПСС.

И наконец, потребность в Законе о печати и других средствах массовой информации прямо вытекала из положений Итогового документа венской встречи. Союз ССР как одно из государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе обязался «разрешать отдельным лицам, учреждениям и организациям при уважении прав на интеллектуальную собственность, включая авторское право, получать, обладать, воспроизводить и распространять информационные материалы всякого рода».

НОВЫЙ ПРОЕКТ ПО СТАРЫМ МЕРКАМ

Первоначальный официальный вариант будущего нормативного акта сформировался на рубеже 1986 и 1987 годов. Традиционно анонимный, он был рожден в недрах аппарата. Об участии представителей науки в его создании рассказал старший научный сотрудник Института государства и права АН СССР (ИГПАН) кандидат юридических наук Ю. М. Батурин за «круглым столом», организованной редакцией газеты «Московские новости» и Всесоюзным Советом по профессиональной этике и праву Союза журналистов СССР: «Мы с В. Энтиным готовили последний вариант, а затем у нас была возможность посмотреть, что же с нашими предложениями произошло после того, как они ушли «наверх». Например, статья о предоставлении информации сохранилась: «Органы печати и других средств массовой информации имеют право получать информацию...» Но не стало того, что мы писали дальше: «Отказ в предоставлении информации может иметь место только в том случае, если она содержит сведения, составляющие государственную или военную тайну...» Такая же судьба постигла остальные статьи».

Весной 1987 года мне также довелось познакомиться с официальным проектом и по поручению юридического отдела Президиума Верховного Совета СССР дать на него отзыв.

Самое примечательное, что проект времен перестройки, демократизации и гласности оказался удивительно похож на своего предшественника, безвестно канувшего в Лету весной 1976 года.

Впрочем, фразеология проекта изменилась. Прилагательное «коммунистический» теперь уже встречалось лишь четыре раза на протяжении всего текста. Однако концепция, основная схема документа, его идеологический пафос в значительной степени сохранились: право на учреждение органов печати — только государственным и общественным организациям; контроль Главлита; крайне ограниченное и ничем не гарантированное право на информацию. По-прежнему закреплялось, что пресса функционирует «под руководством КПСС». Не были забыты и задачи средств массовой информации. И хотя теперь они формулировались иначе, смысл их не слишком изменился.

В некоторых вопросах новый проект оказался еще более консервативным. Он, в частности, уже не допускал обжалования в суд решения об отказе в регистрации нового средства массовой информации, теперь следовало обращаться в союзное или республиканское правительство. «Выпал» и судебный порядок обжалования решений о запрещении распространения издания. Исчезла декларация о недопустимости цензуры.

Правда, за работниками прессы признавалось право получать необходимую информацию «с соблюдением установленного законодательством порядка», «свободно» производить любые записи, за исключением случаев, когда это запрещено «по соображениям охраны государственной, военной или служебной тайны, прав и законных интересов граждан». В то же время на журналиста возлагались обязанности: «верно служить интересам общества»; «активно участвовать в осуществлении задач, поставленных перед советскими средствами массовой информации»; «осуществлять свою деятельность на основе строгого соблюдения требований советских законов, правил социалистического общежития и профессиональной этики»; «постоянно совершенствовать свое профессиональное ма-

стерство»; «нести ответственность за достоверность публикуемой информации». Получалась парадоксальная картина: закон, призванный наделить журналистов соответствующим их профессии статусом, формировался в прямо противоположном направлении — сделать работников прессы: бесправными, но ко многому обязанными и за многое ответственными. Не зря многие журналисты называли данный проект законом не о печати, а против печати.

Правление Союза журналистов СССР разослало этот вариант своим республиканским, краевым и областным организациям, редакциям центральных газет и журналов для обсуждения под именем «рабочего материала», не предназначенного для печати. Откликов оказалось очень много, причем в подавляющем большинстве — отрицательных. Помимо общей негативной оценки документа, отклики содержали и многочисленные замечания едва ли не по каждой строке проекта.

Учитывать поступившие замечания, а также официальные отзывы заинтересованных ведомств (в основном сравнительно благожелательные) и заключения научных учреждений (преимущественно отрицательные) было поручено специально сформированной рабочей группе, в которую входили представители ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, Госкомиздата СССР, Гостелерадио СССР, Министерства юстиции СССР, КГБ СССР, Главлита СССР, Министерства обороны СССР, ВААП, Союза писателей СССР, Союза журналистов СССР, ИГПАНА, Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства.

Работа группы строилась таким образом, что окончательные решения об учете того или иного предложения принимались за ее пределами. И еще одна особенность: общие замечания вообще не обсуждались — только конкретные, по отдельным статьям. Причем нередко обсуждение замечаний приводило к совершенно неожиданным результатам. Так, во многих отзывах отмечалась неопределенность формулировки: «Государственные и общественные организации обязаны своевременно (подчеркнуто мной.— М. Ф.) предоставлять по запросу органов печати и других средств массовой информации интересующие их сведения». Поскольку термин «своевременно» может толковаться очень широко, предлагалось указать конкретные сроки предоставления информации. В результате «учета» замечаний термин «своевременно» был изъят вообще.

Конечно, при таком подходе проект был обречен на то, чтобы практически не изменяться, а значит после каждого нового обсуждения — на Идеологической комиссии, в Политбюро ЦК КПСС — вновь возвращаться на доработку.

ДОСТОЙНЫЙ КОНКУРЕНТ

Впрочем, начиная с середины июля 1988 года официальный проект уже не был единственным вариантом будущего закона: у него появился конкурент — инициативный авторский проект, подготовленный кандидатами юридических наук Ю. М. Батуриным, В. Л. Энтиным (оба — старшие научные сотрудники ИГПАНА) и автором этих строк. Идея выработки неофициального проекта была предложена авторами на упоминавшемся выше «круглом столе» в июне 1988 года. Предложение понравилось, а представитель журнала «Журналист» пообещал сделать все возможное, чтобы опубликовать альтернативный проект.

К 10 июля 1988 года проект был написан. Такая быстрота его подготовки не должна вызывать удивление. Этому предшествовали годы научной работы над политико-правовыми проблемами организации и деятельности прессы в современном мире, а также активная журналистская деятельность авторов проекта. Называя свой проект инициативным авторским, мы подчеркивали тем самым, что взялись за его подготовку не по чьему-либо поручению, трудились над ним в свободное от работы время и не получали за эту работу никакого материального вознаграждения. Все записанное в статьях проекта отражает только собственное мнение авторов, а не позицию учреждений, где они работают.

Итак, особенности нашего проекта: политическая характеристика средств массовой информации дается исключительно в преамбуле закона; максимально возможное увеличение числа норм прямого действия; конкретная регламентация отношений, связанных с учреждением, регистрацией и функционированием средств массовой информации, получением и распространением информации, реализацией прав граждан на опубликование ответа или опровержение; широкое использование судебной защиты в качестве гарантии реализации предоставляемых прав: детальная регламентация статуса средств массовой информации, журналиста, учредителя, издателя, редактора, редколлегии и их взаимоотношений; надежная правовая защита интересов государства и общества путем использования таких институтов, как отказ в регистрации, приостановление и прекращение деятельности средств массовой информации, приостановление распространения печатной и аудиовизуальной продукции; введение нетрадиционных мер ответственности за некоторые правонарушения, совершенные посредством прессы.

Об уровне демократичности проекта говорят такие его положения, как запрещение цензуры массовой информации, предоставление права на учреждение, например, газет не только организациям, но и гражданам СССР, обеспечение профессиональной и экономической самостоятельности редакций и т. д.

Создание инициативного авторского проекта делало реальным осуществление — впервые в советской законодательной практике — принципа вариантности, давало возможность представить высшему органу государственной власти два альтернативных проекта. Однако, когда в октябре 1988 года авторы передали свой проект в рабочую группу, дело ограничилось лишь снятием с него ксерокопий. От его обсуждения руководство группы отказалось, мотивируя это тем, что ей поручено дорабатывать именно официальный проект и потому рассмотрение альтернативного проекта якобы противоречит принципу демократического централизма.

Таким образом, дальнейшая судьба инициативного авторского проекта зависела от того, станет ли он достоянием общественности и получит ли ее поддержку. Именно поэтому принципиально важно стало опубликовать проект.

В соответствии с имевшейся договоренностью мы передали текст в «Журналист». Однако одного желания руководства редакции оказалось недостаточно, поскольку оно противоречило интересам тех работников аппарата, ныне уже бывших, которые отвечали за подготовку официального проекта. Короче, чтобы напечатать неофициальный проект, нужно сначала принять Закон о печати, освобождающий прессу от «телефонного права». Первая публикация проекта стала возможна только благодаря поддержке Правления Союза

журналистов Эстонии. В октябре 1988 года он был опубликован в газетах «Спордилект» и «Молодажэ Эстонии». Впоследствии проект печатался неоднократно, однако именно первая публикация привлекла к нему внимание.

В «КОРИДОРАХ ВЛАСТИ»

Пока официальный проект продолжал оставаться за пределами гласности, инициативный авторский проект стал предметом оживленных дискуссий. Его обсуждали на страницах газет и в телевизионных передачах, в писательских и журналистских организациях, на факультетах университетов, в высших партийных школах, на форуме социальных новаторов СССР и, наконец, в «коридорах власти». Около тысячи народных депутатов СССР получили в дни своего первого Съезда брошюру с текстом проекта, изданную за счет средств авторов. Депутаты-журналисты, а их было свыше пятидесяти, передали проект в секретариат съезда и просили опубликовать его вместе с официальным проектом. Большой интерес вызвал проект у зарубежной прессы, особенно после того, как был представлен советской делегацией на общеевропейском Информационном форуме, проходившем в Лондоне в апреле—мае 1989 года.

Летом 1989 года началось обсуждение имеющихся проектов Закона о печати в Комитетах Верховного Совета СССР: по вопросам гласности, прав и обращений граждан; по вопросам науки, народного образования, культуры и воспитания; по вопросам законодательства, законности и правопорядка. Так называемый «официальный проект», представленный депутатам за подписью тогдашнего главного редактора газеты «Правда» В. Г. Афанасьева, был признан «на девяносто процентов» неприемлемым, в инициативный авторский проект, напротив, был принят за основу. Создание окончательного варианта было поручено специальной депутатской рабочей группе, куда наряду с депутатами и представителями «заинтересованных ведомств» вошли и авторы инициативного проекта.

В ходе второй сессии Верховного Совета СССР работа над проектом продолжалась. В октябре 1989 года он был распечатан и (после некоторой заминки) роздан депутатам. Однако обсуждение его в тот момент не состоялось — оно было в очередной раз перенесено. Повторно проект — с незначительными изменениями — был подписан председателями Комитетов, растиражирован и роздан депутатам 20 ноября. Дебаты по данному документу были назначены на 24 ноября.

За день до обсуждения члены Верховного Совета СССР неожиданно получили новый текст законопроекта — «исправленный и дополненный», но не имеющий подписей председателей Комитетов. Этот документ вызвал острую реакцию депутатов и был охарактеризован ими как «лоббистская продукция», как попытка вмешательства в законотворчество «закулисным порядком». Выступая с трибуны парламента, депутат Н. В. Федоров, руководитель рабочей группы, справедливо отметил, что внесенные уточнения — это новый вариант законопроекта, это новая концепция законопроекта, превращающая свободу печати в фикцию.

Голосование в Верховном Совете СССР показало решительную поддержку того проекта, который был представлен рабочей группой: 376 — за, 8 — против, 13 — воздержались. Выступившие в прениях депутаты А. Е. Себенцов, В. Д. Юдин, В. И. Самарин и

С. В. Белозерцев предложили опубликовать проект в том виде, в котором он был внесен рабочей группой, и уже по итогам широкой общественной дискуссии доработать его.

Председательствующий согласился и поставил на голосование проект постановления Верховного Совета СССР, сформулировав его так: одобрить в первом чтении основные положения, считать целесообразным опубликовать проект для широкого обсуждения, поручить Комитету Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка его доработать с учетом замечаний. Именно в такой редакции было принято данное постановление. Однако «за кулисами» парламента тексту сумели придать несколько иной вид: в первом пункте — «одобрить в первом чтении основные положения», во втором — поручить трем Комитетам «доработать проект Закона с учетом предложений и замечаний, высказанных на сессии Верховного Совета СССР»; в третьем — «опубликовать уточненный проект в печати для обсуждения. С помощью измененной редакции постановления в опубликованном в прессе в первой декаде декабря 1989 года проекте появились «альтернативные варианты» статей 6 и 42.

Что же представляли собой эти альтернативы, внесенные, как было указано в тексте, «группой народных депутатов СССР»? Изменения в статье 6 были нацелены на то, чтобы из числа субъектов, наделенных правом учреждать собственные средства массовой информации, исключить граждан. Главные доводы: во-первых, нам не нужны доморощенные Шпрингеры; во-вторых, дельцы теневой экономики скупают всю бумагу и монополизируют прессу.

Но кто мешает дельцам теневой экономики объединиться в кооператив или даже в общественную организацию (скажем, «Клуб любителей денег») и в таком своем качестве основать собственную газету? Альтернативный вариант вполне допускает такую ситуацию. Вряд ли удастся и попытка скупить всю бумагу (особенно, если учесть ее отсутствие в свободной продаже). Законопроект содержал правило: для регистрации издания необходимо представить, в частности, сведения об источниках его финансирования. А значит, в оборот могут пойти только средства, узаконенные декларациями о доходах.

Теперь об опасности монополизации прессы. Концерн Шпрингера — сущая безделица по сравнению с нашей отечественной концентрацией печати, радио и телевидения в руках партийно-государственного аппарата.

Альтернативный вариант статьи 42 предусматривал право учредителя и издателя непосредственно вмешиваться в работу редакций; предварительно согласовывать материалы и сообщения, запрещать их публикацию, выбрасывать из них отдельные фрагменты. Но чем же это лучше цензуры, торжественно запрещенной в первой статье проекта? Кроме того, ничто не мешает учредителю или издателю поручить выполнение своих «контрольных полномочий» некоему специализированному учреждению — и вот уже возродилось особое цензурное ведомство.

Альтернативные варианты касались только двух статей законопроекта, но меняли суть всего документа с точностью «до наоборот». Свободе печати в качестве альтернативы предлагалось отсутствие свободы. Выбор — за народными депутатами. И они его сделали.

БРАВО, ПАРЛАМЕНТ!

Принятие закона длилось три дня. То была драма в трех действиях: с прологом и эпилогом.

Пролог. Он продолжался с декабря по апрель. Все это время шло всенародное обсуждение проекта. Рабочая группа аккуратно обобщала предложения и замечания, стараясь не поддаваться ничьему давлению и не обращая внимания на тот шабаш, который устроили некоторые газеты вокруг идеи «гражданин — учредитель». Кстати, в реально сложившемся общественном мнении это положение проекта встретило понимание. Счет между его сторонниками и противниками оказался приблизительно 6:1, что позволило рабочей группе благополучно провалить альтернативный вариант «группы народных депутатов».

Не обошлось и без потерь. Под натиском «заинтересованных ведомств» оказалось лишенным должных гарантий право журналистов на получение информации. Свой вклад внесли и пресловутые «политически грамотные машинистки»: стоило членам рабочей группы недосмотреть, как право прекращать деятельность средств массовой информации получили не только учредитель и суд, но и орган, который это средство зарегистрировал. Представляете загс, который по собственной воле расторгает браки?

В середине апреля наступил антракт. Полностью готовый проект несколько раз включали в повестку дня заседаний сессии, но более срочные дела его вытесняли. И вот наступило 6 июня.

Действие первое. В тот день депутаты успели принять только одну статью — первую. Зато какую! «Цензура массовой информации не допускается». Думаю, наш великий соотечественник Пушкин был бы рад узнать, что в годовщину его рождения окончательно пала цензура, наша боль, наш позор.

Действие второе. В тот день, 8 июня, выстояла, несмотря на массированный натиск, норма, гарантирующая гражданину право учреждать средства массовой информации. Не знаю, что больше убедило депутатов: ленинские цитаты, ссылки на издательские начинания Пушкина и Дельвига, международные обязательства СССР... В перерыве мы обнимались. Но впереди нас ждало поражение: ту статью, что была дополнена «машинистками», так и не удалось исправить, хотя вопрос поднимался четырежды. «Поправка машбюро» стала нормой закона.

Действие третье. 12 июня на трибуну поднялся известный писатель, главный редактор «Нового мира» С. П. Залыгин и предложил... отклонить проект. Почему? Потому, что он защищает интересы журналистов. Его выступление не было неожиданностью: за день до начала обсуждения депутатам раздали его письмо аналогичного содержания. Те же позиции, кстати, отстаивал в своем послании и писатель В. И. Белов. Но парламент был уже настроен на то, чтобы покончить наконец со столь долго ожидаемым законом, и потому методично отклонял вносившиеся поправки.

Эпилог. С первого августа его начинает писать сама жизнь. Закон о печати введен в действие — под свободу печати подведен надежный правовой фундамент. Пора возводить стены.

М. ФЕДОТОВ,
доктор юридических наук

НАС НЕ РАЗДЕЛИТЬ!

Прошу обратить внимание на мое письмо, очень прошу его напечатать. То, о чем хочу сказать людям, очень важно сегодня. Я уже человек в годах, живу одна, работаю на самой простой работе, образование у меня небольшое. Но вот некоторые очень образованные люди меня удивляют: создается впечатление, что у них очень короткий ум. А как иначе скажешь о тех, кто не оставляет попыток поссорить между собой людей разных национальностей.

Мы, осетины, никогда не относились враждебно ни к одной нации. С грузинами, нашими добрыми соседями, всегда жили дружно. Но вот пытаются нас поссорить, поломать нашу дружбу. Очень жаль, но иногда это удается... Думаю, что это выгодно тем, кому перестройка спутала все планы. Честно жить они никогда не хотели, а жить нечестным трудом, как в недавние времена, стало очень не просто. Вот и стараются изо всех сил, чтоб нас поссорить, чтоб нам не до них было. То говорят о том, будто осетинские шовинисты угрожают грузинам, то, наоборот, грузины угрожают осетинам. Вот такие они — далеко не лучшие представители наших народов.

Но мы, осетины, грузины, не гости на своей земле. На той самой земле, где вместе живем, вместе растим хлеб, растим детей. Разве имеет значение, кто где построил дом, с представителем какой национальности создал семью? Для людей, которые трудятся честно, это никогда не имело значения. Уважай свой дом, но и дом соседа, уважай его обычаи и нравы, его культуру — такое же уважение получишь ответно.

Об этом сейчас очень серьезно говорят народные депутаты СССР и на своих съездах, и на сессиях Верховного Совета СССР. Национальную честь, национальное достоинство должен защищать советский закон. Закон защитит национальные языки малочисленных народов, будут созданы все условия для изучения этих языков, чтобы не случилось, как со мной...

Я, дочь фронтовика, потеряв родителей, росла в детдоме. До седьмого класса училась в грузинской школе, затем в русской, а в осетинской так и не пришлось учиться. Вот и вышло так, что ни одного языка толком не выучила, а осетинский чуть не забыла совсем. По-осетински писать не умею, а письмо это пишу по-русски.

Не сомневаюсь, что младшее поколение осетинский язык будет знать так, как надлежит, что оно будет развивать национальную культуру — наследие наших дедов и прадедов. А я... Что ж, так сложилась жизнь, она была нелегкой. Но все же хочу сказать, что даже в самые трудные годы не сталкивалась с таким позорным явлением, как национализм. И то, что происходит сейчас в некоторых наших республиках, не имеет корней среди людей трудовых. Нечестные люди подогревают межнациональную вражду, они используют ошибки нашего прошлого и нередко стараются использовать в своих целях людей с такими судьбами, как моя.

Ничего у них не выйдет! Нас не разделить. А вот они за свои действия должны ответить перед законом. И это будет справедливо.

З. ГАДЗАЕВА

ЧЕРНЫЙ ВОЗДУХ

Серовато-голубое облако, гонимое сильным ветром, угрожающе надвигаясь в полусотне метров от земли, заслонило небо. Сразу как-то потемнело. Поливальщики колхоза «Ленинский путь», подьехав к полю, засеянному кормовыми культурами, очутились в тумане, окружившем их плотной завесой. Стало трудно дышать, закружилась голова. Разразился дождь, как оказалось, кислотный, и поливать вдруг пожухнувшие посевы было уже бесполезно и не нужно, потому что они сгорели под воздействием кислоты. Как позже выяснилось, всего в хозяйстве было повреждено 365 гектаров ячменя и люцерны.

А поливальщики, почувствовав себя в то утро плохо, к работе так и не приступили. Сидя на трубах дождевальной установки, тяжело дыша, они молча провожали глазами огромное облако, устремившееся к расположенному по соседству селу Сеитовка.

Через несколько минут там в воздухе запахло гарью. Улицы села мгновенно обезлюдели. Жители в страхе закрывали окна, форточки. Им не надо было объяснять, в чем дело. Они знали: в нескольких километрах от них на Астраханском газоперерабатывающем заводе (АГПЗ) опять произошел выброс газа.

Я приехал в Сеитовку через несколько дней после аварии на этом предприятии. Мне уже был известен ее печальный итог: один человек получил отравление, у 144 — признаки расстройства здоровья различной степени тяжести.

Когда я проходил по улицам села, ничего не напоминало о том выбросе газа. Яркое до рези в глазах светило солнце, золотившее верхушки деревьев и крыши многочисленных строений. Не спеша, спокойно шли куда-то редкие прохожие. Беззаботно резвились возле своих домов ребятишки, оставленные на попечение дедушек и бабушек родителями, ушедшими на работу. Неторопливо прогуливались, толкая перед собой коляски, молоденькие мамы.

Казалось, ничто, никакая сила не может нарушить безмятежность, спокойствие этой упорядоченной десятилетиями жизни. Лишь длинные шлейфы сизоватого дыма, тянувшиеся вдалеке из высоких труб газоперерабатывающего завода, неумолимо напоминали о внешней обманчивости, иллюзорности этой сельской идиллии. Ведь достаточно очередного выброса сернистого ангидрида и сероводорода, и тогда...

Не хочется думать о том, что может опять произойти, но приходится. Тем более когда попадаешь в особо контролируемую зону (ОКЗ) — так называется территория, прилегающая к заводу в радиусе восьми километров. И именно в этой зоне находится Сеитовка. На улицах села, как в войну, установлены сирены и громкоговорители. Все взрослые и дети оснащены противогазами. А неподалеку, на заводском дворе, постоянно дежурят 200 автобусов, готовых в случае необходимости эвакуировать их и жителей других населенных пунктов ОКЗ, пораженных газом.

Глядя на дымившие трубы, я почувствовал свою полную беззащитность. Вдруг выброс, а противогаза у меня нет. Но и жителям

Сейтовки тоже не позавидуешь. Как обращаться с противогазами, они не обучены, так что в случае чего воспользоваться ими не смогут.

С такими невеселыми мыслями я вошел в Сейтовскую среднюю школу. Ее завуч Р. Х. Давлетова вспоминает о том дне, когда облако газа накрыло село:

— Уже в 10 утра начали звонить обеспокоенные родители: «Мы видим вас в голубом тумане. Как там наши дети?» Звоню на газоперерабатывающий завод: «У нас пахнет серой. Что делать? Продолжать занятия? А может, лучше противогазы надеть?» Как ни в чем не бывало, отвечают: «Пахнет? Ничего, пройдет». Решила пройти по классам. Смотрю, дети побледнели, кашляют, вялые какие-то стали, пожаты на парту, засыпают. Некоторых пришлось тормошить, чтобы не уснули совсем. Во вторую смену многие ученики не пришли в школу, не пустили их родители. Вечером, когда вернулась с работы домой, у меня сильно разболелась голова. У мужа два дня продолжалось носовое кровотечение. А в прошлом году моя мать отравилась газом, ее еле спасли врачи. Когда же это кончится! — возмущается Раиса Хамитовна. — Сколько можно нам мучиться? Каждый раз, когда засыпаешь с открытым окном, с тревогой думаешь, проснешься ли. Не задохнуться бы в случае аварийного выброса газа, который может быть для нас последним.

Об этом же с тревогой говорили после аварии жители Сейтовки на сельском сходе. Им уже было известно, что предельно допустимая концентрация (ПДК) сернистого ангидрида в воздухе превысила норму в 8 раз, а сероводорода — в 7. Так что понятна их обеспокоенность, как и населения соседнего поселка Бузаны-Пристань, где ПДК сернистого ангидрида была в 30 раз выше.

Только в 1988 году в населенных пунктах ОКЗ зафиксировано превышение ПДК сероводорода в 243 раза, а ПДК сернистого ангидрида — в 104 раза. Сколько же газа поглотили уже легкие людей, все несчастья которых от того, что завод, отравляющий округу, был построен вблизи населенных пунктов!

Зачастую жители последними узнают о том, что горит сера, происходят залповые, через факелы, выбросы сероводорода и сернистого ангидрида. Почему? Да потому, что им об этом просто «забывают» сообщить те, кому положено по службе. Нередко сами догадываются, в чем дело, когда «запахнет гухлыми яйцами».

Почему же так происходит? Отчего население порой лишено информации столь необходимой, чтобы подготовиться к аварийной ситуации, закрыть окна, прекратить работу на открытом воздухе?

— Из 24 пунктов контрольного замера (ПКЗ) в поселках и селах ОКЗ, как правило, действуют в лучшем случае 18, а в худшем — 12, — жалуется В. Ф. Ильин, заместитель начальника военизированной части Астраханского газоконденсатного комплекса (АГК), включающего завод и газоконденсатное месторождение. — Дело в том, что, во-первых, проектировщики «привязали» пункты контроля к сельской электросети, которую отключают по разным причинам два-три раза в сутки. Во-вторых, они установили их не в ста и более метрах, как рекомендовали специалисты, а рядом с питающими трансформаторами. Поэтому из-за сильного электрополя контрольно-измерительная аппаратура нередко выходит из строя. И еще: в помещения ПКЗ постоянно проникают посторонние лица, крадут кондиционеры, создающие микроклимат для ее нормального функционирования, а также электронику.

Можно понять руководителя. Ну не может он со своими подчиненными обеспечить надежный контроль за выбросами газа, своевременно оповестить население о грозящей опасности. На аппаратуру надежды мало. А без нее как узнаешь в пределах нормы ПДК или нет? Но давайте задумаемся, дорогие читатели, а легче ли от этого жителям населенных поселков ОКЗ, ставшим, по сути дела, заложниками в своих собственных домах? Разве не вправе они рассчитывать хотя бы на то, что их предупредят об аварийных ситуациях на заводе, чтобы успеть принять какие-то меры заблаговременно? Ведь эти газовые атаки, иначе не могу назвать выбросы токсичных веществ, пагубно отражаются на здоровье людей, приводят к их отравлению.

Как сообщил мне заместитель главного врача медсанчасти п/о «Астраханьгазпром» В. А. Матвеев, с марта 1987 года, когда произошел первый выброс газа, погибли уже несколько человек. Остальные пострадавшим «повезло», слава богу, остались живы. Кто-то получил отравление гой или иной степени тяжести, у кого-то различные признаки расстройства здоровья.. Вообще выбросы газа не проходят бесследно. Губительно воздействуют на нервную систему. Среди работников комплекса, местного населения возросло число простудных и психических болезней, заболеваний верхних дыхательных путей, осложнений до- и послеродового периода у женщин. 87 процентов жителей населенных пунктов вблизи комплекса жалуются на ухудшение здоровья. В три раза увеличились пропуски занятий в школах детьми в связи с заболеваниями, резко снизилась успеваемость

И все это результат выброса в 1987 году 1 миллиона 20 тысяч тонн токсичных химических веществ, а в 1988 году — около 400 тысяч тонн. Последняя цифра кажется по сравнению с предыдущей не такой впечатляющей. Но не все познается в сравнении, по крайней мере в данном случае. Ведь речь идет о здоровье и жизни людей, слишком уж высоки ставки. Но даже эти 400 тысяч за год в четыре раза больше, чем предусмотрено проектом. А учитывая, что в населенных пунктах ОКЗ проживает 30 тысяч человек, возникает вопрос: не слишком ли много приходится на каждого? К счастью для них — хотя какое уж тут счастье на несчастье других, — много химических веществ разносится ветрами по городам и селам астраханской земли, где поглощается легкими людей, флорой и фауной. Вот почему в дельте Волги идут кислотные дожди, в районах основных нерестилищ Волго-Ахтубинской поймы оседает серый ангидрид, что приводит к сокращению рыбных запасов.

...Когда я покидал Сеитовку, то мысленно прощался не только с этим ставшим милым сердцу селом, затерявшимся в астраханской степи. Томили и тревожили душу сочувствие и в то же время искреннее, неподдельное уважение к ее жителям. Оставляя их там, в зоне, именуемой «особо контролируемой», восхищался их долголетием, стойкостью и выдержкой перед лицом испытаний, вывавших на их долю.

Вспомнились слова Раисы Хамитовны Давлетовой:

— Большинство населения нашего села и моя семья в том числе — ногайцы. Народность маленькая. Практически все живут в Астраханской области, многие в Сеитовке. Так что мы должны выжить, Власть предложили нам переселяться. Люди не хотят. Сроднились с этой землей. Здесь жили их предки. Выросли сами. Растят детей.

У меня, например, гут свой дом, вложила в него все средства. А теперь что, все бросить? Поехать в чужой угол? Конечно, в конце концов мы можем переселиться. Но дело не только в нас. Из-за бездумного отношения к природе горе-руководителей, допустивших строительство здесь газового комплекса, уникальный край низовья Волги под угрозой потери своих природных богатств. Только в нашей зоне из-за губительных выбросов газа, кислотных дождей сколько растительности погибло! Все деревья пожелтели. Сажать огурцы, помидоры нельзя, не растут...

Раньше в здешней местности было много скворцов. А как задымил газоперерабатывающий завод, все улетели в Дагестан и другие места. Видно, чувствуют газ лучше, чем человек. Поэтому сейчас много гусениц на полях развелось. Химией их, конечно, уничтожить можно. Но куда уж больше химии! Выбросит завод сероводород: вдыхаешь, а выдохнуть не можешь. Асфиксия. И все же сельчане не хотят, как скворцы, покидать насиженные места. Люди требуют закрыть завод.

Конечно, можно по-человечески понять возмущение, боль и тревогу жителей Сеитовки, как, впрочем, и села Степное, поселков Комсомольский, Куялы и других населенных пунктов особо контролируемой зоны. Можно долго с фактами, цифрами в руках укорять проектантов и строителей Астраханского газоконденсатного комплекса за то, что его создали на нынешнем месте, а не подальше от поселков. Степь-то большая! Кстати, по мнению Главного санэпидуправления Минздрава СССР в радиусе 20 километров от Астраханского газоконденсатного месторождения должна быть санитарно-защитная зона. А это значит, жить там нельзя.

Но дело сделано, и стоит сейчас газоперерабатывающий завод там, где стоит. И худо ли бедно, а выпускает продукцию — серу, нужную для производства химических удобрений. Но это обстоятельство мало радует население не только соседних сел и поселков, но и всей Астраханской области. Слишком обострились экологические проблемы с пуском первой очереди комплекса, кстати, принятой до сих пор лишь рабочей, а не государственной комиссией. Причем пущена она в эксплуатацию Мингазпромом СССР, как ни парадоксально, по временной схеме, без целого ряда природоохранных объектов, со строительными недоделками. Да и строилась без утвержденного проекта.

Сооружение второй очереди приостановлено до «лечения» многочисленных «болезней» предприятия.

А пока... пока продолжаютсЯ залповые выбросы через факелы, о чем узнают жители ближайших населенных пунктов, почувствовав запах серы. Все они находятся в постоянном психологическом напряжении, вызванном аварийными ситуациями на газоперерабатывающем заводе. Как и прежде, газ и конденсат сжигают открытым способом на факелах и в земляных амбарах, что приводит к загрязнению атмосферного воздуха. Да и серы извлекается лишь 80 процентов вместо 99,6 по проекту, а остальное уходит в воздух, воду, землю.

Возникает вопрос: а куда же смотрит прокуратура Астраханской области?

— Принимаем все возможные меры, чтобы призвать к порядку загрязнителей, — рассказывает областной прокурор Ю. Ф. Параскин. — Только что я подписал исковое заявление главному арбитру Астраханской области о взыскании с ПО «Астраханьгазпром»

еще 509 тысяч рублей за ущерб, нанесенный природе. Сколько раз нарушался Закон СССР об охране атмосферного воздуха! По требованию прокуратуры 18 должностных лиц газоконденсатного комплекса привлечены к ответственности за игнорирование природоохранного законодательства.

— Кроме того, — продолжал Юрий Федорович, — сейчас у нас в производстве три уголовных дела о загрязнении окружающей среды. К примеру, одно из них возбуждено в связи с выбросом газа, от которого пострадали многие жители Нариманова — города, находящегося в 20 километрах от комплекса.

Предельно допустимая концентрация сероводорода превысила тогда норму в 28 раз. Сотрудники СЭС опросили 1100 человек. Все они жаловались на головную боль, тошноту, сухость во рту, першение в горле, жжение в глазах, сонливость, недомогание, потерю трудоспособности. Налицо признаки отравления.

Слушая Параскуна, не мог я не прийти к выводу, что работники прокуратуры стараются в меру своих возможностей как-то воздействовать на нарушителей природоохранного законодательства. Привлекают их к административной, а в отдельных случаях и уголовной ответственности. А результат?

Пока что, к сожалению, результат нулевой. Да и не может он быть иным. Дело не в исполнителях и лицах, занимающих начальственные кресла на комплексе, а в том, что ПО «Астраханьгазпром» и Государственный газовый концерн «Газпром» проявляют безответственность и пренебрежение к законам об охране природы. В проект первой очереди заложен ряд неэффективных природоохранных решений, не внедряются безотходные технологии очистки газовых выбросов в атмосферу.

Работа комплекса в таком режиме, по заключениям специалистов, не может продолжаться. Экологическая обстановка остается напряженной. Нельзя не прийти к выводу, что до сих пор не приняты реальные меры, исключающие выбросы токсичных веществ. Более того, складывается впечатление, что снижение в настоящее время производства газа и серы — временная мера, рассчитанная на успокоение общественности.

Государственная экологическая комиссия решила, что проект второй очереди Астраханского газоконденсатного комплекса в нынешнем виде не должен быть рекомендован к утверждению. Можно, конечно, как предлагают, перевести первую очередь на режим опытно-промышленного производства. А в процессе дальнейшей работы усовершенствовать технологию, стараясь сделать ее безопасной для людей и природы. Ведь технологическая неотработанность проекта привела к непомерно большим выбросам ядовитых газов.

Экологические проблемы отпадут сами собой, если наладить безотходное производство. Но время упущено. Этим нужно было заниматься на стадии разработки проекта. Да и сейчас такую задачу никто не ставит, а половинчатые меры проблем не решат. Более или менее безопасная технология в любом случае будет опасной.

Скоропалительные, волевые решения по принципу «Я так сказал, значит, так и будет» слишком дорого уже обошлись. И поэтому, может, лучше прислушаться к требованиям общественности, жителей Астраханской области и закрыть комплекс? От этого выиграет не только население, но и в конечном счете государство.

Юрий СВЕРДЛОВ

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Нравственные принципы бытия человечество вырабатывало тысячелетиями. Куда меньше, оказывается, нужно времени, чтобы принципы эти деформировать. Где же та черта, за которой нравственное развитие останавливается, идет вспять? Может, там, где с прилавков магазинов исчезают колбаса, мыло, стиральный порошок? А может, началось это раньше? Скажем, в средневековые, когда кривыми ятаганами отсекали головы? Или позже? Когда человечество стало расчесывать головы на косой английский пробор? Как и с чего началось такое?

Однозначно ответить на этот вопрос трудно, как трудно нам сегодня разобраться во многих вопросах человеческой истории. Может, все началось с того и тогда, когда в жертву идее приносилась человеческая память? Когда в модель идеи вливалась только та часть памяти, которая «работала» на идею. А все остальное жестоко и безжалостно отсекалось, выкорчевывалось из нашего сознания. Может, это и было началом той цепной реакции, которая до такой степени деформировала нашу память, породила Сумгаит и Фергану, привела нас к оскверненным могилам в Нагорном Карабахе, Прибалтике, Крыму... Может, это и было первородной причиной перерождения тех людей, которые, извините, шакалам уподобившись (другого сравнения не подберешь), раскапывают захоронения расстрелянных фашистами советских граждан, перетряхивают кости убитых. Ищут золото...

Мне довелось работать следователем прокуратуры, видеть убитых и убийц, присутствовать при эксгумациях и вскрытиях. Все это не располагает к сантиментам, но мне трудно себе представить тех, кто снимает с фаланги пальца скелета перстень, выдергивает пассатижами из черепа зуб с золотой коронкой...

Покушаются на могилы. На святая святых — память умерших. Сравнение с шакалами здесь не образа ради — как ни печально, но приходится констатировать появление среди нас... животных в человеческом обличье. Только животные не помнят ни своего племени, ни своего рода, ни имени, ни тем более могил предков своих.

Осквернение памяти умерших — это, на мой взгляд, одно из проявлений нашей деформированной, перерожденной памяти. Почему мы забывали вечную истину: память об умерших — это часть не только нашего настоящего, но и будущего. Без памяти нет завтрашнего дня. Ограниченная память — уродливое будущее.

Забывая сегодня тех, кто сложил свои головы в годы сталинских репрессий, в годы Великой Отечественной войны, оставляя их останки без

должного человеческого захоронения, мы обрекаем на забвение и себя. Делаем очередной шаг по лестнице нравственного падения. Средства массовой информации сообщают о том, что власти на местах зачастую не только фактически отстранились от своего прямого долга перед памятью погибших, но и ставят препятствия перед теми достойными преклонения людьми, которые добровольно и безвозмездно ведут поиск таких захоронений, устанавливают местонахождения могил и нередко имена погребенных.

Совершается преступление перед сегодняшним днем и еще большее перед днем грядущим. Преступление моральное. Нравственное.

Нравственность же (наконец-то мы стали говорить об этом) вырабатывается не одними призывами и лозунгами. Существенное влияние на ее состояние оказывает и право, которое в случае покушения на нравственные ценности общества должно гарантировать защиту этих ценностей. Требования дня выдвигают вопрос: сейчас, когда коренным образом пересматривается уголовное законодательство страны, следует сделать все необходимое, чтобы усилить правовые гарантии охраны чести и достоинства советских граждан. Думаемся, что этот довольно сложный процесс должен охватить также следующие проблемы, о которых хотелось бы поговорить особо. Я имею в виду охрану от надругательства мест массовых захоронений, охрану от надругательства памятников истории и культуры, охрану памяти умерших от клеветы и оскорбления.

Существующие в действующем Уголовном кодексе РСФСР статьи 229 — «Надругательство над могилой» и 230 — «Умышленное уничтожение, разрушение или порча памятников истории и культуры» (аналогичные статьи есть в УК других союзных республик), на мой взгляд, не отвечают в полной мере правовой защите перечисленного выше. И никак не охраняют память умерших от посягательств в виде клеветы и оскорбления.

Необходимость такой охраны несомненно есть, и вызвана она следующими моментами.

Со мной могут спорить, но, мне кажется, никому не безразлично то, как будут говорить о нас дети, внуки, друзья, сослуживцы, просто знакомые... После нашей смерти.

Если клевета и оскорбление совершаются в отношении нас сегодня, при жизни, то это справедливо возмущает. Мы имеем гарантированное государством право и реальную возможность требовать судебной защиты нашей чести и достоинства. Представляется, такое же возмущение должно вызвать одно только предположение о том, что после смерти мы можем быть оклеветаны или о нас станут говорить в оскорбительных выражениях. Что же получается? Наша память... Да, никак не защищена законом.

Далее. Клевета и оскорбление, совершенные в адрес умершего, часто и нередко существенно затрагивают интересы живых лиц: родственников, близких, друзей умершего. Нередко клеветник, расширяя заведомо ложные, позорящие умершего сведения, оскорбляя его память, преследует цель бросить тень именно на живых людей, связанных родственными, дружескими или иными узами с умершим. Отсутствие закона, охраняющего память умершего, может негативно отразиться и на интересах этих лиц. И, возможно, не только в моральном плане.

Парадокс... Мы ставим умершим памятники, бывает, называем их именами города, поселки, деревни, улицы, школы, посмертно присваиваем им звания, награждаем орденами, медалями и в то же

время не имеем закона, защищающего их память от клеветы и оскорбления. Должен буду заметить: все цивилизованные страны такие законы имеют. Так, параграфами 179, 180 и 181 Уголовного кодекса Венгрии предусмотрено, что лицо, оскорбившее покойного или память покойного путем клеветы или оскорбительных выражений, наказывается в случае простого вида клеветы лишением свободы сроком до одного года, или исправительно-воспитательными работами, или штрафом. В случае квалифицированного вида клеветы — лишением свободы сроком до двух лет. В случае оскорбления — лишением свободы сроком до одного года, или исправительно-воспитательными работами, или штрафом.

Уголовное законодательство ГДР вообще не делает никаких различий в защите от оскорбления живых лиц и в защите от оскорбления памяти умерших, объединяя оба этих посягательства в одну норму. Об этом свидетельствует параграф 137 УК ГДР, который гласит: «Наносит оскорбление тот, кто грубо унижает личное достоинство человека путем ругани, оскорбительных действий, неприличного поведения или действиями или же кто грубо оскорбляет память умершего». Наказываются эти деяния общественным порицанием, или штрафом, или условным осуждением.

Небезынтересно, наверное, узнать и то, что уголовное законодательство ФРГ охраняет память всех умерших — даже тех, кто принимал участие в агрессии фашистской Германии против нашей страны. На это указывает параграф 189 Уголовного кодекса ФРГ, который защищает память умершего от любого опорочения.

А что же мы? Как же наше законодательство? Мы вроде ничего... И наше законодательство, увы, никак.

Выражаясь словами известного киногероя, «за державу обидно». Обидно, когда узнаешь, что в той же самой ФРГ немцы сегодня ухаживают за кладбищами советских воинов, что ими же уставлены имена десятков тысяч советских граждан, похороненных на территории Западной Германии, что правительство этой страны выделяет определенные средства для ухода за могилами наших соотечественников. Обидно, когда бывший солдат гитлеровской армии Э. Дидрих с грустью констатирует наше, мягко говоря, невнимательное отношение к ветеранам войны, к их памяти. Об этом мне стало известно из статьи «Кошунство» («Человек и закон», № 2 за 1990 г.). Именно кошунство — по-другому не скажешь.

Разве не кошунственна та «возня» вокруг имени Павлика Морозова, которую затеяли отдельные, некогда именитые авторы на страницах уважаемых изданий?! И, представляется, совершенно права публицист Вероника Кононенко («Посмертно... репрессировать?», «Человек и закон», № 1, 1989 г., «Вымысел и правда», «Комсомольская правда», 5 апреля 1989 года), которая утверждает: то, что происходит вокруг имени, по сути дела, ребенка, ставшего жертвой столкновения двух противоборствующих систем, безнравственно. И почему в пылу дискуссий мало кто помнит о том, что речь идет о детоубийстве. О памяти ребенка...

А разве не в таком же бесправном положении память одного из активных членов Краснодарской патристической молодежной организации «Молодая гвардия», Виктора Третьякевича? Он объявляется то героем, то предателем, то вновь героем. (Т. Яковлева, «На весах правды», «Комсомольская правда», 5 января 1989 г.)

Дело тут не только в эмоциях, которые вызывают подобные сообщения, но и в том, что отсутствие закона, защищающего память

умершего от клеветы и оскорбления, способствует тому, что эти будоражающие наше сознание слухи будут еще долго «гулять» в головах некоторых наших соотечественников, обрстая досужими подробностями.

Наличие же уголовно-правовой нормы позволило бы следственным органам провести официальное всестороннее расследование, которое могло бы ответить на вопрос, сообщают нам правду или же мы имеем дело с гнусной клеветой, за которую виновные должны были бы и, уверяю вас, понесли бы уголовное наказание. Полагаю, тогда эти слухи прекратились бы. Смее надеяться, восторжествовала бы истина. А пока...

Статья 229 Уголовного кодекса РСФСР не работает. Или же, как говорят юристы, является «мертвой статьей». Но даже в таком «спокойном» виде само наличие упомянутой статьи в то время, когда в действующем УК нет состава, предусматривающего уголовную ответственность за клевету и оскорбление, совершенные в адрес умершего, в свою очередь, является парадоксом. Судите сами: «Надругательство над могилой, а равно похищение находящихся в могиле или на могиле предметов — наказывается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до двух лет».

Что же получается? Если виновный совершает хотя бы одно из перечисленных действий — разрушает могильный холм, повреждает могильный памятник, повреждает надгробную плиту, оскверняет могилу, разрушает ограду могилы, скамейку, выкапывает цветы, деревья в пределах могилы и т. д., — он может подвергнуться довольно суровому наказанию — до трех лет лишения свободы или до двух лет исправительных работ. Но если он же оскверняет память умершего клеветой или оскорблением, то никакой ответственности не несет.

Создается впечатление, что закон наш охраняет исключительно только «место пребывания» умершего. Неужели при полном безразличии к его памяти?

Мераби ЦАНАВА

**ГРУЗИНСКАЯ ССР.
г. ПОТИ**

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

В редакцию обратилась Н. Серова с жалобой о снятии ее с учета нуждающихся в улучшении жилищных условий по месту работы.

Ростовским территориальным комитетом профсоюза совместно с администрацией и профсоюзным комитетом Калиновского шахтоуправления была проведена проверка ведения дел квартирного учета в Калиновском шахтоуправлении: выявлены грубые нарушения жилищного законодательства — учетные дела очередников во многих случаях не содержали необходимых документов, подтверждающих право состоять на учете.

В результате проверки установлено, что на момент принятия на учет Н. Серова не имела необходимого трехлетнего срока проживания, установленного для данного населенного пункта, обеспеченность ее жилой площадью по месту жительства была выше учетной нормы. Поскольку семья Н. Серовой проживает на условиях найма жилой площади лишь с 1987 года, то вопрос о постановке ее на учет может быть рассмотрен лишь по истечении установленного для данного населенного пункта трехлетнего срока проживания.

Президиум Ростовского территориального комитета профсоюза рабочих угольной промышленности обязал администрацию и профком шахтоуправления устранить выявленные проверкой нарушения, привести дела квартирного учета в соответствие с требованиями жилищного законодательства. На директора шахтоуправления А. Масленникова и председателя профкома Б. Оноприенко наложены взыскания.

* * *

Житель г. Душанбе И. Телегин сообщил: из-за работы спортивной секции, расположенной в подвальном помещении дома, в котором он проживает, в его квартире постоянно ощущается сильный шум.

Письмо проверено, факты подтвердились. Душанбинским горисполкомом приняты соответствующие меры: установлен четкий распорядок работы спортивной секции, самодельные спортивные снаряды в подвале жилого дома № 112 по пр. Борбада оснащены резиновыми прокладками.

* * *

Т. Мельничук, работница птицевосхоза Днепропетровского объединения птицеводческой промышленности «Днепропетровскптицпробм», в письме в редакцию жаловалась на то, что ей не выплачена заработная плата, администрация, считает она, поступила противозаконно.

Проверкой установлено, что администрация птицевосхоза «Новолюзоватский» действительно не выплатила заработную плату бригаде, в которой работала Т. Мельничук, за выполненный объем работ в связи с расторжением бригадой договора.

Генеральный директор Днепропетровского объединения Н. Кащенко сообщил нам, что заработная плата за отработанные месяцы бригаде выплачена.

реклама: объявления ИНФОРМАЦИЯ

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛИ

Журнал «Человек и закон» стал совместным изданием Министерства юстиции СССР и Союза юристов СССР. Такое решение принял Совет Министров СССР, о чем сказано в его постановлении от 13 апреля 1990 года за № 368: «...3. Согласиться с предложениями Министерства юстиции СССР и Союза юристов СССР: о преобразовании с 1990 года журнала «Человек и закон» в совместное издание Министерства юстиции СССР и Союза юристов СССР...»

«ПОИСК» ищет и находит!

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ВСЕХ, СОЗДАВШИХ
СЕМЬЮ С ПОМОЩЬЮ СЛУЖБЫ «ПО-
ИСК»!**

**ОБРАТИТЕСЬ ВО ВСЕСОЮЗНУЮ СЛУЖБУ ЗНАКОМСТВ
«ПОИСК».**

**«ПОИСК» расширит круг ваших знакомств и окажет помощь в
создании дружной, счастливой семьи.**

**«ПОИСК» располагает широкоразвитой информационной сетью
во многих городах.**

**Сведения об условиях заключения договора со службой зна-
комств получите по адресу: 220002, МИНСК-2, а/я 132, или в одном
из отделений нашей информационной сети:**

198261, ЛЕНИНГРАД, пр. Ветеранов, 93/148;

290005, ЛЬВОВ, ул. Менделеева, 11/2;

252148, КИЕВ, ул. Сосниных, 8/12;

350072, КРАСНОДАР, ул. Коллективная, 43/120;

720001, ФРУНЗЕ, ул. Белинского, 51/10.

В свое письмо вложите пустой конверт с вашим адресом.

КАТАСТРОФА НА ВЕСАХ ФЕМИДЫ

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

Вроде бы улеглись страсти вокруг этой катастрофы. Прошло уже четыре года с той злополучной ночи когда пароход «Адмирал Нахимов», «протараненный» сухогрузом «Петр Васев», опустившись на корму, скрылся под водой и лег на морское дно в нескольких милях от берега. Назову страшную цифру постигшего всех нас горя — 423 человека погибли в этой катастрофе. Называю эти потери не для того, чтобы еще раз посыпать солью незаживающие раны потерпевших, тех, кто потерял самых родных и близких людей. Я говорю об этом потому что хочу найти ответ на самый главный мучающий меня вопрос: как же мы в правовом государстве будем относиться к тем, кто повинен в происходящих катастрофах? На что будем опираться при оценке их вины — на эмоции и вполне понятные страсти или на разум и требования закона?

На мой взгляд, если пойдем по первому пути, будем всегда искать «стрелочников», как это было после Чернобыля, оставляя невыясненными истинные причины наших бед и несчастий. Пойдем по второму — до минимума сведем вероятность несчастий. Ибо полностью от опасности утонуть вместе с судном разбиться при посадке или на взлете, сгореть в железнодорожном вагоне люди, видимо, не избавятся никогда. Что ж, такова плата за прогресс и скорости. Однако плата эта должна быть все-таки минимальной.

Потому-то из каждой катастрофы нужно уметь делать выводы. И гласность в освещении судебных процессов над их виновниками необходима нам всем как воздух. Однако сам судебный процесс о столкновении двух судов освещался в нашей печати все-таки скупо. Была информация ТАСС из которой явствовало: обоим капитанам суд определил по 15 лет лишения свободы. Широкой публике так и не стали известны доказательства личной вины каждого из капитанов, добытые при судебном разбирательстве. Хотя на процессе, проходившем в городе Одессе во Дворце железнодорожников с 10 по 30 марта 1987 года, было полно представителей газет и журналов.

Был на этом процессе и я. И до сих пор не могу избавиться от мысли, почему Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР оставила без внимания доводы представлявшего государственное обвинение прокурора Л. П. Баранова о том, что главный виновник катастрофы все-таки не Марков, а капитан «Петра Васева» Ткаченко? Наказание же уравнило обоих, хотя степень их вины, на мой взгляд, разная.

Убеждение, что Марков осужден солидарно с Ткаченко, возникло после чтения уголовного дела № 18/58369 и после беседы с осужденным бывшим капитаном в колонии общего режима подо Львовом.

Итак, посмотрим на приговор, исходя из закона и тех обстоятельств, которые легли в его обоснование.

Но прежде приведем статью 85 (часть 1) Уголовного кодекса РСФСР, по которой осуждены В. Марков и В. Ткаченко:

«Статья 85. НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА. Нарушение работником железнодорожного, водного или воздушного транспорта правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшее несчастные случаи с людьми, крушение, аварию или иные тяжкие последствия, а также недоброкачественный ремонт транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи, повлекший те же последствия, — наказываются лишением свободы на срок от трех до пятнадцати лет. Те же деяния, если они не повлекли, но заведомо создавали угрозу наступления тех же последствий, — наказываются лишением свободы на срок от одного года до трех лет или исправительными работами на срок до двух лет».

Четок язык закона — ничего лишнего. Давайте же в свете этих строгих и ясных требований рассмотрим еще раз обстоятельства катастрофы у мыса Дооб, случившейся 31 августа 1986 года. И проанализируем спокойно и взвешенно действия бывшего капитана В. Г. Маркова под этим углом зрения. Каковы были его поступки в те роковые восемь минут? Создавали ли они условия для столкновения? Какие последствия повлекли? Что он не сделал из обязательного свода правил, чтобы предотвратить катастрофу? И мог ли он своими действиями усугубить последствия катастрофы? Тем более что следователь Прокуратуры РСФСР по особо важным делам Б. Уваров так пишет в статье «Катастрофа без тайн» («Человек и закон», № 8, 1989 г.): «...уголовное право не терпит абстрактных виновников. Как конкретны тяжкие последствия и страдания погибших людей, так конкретны и поступки людей, по вине которых случается беда...»

Итак, что же все-таки произошло 31 августа 1986 года в Цемесской бухте вблизи Новороссийска?

22—00.

«Адмирал Нахимов», дав прощальный гудок, отошел от причала точно по расписанию. Это доказанный в судебном следствии факт.

На командном мостике парохода — вахта и В. Г. Марков. Приняты доклады служб, старший помощник капитана А. Маглыш ведет отход, действуя по предписанию «Выход в море». Это значит: опущены клинкетные двери, создана водонепроницаемость между отсеками, задраены иллюминаторы, сверены часы, телеграф вверх и вниз судна, проверены ходовые огни и сигналы. Старпом доложил капитану: «Судно к отходу готово!»

А вот как об этом сказано в обвинительном заключении и приговоре: бывший капитан В. Марков не проверил готовность корабля к отходу. Но заглянем в статью 94 Устава службы на судах Министерства морского флота СССР: «При входе в порт и выходе из него капитан обязан находиться на мостике и лично управлять судном, принимая все меры предосторожности».

Где здесь требования проверять точность доклада старпома и лично убеждаться в том, что все перечисленные выше требования командой выполнены? И возможно ли это на практике? Для того чтобы проверить, опущены ли клинкетные двери, капитан должен покинуть мостик и спуститься вниз. Но ведь именно тогда он нару-

шит эту самую статью 94 Устава, то есть не будет находиться на мостике.

А что говорят эксперты? И на суде, и в своих заключениях они утверждали, что клинкет в момент столкновения не были опущены, а иллюминаторы не были задраены. И верно утверждали. Нарушение ли это? Да, нарушение, если говорить об иллюминаторах. Но на пароходе не работала вентиляция — «Адмирал Нахимов» был стар, выработал свой ресурс и отправлялся в последний рейс. Судно уже было списано с баланса пароходства. Однако Морской Регистр еще разрешал ему выходить в море.

22—15.

Буксир вывел «Адмирала Нахимова» на судовой ход и покинул его. Капитан, согласно статье 94 Устава, задал судну курс и скорость. Вахтенный помощник капитана штурман А. Чудновский принял эти данные. Следовательно, В. Г. Марков никаких команд, приведших к тяжким последствиям, в тот момент не дал. Уясним это для себя!

22—20.

Вахтенный помощник капитана штурман А. Чудновский докладывает В. Г. Маркову:

— Диспетчер ПРДС (Пункт регулирования движения судов) сообщает: из Босфора в порт идет сухогруз «Петр Васев».

— Добро! — ответил В. Марков.

Капитан с тридцатидвухлетним стажем наизусть знал Международные правила расхождения судов (МППСС-72 — так они называются официально). Эти правила — высший закон для всех судоводителей мира. По этим правилам «Адмирал Нахимов» обязан был пропустить идущий с моря сухогруз в порт. Про это обстоятельство знают немногие. Оно известно специалистам и неведомо широкой публике. А это весьма важное обстоятельство для правильного понимания всех последующих событий и для оценки поведения капитана и вахтенной смены.

...Чудновский, оторвавшись от радиотелефона, вновь доложил Маркову:

— Диспетчер только что передал: он просил сухогруз пропустить нас. Сухогруз согласился.

— Сделайте об этом запись в вахтенном журнале и свяжитесь с капитаном сухогруза. Доложите ему наш курс и скорость, согласуйте порядок расхождения.

Отвлечемся на минуту.

В колонии, где отбывает наказание бывший капитан В. Марков, я задал ему вопрос, который не мог не задать. Я спросил, как он, опытный капитан, пошел на нарушение правил МППСС-72, пусть даже и была рекомендация диспетчера ПРДС сухогрузу пропустить пароход, выходящий из порта? Ведь это «Нахимов» обязан был пропустить сухогруз, идущий с моря в порт, — таковы международные правила.

И вот что ответил В. Марков: «Да, таковы международные правила, но ими подчас пренебрегали в Новороссийском порту. Вот пример, — сказал он. — Незадолго до этой катастрофы «Адмирал Нахимов» шел из Ялты в Новороссийск. Из Новороссийска же выходил в море «Маршал Конев». И диспетчер тогда приказал нам пропустить «Коневу»! Опять-таки в нарушение международных правил. И я знал — такова наша портовая практика: идущий с моря пропускает выходящего в море».

Но указание диспетчера — еще не «криминал». Можно чисто разойтись, как говорят моряки, и при такой трактовке правил. Погода была чудесная, видимость отличная, никаких проблем с расчетами расхождения возникнуть не могло, хотя диспетчер и поменял идущие друг другу навстречу суда ролями.

22—22.

БОРТ «ПЕТРА ВАСЕВА». Просьбу диспетчера порта пропустить пароход и не пересекать его курса принял по радиации стоявший на вахте третий помощник капитана П. Зубюк, 1959 года рождения, молодой специалист. Он тоже знал, что их судно теперь должно исполнять уже правило № 16 МППСС-72: «Каждое судно, которое обязано уступить дорогу другому судну, должно, насколько это возможно, предпринять заблаговременные и решительные действия с тем, чтобы чисто разойтись с другим судном». О своем разговоре с диспетчером ПРДС Зубюк сделал запись в вахтенном журнале.

Сухогруз шел в порт с предельной скоростью — 14 узлов. Скоро должна быть ТВЛ — точка встречи лоцмана. На берегу возникли огоньки. Мыс Дооб... Надо было менять курс и скорость, потому что к этой точке двигался и пассажирский пароход «Адмирал Нахимов». В это время в рубке раздался зуммер радиотелефона.

22—30.

— Ложимся на курс 144 градуса. Скорость — 8—9 узлов. Идем в Сочи. Диспетчер сказал: вы нас пропускаете? — в микрофоне голос Чудновского с «Нахимова».

— Да, пропускаем, — ответил Зубюк. — Мы получили радио от диспетчера. Идите, не волнуйтесь!

— До связи.

И в это время на мостике появился капитан В. Ткаченко. Это означало — управление судном он берет на себя. Зубюк об этом сделал запись и поставил время. Доложил о рекомендации диспетчера. Доложил курс и скорость встречного парохода.

— Пропустим, — подтвердил Ткаченко. — Пусть идет.

— Пеленг не меняется. Идем на пароход. Надо бы уменьшить ход!

— Успеем, — благодушно отозвался Ткаченко.

И тут вновь зуммер радиотелефона:

— Здесь «Нахимов». Вы нас пропускаете?

— Пропускаем. Повторите ваш курс и скорость, — ответил Ткаченко, склонясь над САРПом (Средством автоматизированной радиолокационной проводки — сложной компьютерной системы, умеющей рассчитывать курс и пунктирной линией на экране указывать наиболее благоприятные варианты расхождения судов). Ткаченко закладывал в компьютер данные о курсе и скорости «Нахимова»...

Корабли сближались. Нервничал Зубюк — пеленг не менялся. Машина «Васева» работала на полной мощности — винты буравили волны, подталкивая балкер¹ к месту катастрофы.

22—58.

Дождавшись ответа капитана «Петра Васева» о том, что он пропустит пароход, Марков покинул мостик. За кормой светили буй Пенайской банки. Акватория порта кончилась. Выход в море был открыт. Даже по требованиям Устава (статья 94) Марков уже не был обязан находиться на мостике. Получено было подтверждение от встречного судна, что оно пропускает пароход, то есть курсы судов

¹ Судно, приспособленное для перевозки сыпучих грузов. — Прим. автора.

были согласованы. Видимость отличная. До сухогруза еще далеко. Он еле заметной точкой дымил в чернеющем море. На мостике штурман, за плечами которого 14 лет практики, сотни рейсов. Ситуацияординарнейшая. Да, в открытом море рекомендация диспетчера порта уже не носила обязательности приказа. Можно было ее и не придерживаться. Но вспомним — курсы-то обоих судов уже были согласованы, согласие на пропуск от «Васева» было получено. Зачем все это менять? Никакого опасного сближения пока еще нет.

Следователь Б. Уваров пишет в своей статье: «А что или кто не позволил Маркову, когда он увидел идущий на пересекающемся курсе «Петр Васев», оценить опасность столкновения? Почему никому не поручил взять пеленг на это судно, не говоря уж о том, что он пренебрег прокладкой относительного движения судов. Тем самым на мостике не выполнялась та элементарная штурманская работа...» Но дело-то все в том, что эта элементарная работа должна была делаться именно вахтенным штурманом. Он же нес капитанскую вахту... Делалась ли она, никто об этом не узнает, А. Чудновского нет в живых. И понять, что будет делать для расхождения «Петр Васев», Марков в те минуты никак не мог. Десятки вариантов были у Ткаченко: сбросить ход, отвернуть вправо, уйти на циркуляцию, а какой вариант выберет капитан сухогруза, угадать Марков никак не мог. Подтверждение, что сухогруз их пропускает, поступило на мостик перед его уходом. Итак, с одной стороны, Марков в открытом море имел право уйти с мостика, оставив вместо себя вахтенного помощника. С другой, следствие обвиняет его: разве можно уйти, когда впереди маячит судно? А почему, собственно, нет? Предположим другое — на мостике был бы Марков, смог бы он предотвратить аварию? На этот вопрос в колонии Марков однозначно ответил:

— Не знаю! Сделал бы все, но за результат ручаться не могу. Об этом я еще сказал Алиеву, тогдашнему председателю правительственной комиссии

Да и не мог знать Марков, что происходит на борту «Васева»...

22—58.

БОРТ «ПЕТРА ВАСЕВА». Ткаченко глянул на экран САРПа: компьютер четко указал — при курсе и скорости «Васева» он разойтись по носу не сможет. Ткаченко бросился к машинному телеграфу: он знал, даже если удастся сбросить обороты двигателя, даже если удастся быстро остановить его, судно по инерции пройдет еще 1950 метров. В машинное отделение поступила команда: «Средний ход», «Малый, самый малый!» Судно шло по инерции... Но оно уже стало неуправляемым — винты работали в обратную сторону. Возможность маневра была утеряна.

22—59.

В каюте Марков разделся — завтра надо было вставать в 5 утра, в 6 часов утра «Нахимов» должен войти в порт Сочи. Были у журналистов в отдельных публикациях версии: Марков торопился в каюту, чтобы зайти к влиятельному пассажиру, поговорить насчет открытия визы — она была закрыта, когда Марков работал в Лондоне представителем пароходства. Но эта версия на суде лопнула — установлено было, в каюте Марков разделся..

На мостике нервничал Чудновский: «Васев» упрямо приближался к борту «Нахимова». Уже видны были рубка сухогруза, его хищный нос, устремленный в середину борта парохода.

3. «Человек и закон» № 8.

23—00

БОРТ «ВАСЕВА». Зубюк брал пеленг. «Нахимов» приближался.

— Капитан пеленг не меняется. Мы сближаемся,— доложил он Ткаченко.

— Я уже скомандовал «Стоп машина!» — ответил Ткаченко.

Зуммерит радиотелефон. Взволнованный хриплый голос Чудновского:

— Я — «Нахимов», вы пропускаете нас?

— Пропускаем,— это отвечает Ткаченко. Но он лжет. Быстро текут секунды. Суда неотвратимо сближаются нос сухогруза надвигается на борт «Нахимова» Остановить его уже невозможно. Но можно еще сбросить якоря — это уменьшило бы силу удара Такого мнение экспертов. Однако Ткаченко ничего не предпринимает.

Вновь обеспокоенный голос Чудновского в динамике радиотелефона:

— «Васев», ответьте, вы пропускаете нас? Почему не отворачиваете?

Секунды до катастрофы истекают.

23.02.

Растерявшийся Чудновский командует: «10 градусов лево на борт!» Это ошибка. Эксперты на суде показывают: после этой команды «Адмирал Нахимов» еще больше подставил сухогрузу свой правый борт Чудновский тоже не знает, что в это время Ткаченко лихорадочно переводит ручку телеграфа в положение «Полный задний ход».

23—09.

Ткаченко дает три гудка, что на морском языке значит: «Мои двигатели работают на полный задний ход!» В данной ситуации это сигнал тревоги.

Услышав тревожные гудки сухогруза, Марков все понимает. На ходу надевая рубашку, он выскакивает из каюты и поднимается на мостик.

23—12.

Удар! Форштевень сухогруза врежется в правый борт «Адмирала Нахимова» Точно угодил нос сухогруза в клепанный шов — листы обшивки разошлись, обнажив полностью машинное отделение. В пробину с шипением хлынула вода.

Что делает в этот момент Марков? На суде выяснено: он обругал Чудновского

Затем приказал начальнику радиостанции парохода дать аварийную радиограмму в порт Дубль — в пароходство!

Сколько на эти действия надо времени? Я не знаю. Знаю только, что установлено судом. Через минуту на мостике появился старпом А. Маглыш и нажал кнопку общесудовой тревоги. Следовательно и суд считали: это должен был сделать Марков. Но кнопка-то тревоги была уже нажата А сигнала не последовало — судно обесточилось. Плотная темень укутала палубу и надстройки, в каютах и барах встревожились люди: удар слышали все но не придали ему значения Мрак в каютах всех взбудоражил. Заплакали дети, Закричали женщины. Стюардессы успокаивают пассажиров — они сами еще ничего не знают. Но люди толкуются в испуге у трапов.

Капитан Марков голосом дает команду: «Шлюпочная тревога!» Команда бросается к шлюпкам. И в это время корабль кренится на правый борт — Марков понимает: теперь шлюпки не спустить. Кранбалки не сработают и при таком крене не вытолкнут шлюпки на

воду. И вновь в мегафон он командует: «Плотики сбрасывать за борт!» Это установлено на суде.

Уточним: на борту «Адмирала Нахимова» находилось 20 шлюпок. В них могло бы разместиться минимум 600 человек. Было еще 24 плотика с запасом воды и сигнализацией. На них тоже могло бы разместиться человек 650. По идее спасательными средствами пароллод был оснащен полностью. Но ... непредсказуемы ситуации морских катастроф! Вычеркнем шлюпки, — их так и не спустили. Плотики же все до единого по команде капитана были сброшены в море. Благодаря им спаслись многие из 800 счастливицков, которым выпало жить. Запомним это!

23—14.

Время приблизительное. Очевидцы на суде показывали: минуты через две врубилось аварийное освещение. Наверное, так... Отсчет велся от судовых часов, остановившихся на 23—12, моменте удара. Увеличился крен. Люди скатывались к правому борту. Туда же катились палубные скамейки, какие-то бочки, ящики. И в это время вновь, теперь уж навсегда, погасло электричество. Мрак. Крики. Шелест близких волн. Люди лихорадочно цепляли на себя спасательные жилеты. Но никто их не научил, как ими пользоваться. Старший пассажирский помощник капитана А. Просвирнин, пренебрегая своими обязанностями, искал спасения только для себя. (В отношении него возбуждено уголовное дело по этому факту.) Но о нем говорить не хочется. Катастрофы являют миру примеры человеческого мужества и самопожертвования, и они же являют примеры отвратительной трусости и животного страха. Не будем судить погибших. Речь наша о живых. В это время В. Марков находился на мостике. Он спасения себе не ищет. Неписаная этика капитанов — они уходят с судна последними. А капитана на мостике видят многие — они об этом скажут на суде.

Так что же не сделал бывший капитан В. Марков, что обязан был сделать, чтобы уменьшить наступление тяжких последствий катастрофы?

Послушаем обвинение:

Ушел с мостика! Не дал сигнала «Общесудовая тревога!» Не обеспечил спуск на воду спасательных средств!

Первое обвинение мы уже разбирали. Марков имел право покинуть мостик. Ситуация не была угрожающей. Опасного сближения с сухогрузом в то время, когда он был на мостике, не наблюдалось. Его не было. Был идущий пересекающимся курсом балкер «Петр Васев», но также была договоренность, что он пропустит пароллод, следовательно, свой курс поменяет или сделает какой-нибудь другой маневр. Кто в этой ситуации станет тревожиться?

Второе. А должен ли был В. Г. Марков, появившись на мостике в момент удара, сразу же дать сигнал «Общесудовой тревоги» и тем самым, еще не зная и стинных размеров повреждения корабля, вызвать обеспокоенность у команды и панику у пассажиров. Марков сделал то, что обязан был сделать — он попытался выяснить размеры пробоины. Когда определил размеры бедствия, сигнала дать уже просто не мог: не было электротока. Даже если бы он кричал в мегафон, его услышали бы немногие. Услышали те, кто и услышал его голос, объявивший «Шлюпочную тревогу». Но следствие и суд словно забыли, что старпом, появившись на мостике, нажал уже кнопку, однако сигнал не прошел.

Третье. Марков не обеспечил спасения экипажа и пассажиров.

Вот что утверждает бывший капитан, а ныне осужденный В. Марков, рисуя схему катастрофы на бумаге в узком кабинете начальника цеха, где он работает на пайке деталей:

— Расчетное время для спуска на воду шлюпок — 20—25 минут, это при условии, если кран-балки вытолкнут за борт шлюпки. При крене кран-балки не вытолкнут — они просто не придут в движение. А у нас было всего несколько минут. Судно с дифферентом на корму и креном на правый борт уходило в море. Оставалось только одно: бросать за борт плотики. Так я и приказал. Все плотики были спущены на воду. В основном они стали спасением для людей, очутившихся в море. Суда-спасатели пришли к месту катастрофы через час-полтора.

Какой же вывод можно сделать из анализа катастрофы? Только один, если мы хотим добыть истину: да, виновен бывший капитан В. Г. Марков, но он все-таки не главный виновник катастрофы. У него были проступки и нарушения — это очевидно. Они бесспорно, образуют состав преступления. Это мое мнение. Но не они явились главной причиной катастрофы и затопления судна. Так я думаю.

А теперь мне хочется предоставить слово адвокату В. Г. Маркова И. М. Кисенишскому. Мы вообще очень мало говорим о позициях адвокатов в таких делах — даем слово судьям, прокурорам, следователям, а позиция адвокатов остается за гранью нашего внимания. А ведь она весьма показательна по многим причинам. Защиту осуществляют опытные юристы, которым хорошо известна цена доказательств и правовой логики.

Итак, предоставим слово адвокату, послушаем, чем он аргументирует свою позицию в этом деле:

«Мера наказания, определенная судом Маркову не соответствует степени его персональной виновности..

В этой связи представляется, что избранный судом принцип «равной», «равнозначной» ответственности обоих подсудимых — Маркова и Ткаченко, является результатом отказа от принципов необходимой индивидуализации степени вины и ответственности...

Определение Маркову и Ткаченко одинакового — максимально — наказания предусмотренного законом за этот вид преступления, в виде 15 лет лишения свободы при всех условиях... не соответствует степени вины и социальной опасности каждого из них, не соответствует точке зрения государственного обвинения, полагавшего справедливым определить Маркову меньшее наказание чем Ткаченко, являвшегося основным виновником катастрофы.

Вкратце привожу основные соображения позволяющие считать несправедливой «обоюдное равнозначную» оценку преступления Маркова и Ткаченко обстоятельства, обуславливающие необходимость дифференцированного подхода при определении степени виновности и ответственности каждого из них.

1. По делу было бесспорно установлено, что главным виновником произошедшей аварии явился бывший капитан сухогруза «П. Васев» Ткаченко, который, несмотря на предписание диспетчерской службы о пропуске парохода «Адмирал Нахимов», несмотря на **трекратное** подтверждение своего согласия на пропуск, вопреки этому самовольно пошел на пересечение и в результате «протаранил» пассажирский пароход «Адмирал Нахимов».

Совершенно очевидно, что В. Г. Марков не мог предвидеть такое развитие событий, не мог предположить, что при полном обоюдном согласовании варианта расхождения, рекомендованного Пунктом ре-

гулирования движения судов и его трехкратном подтверждении капитаном Ткаченко, последний вопреки всему, в том числе собственным заверениям пойдет на пересечение и «протаранит» пассажирский пароход.

2. Необходимо учесть и профессионально-этическую характеристику поведения Маркова после возникновения катастрофы: он находился на капитанском мостике до полного затопления судна, успел дать указания вахтенному помощнику спасти судовые документы и вахтенный журнал, дал команду членам экипажа и пассажирам покинуть судно и сам ушел под воду последним.

3. Будучи непричастен к самому возникновению катастрофы, В. Г. Марков оказался с сожалением в такой ситуации, при которой он практически не располагал сколько-нибудь эффективными средствами для предотвращения трагических последствий и спасения пассажиров и судна.

Таким образом большое число человеческих жертв также явилось не результатом преступной халатности, нерасторопности или бездействия Маркова а в значительной мере результатом полнейшей неожиданности катастрофы, неблагоприятного стечения обстоятельств и технического состояния судна, не приспособленного к столь сильному удару со стороны сухогруза водоизмещением в 40 000 тонн и не имевшему необходимых приспособлений для предотвращения столь быстрого затопления (см. Частное определение Верховного суда СССР в адрес Министерства морского флота о недопустимости выдачи документов Регистра пароходу «Адмирал Нахимов»)

4. Серьезное значение при решении вопроса о причинах аварии и возможном предотвращении ее последствий имеет надлежащая оценка действий и поведения вахтенного помощника капитана — Чудновского, несшего в это время капитанскую вахту. Чудновский, как известно погиб в этой катастрофе, уголовное дело в отношении него было, разумеется, прекращено, однако сформулированные в постановлении следствия его ошибки и упущения явились причиной аварии и ее тяжких последствий: «не вел, будучи на вахте, надлежащего наблюдения за сухогрузом «П. Васев» с целью избежать опасного сближения», «не менял своего курса», не обратил своевременно внимания судоводителя сухогруза на непонятность его действий путем подачи звуковых и световых сигналов», «не предпринял своевременных и решительных действий для избежания столкновения», «не доложил об этом капитану»

Все ошибки и упущения вахтенного помощника капитана, несшего в то время вахтенную службу и находившегося на капитанском мостике, не могут и не должны быть автоматически перенесены на Маркова, который после прохода акватории порта и взаимного согласования варианта расхождения пересекающихся судов передал ночную вахту своему вахтенному помощнику.

5. Вне зависимости от степени виновности и причастности к возникновению катастрофы и ее последствиям для правосудия чрезвычайно важно в данном случае нравственное отношение лица, так или иначе причастного к трагическим событиям. Нет никаких сомнений в искренности заявления Маркова на судебном процессе: «Я жалею, что не погиб вместе с судном, я понимаю, что всегда буду в неоплатном долгу перед людьми, доверившими мне свою жизнь».

Таким образом основные аспекты жалобы на строгость приговора в отношении В. Г. Маркова адвоката И. М. Кисенишского, Жалоба адресо-

вана Председателю Верховного суда СССР Е. А. Смоленцеву. С ее выводами я не совсем согласен. Да, Марков действовал в условиях «экстремальных», и, как утверждает адвокат, у него не было никаких реальных эффективных средств, которые можно было использовать для спасения людей своего судна, но ведь оказался он чуть прозорливее, не уйдя с мостика, этих «экстремальных» условий не было бы!

Итак, давайте порассуждаем спокойно:

1. Предположим, что В. Г. Марков находился на мостике. Но даже в этом случае мы не могли бы предугадать, как произошло бы расхождение судов, потому что маневры и действия капитана сухогруза В. Ткаченко были логически непредсказуемы, не согласовывались они и с правилами судовождения. Это тоже факт.

2. Спустить на воду шлюпки за короткий отрезок времени (2—4 минуты) на кренящемся корабле в условиях мрака (судно было обесточено) невозможно. Об этом тоже есть показания свидетелей и мнение экспертов.

3. Никто не задался вопросом: а чем бы помог сигнал «Общесудовой» или «Шлюпочной» тревоги экипажу и пассажирам, данный сразу же после столкновения в первые секунды? Судно обесточилось через минуту, крен возник на третьей минуте, еще через три минуты корабль ушел на дно. Разве подача тревоги гарантировала спасение людей сама по себе?

4. Адвокат указал уже на то обстоятельство, что ошибки штурмана Чудновского были автоматически приписаны В. Г. Маркову. Уже говорилось, что наблюдать за сближением кораблей, брать пеленг, оповещать сигналами «Петра Васева» обязан был Чудновский, как несущий капитанскую вахту в ночное время. Он этого не сделал. И не сделал другого: не доложил В. Г. Маркову о странном упрямстве сухогруза, идущего прямо им в правый борт. Какие же действия мог предпринимать капитан, не информированный о складывающейся обстановке своим вахтенным помощником? Обязан был сам запросить обстановку у вахтенного помощника.

Но... виновен, на мой взгляд, В. Г. Марков гораздо меньше В. Ткаченко. Тем более что государственный обвинитель не считал Маркова главным виновником катастрофы и просил суд определить ему наказание меньше, чем Ткаченко: 13 лет лишения свободы. Суд вправе не соглашаться с обвинителем. Но... и мы вправе иметь свое мнение. Ибо закон не терпит абстрактных виновников, по словам следователя Б. Уварова. И здесь он совершенно прав. Но разве не прав адвокат, считающий, что конкретная вина В. Г. Маркова никак не соответствует его наказанию?

От катастроф не застрахован никто и нигде. Важно тщательно устанавливать и устранять их причины. А это можно сделать только при одном условии — четко определять вину каждого конкретного виновника катастрофы.

В заключение прошу Верховный суд СССР вернуться вновь к этому уголовному делу и найти возможность снизить наказание бывшему капитану Маркову, чтобы оно соответствовало его конкретной, индивидуальной вине.

...А бывшему капитану В. Г. Маркову осталось провести за колючей проволокой еще долгих двенадцать с половиной лет!

А если учесть возраст Маркова — 60 лет, он практически осужден к пожизненному заключению...

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

ЦЕНА ЦИВИЛИЗОВАННОГО ОБЩЕСТВА

На фасаде здания одного из центральных налоговых учреждений США в Вашингтоне высечены слова, в русском переводе означающие, что налоги — цена цивилизованного общества. Может быть, эту формулу и нельзя признать аксиомой, но лаконично, почти афористически выраженная в ней прямая связь оптимальных налоговых систем с общественным прогрессом, экономической и социальной сбалансированностью в обществе в самом деле представляется истиной, не требующей доказательств.

Налоги всегда являлись необходимым компонентом становления и развития различных общественных систем.

И все-таки налоги — вещь непопулярная.

Для большинства людей сущность налогов раскрывается через их наиболее видимую, фискальную сторону. Ведь налог как обязательный платеж в государственную казну принудительно «срезает» часть заработанного, законно полученного дохода. Именно поэтому из нашего понимания налоговых систем часто ускользает их перераспределительная, регулирующая функция.

Если с этой точки зрения рассматривать принятый 23 апреля 1990 года Верховным Советом СССР Закон «О подоходном налоге с граждан СССР, иностранных граждан и лиц без гражданства», то, думается, даже самые ярые его критики не смогут отрицать того факта, что Закон — серьезный шаг вперед на пути совершенствования всей налоговой системы.

Именно такой вывод позволяет сделать объективный анализ основных положений Закона.

Первое, что хотелось бы отметить, — это повышение не облагаемого налогом уровня заработной платы и других приравненных к ней доходов (доходы, получаемые за работу в кооперативных, в совместных предприятиях, суммы денежного довольствия кадровых военнослужащих, вознаграждение адвокатов и др.) с 70 до 100 рублей в месяц и сокращение размера налога с граждан, получающих заработную плату до 150 рублей в месяц. Например, если до издания Закона гражданин с заработка 100 рублей в месяц уплачивал 8 рублей 20 копеек налога, то с 1 июля 1990 года он с этой суммы заработка вообще налог не платит. С заработной платы в 101 рубль налог составляет всего 29 копеек, со 102 рублей — 58 копеек и так далее до уровня зарплаты 150 рублей в месяц. Вот с этой суммы уже нужно уплатить налог в размере 14 рублей 70 копеек.

Данные льготы касаются и доходов от индивидуальной трудовой деятельности и авторских вознаграждений, если у лиц, их получающих, отсутствуют другие стабильные источники доходов (место основной работы) и годовой доход от указанных видов деятельности не превышает 1800 рублей в год — для авторов (150 рублей $\times$ 12 месяцев) и 3000 рублей — для индивидуалов.

Существенно расширены виды доходов, которые не облагаются налогом. Теперь не взыскивается налог с пособий по беременности и родам, с пособий и других видов помощи, оказываемой из средств благотворительных фондов, с сумм помощи, оказываемой на основании решения Правительства СССР и правительств союзных и автономных республик, и некоторых других видов материальной помощи. Суммы, выплачиваемые предприятиями и организациями своим бывшим работникам в виде дополнительных пенсий или в иной форме, исключаются из налогообложения, если их размер не превышает 500 рублей в год. Не облагаются налогом суммы стоимости подарков (вещевых премий), получаемых от предприятий, учреждений, организаций, если их размер не превышает 200 рублей в год.

В Законе предусмотрен более широкий перечень граждан, которым предоставляются льготы по налогу. Основными критериями здесь явились социальное положение граждан, их заслуги перед страной, обществом. Так льготы в виде полного или частичного освобождения от уплаты налога предоставляются почти всем категориям инвалидов, гражданам, имеющим на иждивении трех и более человек, одиноким матерям, вдовам, вдовцам, имеющим двух и более детей в возрасте до 16 лет и не получающих пенсию по случаю потери кормильца и т. д.

Наряду с лицами, которым и ранее за заслуги перед обществом предоставлялись льготы, такое право с 1 июля 1990 года получили воины-«афганцы», граждане, работавшие в Ленинграде в период его блокады. Из «профессиональных» льгот сохранены льготы членам артелей старателей (по доходам, получаемым за добычу золота), членам колхозов. Также введены льготы членам крестьянских хозяйств. Они в течение первых двух лет, начиная с года образования хозяйства, полностью освобождаются от уплаты налога по доходам, получаемым от этого хозяйства.

Закон ввел прогрессивное налогообложение практически для всех категорий плательщиков.

Прогрессивное налогообложение и ранее применялось в отношении отдельных видов доходов (например, для доходов от индивидуальной трудовой деятельности), но широкого распространения не имело. Да и сегодня, если при оценке этого нововведения исходить из сложившегося к настоящему времени уровня оплаты труда в СССР, можно сказать, что у нас сохранилась пропорциональная система налогообложения (13% с заработка, превышающего 100 рублей). Дело в том, что прогрессивные ставки налога введены для обложения заработной платы и приравненных к ней доходов, превышающих 700 рублей в месяц (для авторских вознаграждений в их годовом совокупном исчислении — 8400 рублей). Доходы же выше указанных пределов получает в СССР приблизительно 1,2 процента работающих. Но по мере роста личных доходов граждан, что особенно вероятно с переходом к рыночной экономике, новая шкала ставок будет работать.

Так, при заработной плате 900 рублей в месяц взимается налог в сумме 116 руб. 20 коп., то есть возрастет на 4 рубля, так как часть

заработка от 701 до 900 рублей облагается налогом по ставке 15 процентов (30 рублей вместо 26, как это было ранее при ставке 13 процентов). Далее прогрессия нарастает. С части заработка от 901 до 1100, с 1101 до 1300, с 1301 до 1500, с 1501 до 3000 рублей применяются ставки 20, 30, 40 и 50 процентов.

Шкала ставок налога построена таким образом, что сумма налога даже при очень высокой, почти фантастической заработной плате не может превысить 50 процентов от месячного заработка. Простые расчеты показывают, что лишь при заработке свыше 7000 рублей в месяц сумма налога приближается к пятидесятипроцентной отметке.

Многие нормы Закона свидетельствуют о последовательном проведении в нем принципа социальной справедливости. О некоторых было сказано при характеристике предоставляемых льгот. В дополнение к этому укажем на статью 10 Закона, в соответствии с которой надбавки к заработной плате в районах Крайнего Севера и других районах с тяжелыми климатическими условиями облагаются отдельно от остального заработка по ставке 13 процентов к их сумме. Распределяется по месяцам (статья 11 Закона) заработная плата, получаемая при окончательном расчете по итогам сезона или иного длительного периода, когда в течение этого периода или сезона выплата месячного заработка не производилась или производилась не полностью.

Например, если работник по окончании работы, длившейся 6 месяцев, получил одновременно за ее выполнение заработную плату в сумме 1500 рублей, а ежемесячно в течение указанного периода получал лишь аванс в размере 150 рублей, то расчет облагаемой налогом ежемесячной суммы заработной платы будет выглядеть следующим образом: 1500 рублей : 6 месяцев + 150 рублей = 400 рублей. Ежемесячная сумма налога составит 47 руб. 20 коп., а за 6 месяцев — 283 руб. 20 коп. В случае же, если бы заработная плата, выплаченная по итогам работы за полугодие (в нашем примере 1500 рублей) не распределялась по месяцам, то сумма налога составила бы 384 руб. 40 коп. (296 руб. 20 коп. с заработка 1500 + + 88 руб. 20 коп. — сумма налога с заработка 150 руб. в течение 6 месяцев), то есть увеличилась бы более чем на 100 рублей.

Указанные нормы направлены на сохранение за работниками сложившегося уровня оплаты труда, ибо совокупное обложение всего заработка потребовало бы применения более высоких ставок налога, что привело бы к резкому, социально необоснованному снижению реального заработка у большинства рабочих и служащих, проживающих и работающих в названных районах либо имеющих особые условия оплаты труда.

Существенные изменения произошли в налогообложении работников от работы по совместительству. Как известно, ранее такие заработки облагались совокупно с основной зарплатой, только когда они выплачивались по основному месту работы. Теперь совокупное обложение их с основной зарплатой производится во всех случаях.

В Закон (статья 13) введена важная норма, запрещающая уплату налога за счет средств предприятий, учреждений и организаций. Уплата налога — это личная обязанность гражданина перед государством, и уклонение от ее выполнения должно влечь применение установленной законом ответственности.

Много нового внесено и в порядок налогообложения сумм авторских вознаграждений за создание, издание, исполнение или иное ис-

пользование произведений науки, литературы и искусства, а также вознаграждений авторов открытий, изобретений и промышленных образцов. Хотя, как и ранее, окончательный расчет сумм налога производится по общей годовой сумме этих вознаграждений, а ставки налога (применительно к годовой сумме налога) соответствуют ставкам налога для заработков рабочих и служащих, они используются в тех случаях, когда все виды вознаграждений выплачиваются по установленным ставкам.

Если же вознаграждение выплачивается по произвольно установленным нормам или определяется абсолютной суммой, не основанной на действующих ставках гонорара (вознаграждения), то налогообложение осуществляется в размерах и порядке, предусмотренных Законом для взыскания налогов с доходов от индивидуальной трудовой деятельности.

Например, если автор заключил договор на издание романа объемом 50 авторских листов по ставке авторского вознаграждения 500 рублей за авторский лист, предусмотренной постановлением Совета Министров СССР от 12 июля 1988 года № 825, то налог будет удержан по налоговым ставкам, установленным статьей 17 Закона, для обложения авторских вознаграждений. При гонораре в 25 000 рублей сумма налога составит 7054 руб. 40 коп. (3554 руб. 40 коп. с дохода 18 000 рублей + 50 процентов с суммы, превышающей 18 000 рублей).

Если же тот же роман будет издан, например, в издательском кооперативе по договорной цене 50 000 рублей, то есть с превышением ставок гонорара в два раза, то налог будет удержан по налоговым ставкам, установленным статьей 20 Закона (1332 руб. 40 коп. + 60 процентов с суммы, превышающей 6000 рублей) в сумме 27 732 руб. 40 коп.

По ставкам, введенным для налогообложения авторского гонорара (статья 17 Закона), налог взимается с доходов от реализации произведений живописи, скульптуры, графики, других видов искусства и изделий декоративно-прикладного искусства при условии, если они продаются музеям, организациям Художественного фонда, а также через выставки-продажи, специально учреждаемые предприятиями, учреждениями и организациями, а доходы выплачиваются организациями и дирекциями выставок. В иных случаях, например, при самостоятельной реализации картин в местах их массовой продажи, налог взимается по ставкам, установленным для доходов, получаемых от индивидуальной трудовой деятельности.

Чтобы избежать применения высоких ставок налога для доходов, полученных за создание (издание) произведений крупных форм, авторское вознаграждение делится на число лет действия договора, послужившего юридическим основанием создания произведения. Если договор не был заключен, то в случае, когда гонорар за создание (первое издание произведения) превышает 8400 рублей (то есть годовой суммы, с которой начинается прогрессия ставок налога), сумма гонорара распределяется по заявлению автора произведения на три года. Аналогичный порядок применяется к суммам вознаграждения, полученным авторами открытий, изобретений и промышленных образцов в течение первого года их использования.

Для исчисления общей годовой суммы вознаграждений, полученных плательщиками налога, все предприятия, учреждения и организации ежегодно, не позднее 1 февраля, обязаны сообщать налоговым органам по месту своего нахождения адреса постоянного места жи-

тельства авторов, а также письменные сведения о всех выплаченных им вознаграждениях и об удержанных суммах налога. В дальнейшем эти сведения сосредоточиваются в налоговом органе по месту жительства автора для контроля и полного учета выплаченных сумм. Здесь также реализуется положение о совокупном налогообложении. Следует иметь в виду, что такое обложение установлено отдельно для каждого вида доходов: авторских вознаграждений, доходов от индивидуальной трудовой деятельности, заработной платы и т. д. Таким образом, не могут суммироваться, например, авторские вознаграждения с доходами от индивидуальной трудовой деятельности или последние с заработной платой. Каждый вид дохода, для обложения которого установлены «свои» ставки, облагается отдельно в годовом или помесечном исчислении.

Значительно расширена сфера применения норм, касающихся налогообложения доходов от индивидуальной трудовой деятельности. Ранее эти нормы применялись лишь к тем ее видам, на которые распространялось действие Закона об индивидуальной трудовой деятельности (кустарно-ремесленные промыслы, бытовое обслуживание населения и т. п.). С 1 июля 1990 года ставки и порядок налогообложения, предусмотренные главой V Закона, будут применяться ко всем видам индивидуальной трудовой деятельности, под которой понимается всякая деятельность граждан по производству продукции, выполнению работ и оказанию услуг, если она не связана с трудовыми отношениями или отношениями членства, являющимися правовым основанием для извлечения доходов.

Наряду с традиционным пониманием индивидуальной трудовой деятельности Закон относит к ней и **работу в трудовых хозяйствах**. Налогообложение лиц, совместно ведущих трудовое хозяйство, производится раздельно по доходу каждого из них, причем распределение совместно полученного дохода осуществляется по соглашению сторон.

Не считается индивидуальной трудовой деятельностью (для целей налогообложения) выполнение разовых работ для предприятий, учреждений и организаций гражданами, не состоящими в их штате, а также другие работы, осуществляемые на основе договора подряда, если они не носят систематического характера. Доходы от выполнения таких работ облагаются по специально установленным ставкам (глава III Закона).

Ставки налога с доходов от индивидуальной трудовой деятельности не изменились. По-прежнему при годовом доходе до 3000 рублей в год (в среднем 250 рублей в месяц) размеры ставок не превышают ставок, установленных для налогообложения рабочих и служащих, но по мере роста дохода ставки налога более жестки.

Следует вместе с тем иметь в виду, что налогообложение лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, производится исходя из чистого дохода, то есть после исключения из валового дохода всех документально подтвержденных расходов, связанных с его получением. В Законе названы виды этих расходов (материальные затраты, амортизация, арендная плата, отчисления на социальное страхование, проценты по краткосрочным ссудам банка и т. п.).

Налогообложение крестьянских хозяйств, то есть группы лиц, занимающихся на основе общей совместной собственности граждан сельскохозяйственным производством, осуществляется по ставкам,

установленным для рабочих и служащих, то есть им предоставлен наиболее льготный режим обложения.

В главе VIII Закона изложены особенности налогообложения иностранных граждан и лиц без гражданства. Эти особенности касаются и порядка определения облагаемого дохода, и порядка декларирования дохода, соблюдения принципа взаимности при налогообложении иностранных граждан и т. д. В основном же этим категориям граждан, если они имеют постоянное местожительство в СССР, предоставляются равные с советскими гражданами условия налогообложения. Необходимо отметить, что впервые для целей налогообложения Законом установлен принцип резидентства, означающий, что любой гражданин, находящийся в СССР более 183 дней в календарном году, рассматривается как лицо с постоянным местожительством в СССР. Это правило относится как к иностранцам, так и к советским гражданам. Лица, не имеющие постоянного местожительства в СССР, облагаются налогом только по тем доходам, которые получены из источников в СССР (например, в СССР издана работа иностранного автора. По полученному гонорару он уплатит налог в размере 20 процентов). Лица, имеющие постоянное местожительство в СССР, облагаются налогом по всем получаемым ими доходам, в том числе и за границей.

Закон сохранил (с более детальной регламентацией) порядок декларирования доходов практически всеми категориями плательщиков, кроме рабочих и служащих и приравненных к ним категорий плательщиков (кооператоров, военнослужащих, студентов, адвокатов, лиц, работающих на совместных предприятиях, и др.).

В целях обеспечения выполнения Закона установлена ответственность плательщиков за его нарушение в виде административных штрафов, налагаемых налоговыми органами, а также в виде взимания сумм сокрытого (заниженного) дохода и наложения штрафа в размере этого сокрытого (заниженного) дохода, а при повторном нарушении — штрафа в удвоенном размере. Все санкции применяются налоговыми органами самостоятельно.

Неуплаченные в срок налоги и суммы сокрытого дохода (штрафы за сокрытие) взыскиваются в судебном порядке. Ответственность за правильное и своевременное удержание налогов несут и предприятия, учреждения, организации, а также их должностные лица. Усилена также ответственность налоговых органов за незаконные, неправомерные действия. Введен судебный порядок обжалования действий должностных лиц этих органов, если решение, принятое по жалобе налоговым органом, не удовлетворило гражданина.

В случае причинения при взыскании налогов имущественного ущерба гражданам неправомерными действиями налоговых органов этот ущерб подлежит возмещению из средств соответствующих бюджетов. Излишне взысканные суммы налога подлежат возврату.

В. СЛОМ,
начальник юридического отдела
Министерства финансов СССР

В серии «Проблемы, дискуссии, предложения» издательство «Юридическая литература» выпустило книгу Б. П. Курашвили «Страна на распутье».

Она посвящена широко обсуждаемым ныне проблемам дальнейшего углубления процессов перестройки в стране. Автор размышляет о том, по какому пути — неосоциалистическому или неокapиTaлиCTичеCкому — движется наше общество; какова гипотеза возможных в этот период политических курсов и режимов; как далеко во внутренней политике можно сдвигаться «вправо»; будет ли в стране демократия в том понимании, о котором говорит мировое сообщество; почему тормозятся процессы развития федерации; что такое «разделение властей»; нужна ли нам многопартийность и т. д.

Нетрадиционность авторских оценок неожиданность предложений (до недавнего времени неприемлемых) привлечет внимание широкого круга читателей.

• • •

«Туризм в СССР» — так называется новый сборник, подготовленный издательством. Его цель — собрать и довести до читателя нормативные акты, касающиеся организации туризма и экскурсий в СССР. Подобная публикация осуществляется впервые и знаменует собой выход данной сферы правового регулирования из-под грифа «для служебного пользования». Сборник содержит акты регламентирующие внутренний (национальный) туризм наиболее массовый в распространении причем как организованный туризм, так и самостоятельный. В последнем случае основное внимание уделено обеспечению безопасности туристов.

Прочитав сборник, вы узнаете о порядке заключения договоров и туристско-экскурсионное обслуживание, о деятельности туристских организаций и предоставлении комплекса туристского обслуживания (услуг размещения, общественного питания, экскурсионных, транспортных).

Руководит туризмом и экскурсиями ВЦСПС, поэтому, помимо законов указов и постановлений правительства, в него вошли нормативные акты ВЦСПС и Центрального совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС.

С. СИДОРОВ

ЖЕНЩИНА ЗА РУЛЕМ...

Из двух ровесников одной профессии женщина лучше справляется с потоком информации, показывает себя менее многословной и суетливой, чем мужчина. На основании наблюдений и фактов справедливо делается вывод о большей по сравнению с мужчинами надежности женщины за рулем. Женщинам свойственна высокая подчиняемость сигналам светофора. Кроме того, современная женщина более, чем мужчина, рассудительна и практична, менее эмоциональна во время управления автомобилем и главное — менее подвластна искушениям «зеленого змия». И наконец, статистика утверждает, что женщина-пешеход гораздо осторожнее и дисциплинированнее мужчины-пешехода. Все, как видите, за женщину как наиболее безопасного участника дорожного движения.

«Ну, куда хватили! — поморщатся скептики (мужчины, разумеется) — Вот вы тут расхваливаете женщин, а забываете, что первой жертвой автомобиля была как раз женщина! Где же хваленая женская осторожность? Ну что ж, было такое 17 августа 1896 года миссис Бриджит Дрисколл, переходя улицу Дельфин-терас в Лондоне, первой в мире угодила под колеса автомобиля, «несмотря на то, что энергично сигнализировала водителю зонтиком», как было сказано в полицейском протоколе. Но не будем тревожить память почтенной миссис и упрекать ее в проступке, умаляющим женский престиж, ведь это было так давно!..»

Сегодня на планете более 350 миллионов автомобилей и едва ли не каждым четвертым из них управляют женщины. В нашей стране только на автомобильном транспорте трудятся более 40 тысяч женщин. Женщина прочно заняла место за рулем и вряд ли когда-нибудь откажется от него. Но верно ли, что женщины совершают меньше аварий, чем мужчины?

В трамвайно-троллейбусных управлениях свыше 60 процентов водителей составляют женщины. Нельзя не учитывать, что трамваи и троллейбусы движутся в пределах города, причем большого города, а труд водителя в большом городе имеет свои особенности, сложности. В то же время, например, в Минском производственном объединении грузового транспорта из 7 тысяч водителей лишь 85, то есть полтора процента, женщин. Иными словами, наблюдается что-то вроде профессиональной специализации женщин-водителей — отсюда их ограниченное число за рулем государственного транспорта. Какова позиция статистики на этот счет?

Прежде всего те аварии виновницами которых выступают женщины, всегда менее серьезны и не влекут за собой тяжких последствий. Всесторонний анализ называет две основные причины дорожно-транспортных происшествий, более часто случающихся по вине женщин. Во-первых, водители-женщины чаще всего ездят в городах (это касается и владельцев индивидуальных машин), а в городе аварии более часты. Во-вторых, водители-женщины ездят намного меньше, чем водители-мужчины. Следовательно, они более длительное время остаются новичками, менее опытными, поэтому поведение их часто бывает неожиданным. Причем это не какие-то частные выводы, характерные для отдельного города, области, даже страны. Соответствующие исследования проводились в большинстве

«автомобильных» стран — результаты одинаковы: мужчинам есть чему поучиться у женщин, хотя кое-кто и пытается доказать обратное.

Конечно, женщинам труднее, чем мужчинам, работать за рулем: ведь современный автомобиль спроектирован на «среднего» мужчину. Совсем не просто приспособиться женщине к рабочему месту водителя, к управлению педалями и рычагами. Проблема «женского» автомобиля встала уже в полный рост, хотя дело в этом направлении, если не считать использования некоторых декоративных украшений в салоне, заметно не продвинулось. До сих пор автомашины в том числе и легковые снабжаются заводами-изготовителями тяжелыми домкратами и шинными насосами. Поэтому неудивительно опасение многих женщин-водителей: справятся ли они самостоятельно с поломкой в пути? Неписанным законом должно стать внимание мужчин-водителей, готовность всегда прийти на помощь своей коллеге, если она «голосует» на обочине.

Г. КРУГЛОВ

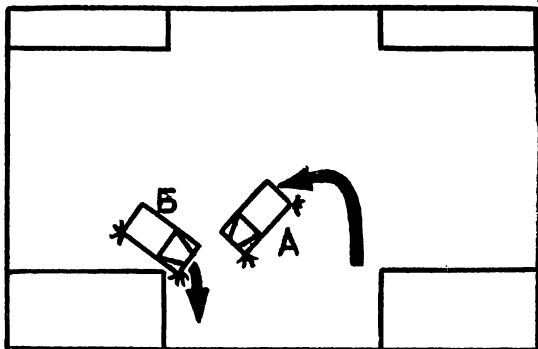
ПРОВЕРЬТЕ ВАШИ ЗНАНИЯ

Какое административное взыскание может быть наложено за:

- 1) непрохождение техосмотра?
- 2) несвоевременную регистрацию в установленном порядке транспортного средства?
- 3) нарушение правил пользования ремнями безопасности или мотошлемами?
- 4) превышение установленной скорости движения?
- 5) проезд на запрещающий сигнал светофора или жест регулировщика?

Ответы см. на стр. 83.

КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ?

1. Разрешается ли движение во второй полосе грузовому автомобилю полной массой более 3,5 тонны, если по первой полосе движутся легковые автомобили?

2. Кто из водителей виновен в совершении дорожно-транспортного происшествия? (см. рис.)

Ответы см. на стр. 83.

ЮРИНЕСКИ

«НАХОДЧИВЫЙ ВОДИТЕЛЬ»

Еще один счетчик установил у себя в машине таксист Е. Галаганов. Если первый показывает пассажиру стоимость проезда, то второй демонстрирует размер чаевых.

«БЫТОВОЙ ПРОГНОЗ»

Мыло в г. Монтекарловске появилось тогда, когда одной ответственной руке в этом городе нечем будет мыть другую ответственную руку.

С. ВЛАСОВ

АЗБУКА ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

ГРУЗЫ. Правилам перевозки грузов посвящен в ПДД специальный раздел — 23. Однако ряд необходимых требований содержится в некоторых пунктах других разделов. Например, о крупногабаритных и тяжеловесных грузах упоминается в п. 8.8 (требование включать при движении в светлое время суток ближний свет фар в качестве предупредительного сигнала), а также в п. 27.4 (обязательность согласования с ГАИ маршрутов перевозок). Каким образом обозначать негабаритные и опасные грузы рассказывают соответственно п. 26.14 и 26.15.

Порядок перевозки грузов через железнодорожные переезды регламентирует п. 16.8.

Правила не забывают и о водителях велосипедов и мопедов. Если они захотят перевозить что-то на своих двухколесных машинах, то должны предварительно заглянуть в п. 24.7 ПДД.

Но вернемся к основному разделу, посвященному безопасности движения груженых автомашин. Всем понятно, что неправильно размещенный в кузове или на крыше, не закрепленный как следует груз может стать причиной несчастия в пути. А вот п. 23.2 не так бросается в глаза автомобилистам. Хотя речь в нем идет о не менее важных требованиях — экологических. Рекомендацией соблюдать их мы и заканчиваем эту небольшую статью нашего словаря.

ГРУНТОВАЯ ДОРОГА. И тот, кто постоянно ездит по дорогам этой категории, и случайно выехавший на грунтовую дорогу водитель должны помнить, что по сравнению с дорогами, имеющими твердое покрытие, грунтовые дороги во всех случаях относятся к второстепенным. Небольшой участок асфальта или другого искусственного покрытия грунтовой дороги у ее пересечения с главной не повышает категорию грунтовой дороги с точки зрения преимуществ движения водителя, следующего по ней (раздел 2 ПДД).

ГРУППЫ. Групповое движение по дорогам всегда опаснее, чем одиночное. Это соображение, например, стало поводом для запрещения городскими властями групповой езды мотоциклистов в Москве. В ПДД определяются нормы безопасности для тех, кто находится в движущейся по проезжей части (обочине) группе либо руководит ею. О них можно прочитать в п.п. 5.2 (движение пешеходов), 16.9 и 24.5 (движение гужевых обозов и перегон животных, в том числе через железнодорожные переезды), 24.5 (движение велосипедистов).

ГРЯЗЕЗАЩИТНЫЕ ФАРТУКИ. В Приложении № 3 к ПДД перечислены условия, при которых запрещается эксплуатация транспортных средств. Одно из них — отсутствие предусмотренных конструкцией автомобиля грязезащитных фартуков и брызговиков (п. 7.6 Приложения № 3 ПДД). Поэтому водителям, заметившим неопрятный автомобиль, обдающий тех, кто едет за ним, комьями грязи или брызгами из луж, нужно записать его номер и сообщить в ГАИ.

ГУЖЕВЫЕ ПОВОЗКИ (САНИ). Кто знает, может быть, эти экологически чистые транспортные средства когда-нибудь снова «войдут в моду» и появятся на дорогах. О дополнительных требо-

ваниях к их движению рассказывает раздел 24 ПДД. Через железнодорожные переезды их «переводит» п. 16.9. Но пока чаще можно встретить дорожный знак, запрещающий движение этого безмоторного транспорта. В ПДД он указан под индексом 3.8.

ДАЛЬНИЙ СВЕТ ФАР. Первое, о чем сообщают ПДД водителю, — это об ограничении использования дальнего света в качестве предупредительного сигнала. Действительно, сигнал не должен оказывать автомобилисту медвежью услугу, ослепляя того, кому он подав (п. 8.7).

О предупреждении ослепления встречных, а также попутных водителей с помощью переключения дальнего света фар на ближний не менее чем за 150 метров говорится в п. 19.2. Остальные правила пользования дальним светом излагаются в п. 19.1, 19.2 специального раздела посвященного осветительным приборам.

ДВЕРИ. В ПДД упоминаются дважды: в п. 13.6, требующем от водителя соблюдения предосторожностей при их открывании (может наехать другое транспортное средство), и в п. 7.4 Приложения № 3, заставляющем водителя заботиться об исправности дверного замка.

ДВИГАТЕЛЬ. Отдельные эксплуатационные требования к двигателям изложены в разделе 6 Приложения № 3 к ПДД. Среди них автомобилист найдет и экологическое, ограничивающее выброс вредных веществ в отработавших газах.

ДЕЖУРНЫЕ. На железнодорожных переездах, паромных переправах и в других местах им разрешается регулировать дорожное движение. Их полномочия регламентируются и подтверждаются п. 1.4. С сигналами, запрещающими движение, водитель может познакомиться, прочитав п. 16.2.

ДЕТИ. Дорожный знак, предупреждающий о появлении на проезжей части малолетних пешеходов, описан в ПДД под индексом 1.21. Но это далеко не все, что говорят о детях дорожные правила. Для удобства станем перелистывать их с самого начала. П. 3.3 — разрешение не пристегивать ремнями безопасности детей, не достигших 12-летнего возраста. П. 5.2 — правила и ограничения при вождении детей группами по дороге. П. 8.8 — требование включать ближний свет фар в светлое время суток при перевозках групп детей (той же теме посвящен еще ряд пунктов: 22.4, 26.8, см. также раздел 22). П. 15.7 — требование уступать дорогу детям, переходящим проезжую часть в месте остановки транспортного средства, имеющего опознавательный знак перевозки групп детей. П. 22.7 — запрещение перевозки детей, не достигших 12 лет, на переднем сиденье легкового автомобиля и на заднем сиденье мотоцикла. П. 24.7 — разрешение перевозить ребенка в возрасте до 7 лет на специально оборудованном велосипеде, мопеде.

В. ЕРЕМЕЕВ,
майор милиции

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

Задача 1

Золотова в течение 12 лет работала комендантом общежития завода. В связи с тем, что она занимала эту должность, ее семье была предоставлена двухкомнатная служебная квартира. После развода с мужем Золотова решила разменять квартиру, подобрала вариант, который устраивал и ее, и ее бывшего мужа.

Однако в исполкоме оформлять обмен отказались, сославшись на то, что квартира служебная. Золотова же считает, что она уже отработала установленный 10-летний срок, по истечении которого предоставленная жилплощадь перестает быть служебной.

Решите спор.

Задача 2

Семья Шилова в течение 5 лет стояла на заводе на очереди на получение квартиры. В результате несчастного случая Шилов погиб. Администрация и профсоюзный комитет сняли его семью с учета нуждающихся в улучшении жилищных условий. Свое решение они мотивировали тем, что никто из членов семьи на заводе не работает и, следовательно, они должны обеспечиваться жильем исполкомом по месту жительства.

Законно ли это решение?

Задача 3

В связи с работой в РСУ Якубову предоставили место в общежитии. Через три года работы он был уволен по сокращению штатов. Администрация РСУ потребовала, чтобы он освободил место в общежитии. Якубов отказался, так как другой жилплощади не имеет. Администрация обратилась в суд с иском о выселении.

Правомерно ли требование администрации?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «ПРОВЕРЬТЕ ВАШИ ЗНАНИЯ»

Первые три вопроса требуют одинакового ответа: предупреждение или штраф в 5 рублей (согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1989 года «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты СССР об ответственности за нарушение правил дорожного движения»).

Одинаков ответ на четвертый и пятый вопросы: предупреждение или штраф в 10 рублей (тот же Указ).

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «КАК ВЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ?»

1. Разрешается (пункт 10.4 ПДД).
2. Водитель автомобиля А (пункт 14.11. ПДД).

Х ХОДАТАЙСТВО

Наконец-то дождавшись своей очереди, Татьяна Емельяновна Ключева вошла в кабинет народного судьи Крымова.

— Игорь Михайлович, я на днях подала в суд заявление с просьбой признать и ответственности соседку по квартире за нанесенное мне оскорбление. У меня есть свидетели, которые могут подтвердить этот факт. Можно ли вызвать их в суд и допросить?

— Безусловно, — ответил судья, — ваша просьба будет удовлетворена. Сообщите пожалуйста фамилии имена и отчества, место жительства ваших свидетелей, а также какие обстоятельства они могут подтвердить. Указанные вами свидетели обязательно будут приглашены на судебное заседание.

Мы привели типичный случай ходатайства — важного права, которое предоставляется участникам уголовного и гражданского процесса для обеспечения их процессуальных интересов.

Ходатайство — это просьба о выполнении каких-либо процессуальных действий или о принятии какого-либо решения, с которой обращаются в следственные органы, прокуратуру или суд участники процесса, наделенные таким правом.

Кто может заявлять ходатайства?

В уголовном процессе — это обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, а также их представители, защитник, общественный обвинитель, общественный защитник, эксперт.

В гражданском процессе — это стороны, то есть истец и ответчик, третьи лица, представители этих участников процесса, прокурор, а также органы государственного управления, профсоюзы, государственные учреждения, предприятия, колхозы и иные кооперативные и общественные организации или отдельные граждане, обратившиеся в суд за защитой прав и охраняемых законом интересов других лиц.

Согласно закону участники процесса свои ходатайства должны направлять в тот орган или тому должностному лицу, которое рассматривает уголовное или гражданское дело. Это суд или судья, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание. Указанные должностные лица обязаны разъяснить участникам процесса их право на заявление ходатайства и также принять меры по реализации данного права. Они же решают вопрос, удовлетворить ходатайство или отказать в его удовлетворении.

Однако ввиду того что ходатайство является одним из способов обеспечения прав и интересов участников процесса, закон обязывает лицо, производящее дознание, следователя, прокурора суд удовлетворять те ходатайства, которые имеют значение по делу.

В уголовном процессе имеющими значение являются такие обстоятельства, которые касаются события преступления, виновности или невиновности лица, подозреваемого в его совершении. Ходатайства могут касаться обстоятельств, которые уличают обвиняемого (подозреваемого) или, наоборот, оправдывают его, отягчают

или смягчают его ответственность. Перед следственными органами и судом можно ставить вопросы по установлению характера и размера причиненного ущерба, по выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступления.

В частности, обвиняемый (в равно и подозреваемый) может ходатайствовать о производстве тех или иных следственных действий (проведении дополнительных допросов, очных ставок, экспертиз и т. д.), об истребовании и приобщении к делу документов (например, характеристики с места работы, справок, копий документов) и вещественных доказательств. Ходатайство может быть связано с просьбой об изменении или отмене меры пресечения, о снятии ареста на имущество об обеспечении сохранности имущества или жилища обвиняемого, если он заключен под стражу, и т. д.

Потерпевший также не ограничен в праве на заявление ходатайств. Он может просить о производстве дополнительных следственных действий, об истребовании документов, о приобщении вещественных доказательств, о принятии мер, обеспечивающих возмещение причиненного ему материального ущерба, и т. д.

Гражданский истец, как правило, ходатайствует по вопросам, относящимся к предъявленному иску (в части его размера, характера, обеспечения путем наложения ареста на имущество обвиняемого, гражданского ответчика и т. д.).

Ходатайства гражданского ответчика в основном направлены на оспаривание оснований и размера гражданского иска.

Участники гражданского процесса также наделены широкими правами по заявлению ходатайств. Они могут просить о вызове свидетелей, об истребовании письменных документов (актов, писем делового или личного характера, содержащих сведения, имеющие значение для дела), об истребовании вещественных доказательств.

Как видим, участники процесса могут ходатайствовать по различным вопросам связанным с разрешением дела в следственных органах или суде.

Ходатайства могут быть как устными, так и письменными. Устные ходатайства соответствующие должностные лица обязаны занести в протокол. Письменные ходатайства приобщаются к делу вместе с другими документами.

Законом установлено одно очень важное требование, которое предъявляется к ходатайству. Оно должно быть обоснованным и мотивированным. Согласно статье 276 УПК РСФСР (аналогичные статьи имеются в УПК других союзных республик) «лицо, заявившее ходатайство, обязано указать, для установления каких именно обстоятельств необходимы дополнительные доказательства». Если, например, возбуждается ходатайство о допросе свидетеля, о производстве обыска, о проведении экспертизы или совершении иных действий, следует указать, какие обстоятельства заявитель просит установить при этом.

Аналогичные требования к ходатайствам установлены гражданско-процессуальным законом. Так, при заявлении ходатайства о вызове свидетеля необходимо указать, какие имеющие значение для дела обстоятельства он может подтвердить (ст. 61 ГПК РСФСР и аналогичные статьи ГПК других союзных республик).

Требование закона обосновать и мотивировать ходатайство вполне справедливо, так как способствует установлению истины по делу, препятствует умышленному затягиванию решения дела по существу.

При удовлетворении ходатайства должностное лицо производит необходимые процессуальные действия или выносит соответствующее

щее решение. В случае полного или частичного отказа в удовлетворении ходатайства должно быть вынесено специальное постановление с указанием причин отказа. Постановление объявляется заявителю, который вправе его обжаловать. Отказ в удовлетворении ходатайства не лишает заявителя права заявить его в последующем в зависимости от хода разрешения дела.

Встречаются случаи, когда отдельные участники не активно используют свое право на заявление ходатайств. Между тем это право — важная гарантия защиты прав и охраняемых законом интересов граждан. Заявляемые участниками процесса ходатайства способствуют обеспечению всестороннего и полного разрешения дела.

В. БОБРОВ,
кандидат юридических наук

ХРАНЕНИЕ

Разморенная крымским солнцем возвращалась Марина в пансионат. Давно мечтала она о таком отдыхе. Все ей нравилось здесь: и теплое ласковое море, и стройные кипарисы, и розы на газонах, и соседка по комнате. Сегодня та после обеда уехала на экскурсию, а Марина решила отдохнуть, что-нибудь почитать.

Войдя в комнату, она бросила взгляд на трюмо и почувствовала, как у нее забилось сердце. Не может быть! Она точно помнит, что утром на этом месте оставляла золотой перстень и цепочку с кулончиком. На всякий случай осмотрев комнату и не обнаружив в шкафу еще выходного платья и туфель, Марина кинулась к администратору. Та расстроила ее еще больше, заявив, что за пропавшие вещи администрация пансионата ответственности не несет, так как они не были сданы на хранение. Права ли в данном случае администратор пансионата?

Чтобы ответить на этот вопрос, давайте выясним, что такое хранение.

Каждый из нас, имея в собственности какое-то имущество (деньги, ценные бумаги, различные вещи), заинтересован в том, чтобы сохранить его. Очень часто помогают нам это сделать сбербанки, ломбарды, камеры хранения и т. д. или граждане, с которыми мы заключаем договор хранения. По договору хранения одна сторона (хранитель) обязуется хранить переданное ей имущество и возвратить его в сохранности другой стороне (поклажедателю).

На хранение можно передать индивидуально-определенную вещь (например, картину известного художника, или чемодан, или пальто), ценные бумаги (предположим, гражданин сдает на хранение в сберегательный банк облигации государственного займа), а также вещи, определяемые родовыми признаками (хранение продуктов сельского хозяйства на элеваторах, овощехранилищах и др.). При заключении договора хранения имущество обязательно передается во владение хранителя. Поэтому на хранение не могут передаваться вещи, которые нельзя переместить в каком-либо пространстве (жилой дом, дача, сад, магазин и др.). Здесь может быть заключен трудовой договор со сторожем или специальный договор с органами внутренних дел для охраны территории, на которой находится имущество.

Договор хранения заключается в письменной или устной форме. Если в договоре участвуют граждане и стоимость сдаваемого на хранение имущества свыше ста рублей, он обязательно должен быть заключен в письменной форме. Указанное правило не применяется, если вещи независимо от их стоимости сдаются на краткосрочное хранение в гардеробы различных организаций, где выдаются специальные легитимационные знаки (номера, жетоны). Эти номера (жетоны) являются доказательством заключения договора хранения. Между организациями все договоры хранения должны обязательно заключаться в письменной форме.

Основной обязанностью хранителя является обеспечение сохранности имущества. Если хранителем является гражданин, то он обязан заботиться о переданном ему на хранение имуществе, как о своем собственном. Следовательно, если хранитель, например, свои вещи хранит в гардеробе, периодически проводит антимолевуку обработку, просушивает их и т. п., то таким же образом он должен хранить и вещи, принятые им на хранение от другого гражданина. Более высокие требования предъявляются к организациям — профессиональным хранителям (ломбардам, камерам хранения, гостиницам, домам отдыха, санаториям и др.). Такие организации обязаны принять все возможные меры к сохранению имущества. Например, ломбарды, принимающие на хранение предметы личного пользования, должны их хранить в приспособленном для этого помещении, проветривать, просушивать их и т. п.

Хранитель не вправе пользоваться сданным ему на хранение имуществом, если это не обусловлено в договоре. Хранитель несет имущественную ответственность за утрату и недостачу имущества в размере стоимости утраченного или недостающего имущества. В случае повреждения вещей — в размере суммы, на которую понизилась его стоимость. Если при сдаче имущества на хранение была произведена оценка этого имущества, которая указана в договоре или ином документе (например, именная сохранная квитанция, выданная ломбардом), выданном хранителем, то хранитель отвечает в размере суммы оценки. В этих случаях хранитель отвечает за несохранение имущества лишь при его вине.

Однако законом (ст. 427 ГК РСФСР и соответствующими статьями ГК других союзных республик) предусмотрена повышенная имущественная ответственность организаций, для которых хранение является одной из профессиональных целей деятельности, предусмотренной уставом (положением). Такие хранители отвечают не только за виновную, но и за случайную утрату, повреждение или недостачу вещей. Они освобождаются от ответственности лишь в том случае, если подобные обстоятельства вызваны непреодолимой силой (наводнением, землетрясением и т. п.).

Основная обязанность поклажедателя — забрать свое имущество по истечении срока хранения. Неисполнение этой обязанности является основанием для принудительной продажи имущества по решению суда. Деньги, вырученные от продажи невостребованного имущества, выдаются сдававшему его на хранение за вычетом сумм, причитающихся хранителю.

В отношениях между гражданами договор хранения применяется как форма оказания товарищеских услуг и поэтому, как правило, является безвозмездным. Размер платы за хранение, осуществляемое специализированными организациями, определяется ставками и тарифами, зафиксированными в уставах этих организаций.

Но вернемся к ситуации с которой начинается статья. Приезжая на отдых в санаторий пансионат, на гурбазу либо заселяясь в гостиницу, мы обычно не сдаем свои вещи этим организациям на хранение, то есть договора хранения с ними не заключаем. Однако обязанность хранения возложена на гостиницы, дома отдыха, санатории, общежития и тому подобные организации (бани, бассейны, стадионы и др.) законом. Указанные организации отвечают за утрату или повреждение имущества граждан, находящегося в отведенных им помещениях, хотя бы это имущество и не было особо сдано на хранение этим организациям. Данное правило не распространяется на деньги и драгоценности (изделия из золота, серебра, платины, драгоценных камней). Если они не были сданы на хранение, то при их утрате указанные организации ответственности не несут. Поэтому в нашем примере утверждение администратора пансионата не совсем соответствует закону. Пансионат должен нести ответственность за пропавшие платья и туфли, а за золотые вещи — нет. Увы, это так. Но будем надеяться, что законодатель внесет необходимые изменения, чтобы справедливость восторжествовала. А пока мы посоветуем всем, кто отправляется на отдых, оставить в надежном месте свои украшения из драгоценных металлов.

Н. КОРШУНОВ,
кандидат юридических наук

реклама ≡ объявления ■■■■■■■■ ИНФОРМАЦИЯ ■■■■■■■■

«НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ»

Широкое освещение парламентской практики, процесса рождения новых законов, деятельности Съездов народных депутатов, Советов всех уровней, от верховных до сельских, обстоятельный показ лучшего опыта самих членов представительных органов власти — все это вы найдете в журнале «НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ» — общественно-политическом и проблемно-информационном издании Верховного Совета СССР. Его страницы открыты для выражения альтернативных мнений по ключевым проблемам жизни нашего государства. Большое место отводится правовым вопросам, различного рода консультациям и справкам по актуальным проблемам.

Читайте, выписывайте журнал «НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ» — и вы получите серьезное подспорье в вашей повседневной деятельности. Журнал выходит 18 раз в год. Подписная цена: на год — 5 рублей 40 копеек, на полугодие — 2 рубля 70 копеек. Индекс 70870.

«СНИТСЯ МНЕ ДЕРЕВНЯ...»

Нет, не мне лично, а авторам писем, ответить на которые меня попросила редакция. Среди них, наверное, каждый второй начал свое письмо с этой фразы:

Да, мечтающих переехать в деревню, жить и работать там немало. Однако не все эту мечту осуществляют. И причины здесь самые разные. Так, Н. К. Сафронов из Ленинграда никак не найдет деревню, где нужны были бы его «рабочие руки» (!). А М. В. Котов из города Челябинска не может решиться на переезд, так как это потребует «больших денежных расходов». По этой же причине откладывает свой переезд в совхоз и Дмитрий Захарович Ашукин из Липецка. Хотя директор совхоза и сулит Дмитрию Захаровичу оплатить переезд и еще выдать кое-какие деньги на обустройство хозяйством. «Но вдруг он не сдержит своего слова». У Татьяны Сергеевны Барковской, жительницы Киева, свои опасения: «А как не приживемся мы на селе? И в город не вернешься: ни квартиры, ни прописки. Что тогда делать?..»

Читал я письма и думал: возможно, было бы у людей, желающих перебраться на жительство в сельскую местность, меньше сомнений, знай они, что наше государство заинтересовано в переселении городского и сельского населения из малоземельных, труднообитаемых областей, краев, автономных республик в многоземельные совхозы и колхозы, нуждающиеся в рабочей силе. И в связи с этим Правительством СССР предусмотрен целый ряд льгот и компенсаций так называемым сельскохозяйственным переселенцам, то есть лицам, прибывающим в колхозы, совхозы и другие государственные сельскохозяйственные предприятия и организации в порядке переселения и общественного призыва. Более того, решением Правительства СССР большинство этих льгот (в частности, льготы по выдаче денежного пособия, налогообложению, обеспечению жильем, топливом, коммунальными услугами, строительными материалами) разрешено предоставлять и лицам, прибывающим в колхозы и совхозы на постоянное жительство для работы в сельскохозяйственном производстве самостоятельно, по предварительной договоренности с этими хозяйствами. Письма же свидетельствуют о том, что многие читатели об этом вообще ничего не знают, другие что-то слышали и хотели бы получить более подробную информацию.

В этом выпуске «Заочной юридической консультации» я отвечаю на вопросы читателей, касающиеся именно льгот и компенсаций сельхозпереселенцам. И начать хочу с ответа на упоминаемое уже мной письмо Д. З. Ашукина.

Уважаемый Дмитрий Захарович, те выплаты, которые Вам обещал директор совхоза, не прихоть руководителя хозяйства, заинтересованного в рабочих руках. Они предусмотрены постановлением Совета Министров СССР от 31 мая 1973 года № 364 «О льготах по переселению» (с последующими изменениями и дополнениями).

В частности, в пункте 1 этого постановления установлено, что семьям, переселяющимся в колхозы, совхозы и другие сельскохозяйственные предприятия и организации, оплачивается стоимость проезда от места выхода до места вселения*, а также стоимость провоза имущества в количестве до 2 т на семью и скота.

Переселяющимся в сельскую местность трудонедостаточных районов Нечерноземной зоны РСФСР и Дальневосточного экономического района для работы в сельскохозяйственном производстве за счет государства выплачивается единовременное денежное пособие на хозяйственное обзаведение в размере 2 тыс. рублей на главу семьи и 500 рублей на члена семьи (п. 32 постановления Совета Министров СССР от 5 апреля 1989 года № 290).

Следует отметить, что в районах выхода семей, направляемых по переселению в трудонедостаточные районы Нечерноземной зоны РСФСР и Дальневосточного экономического района, выплачивается первая часть единовременного денежного пособия за счет государства в размере 10 процентов, а остальная часть в размере 90 процентов пособия — в двухмесячный срок со дня прибытия в место вселения, при условии устройства переселенца на работу и с учетом числа переселившихся с ним членов семьи.

При переселении семей в другие регионы страны 50 процентов единовременного денежного пособия за счет государства выплачивается при выезде переселенца из места выхода, а остальные 50 процентов — в двухмесячный срок со дня прибытия в место вселения, при условии устройства переселенца на работу и с учетом числа переселившихся с ним членов семьи.

Единовременное денежное пособие за счет государства переселяющимся внутри автономной республики, края, области или административного района выплачивается один раз, полностью, после устройства переселенца на работу и переезда его семьи в место вселения (постановление Совета Министров СССР от 12 апреля 1990 года № 364 «О внесении изменений в постановление Совета Министров СССР от 31 мая 1973 года № 364 «О льготах по переселению»).

Кроме того, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 5 августа 1988 года № 979 работникам, прибывшим в совхозы и другие государственные сельскохозяйственные предприятия и организации по переселению и общественному призыву, за дни сбора в дорогу и устройства на новом месте жительства, но не более чем за шесть дней, а также за время нахождения в пути выплачивается заработная плата, исходя из тарифной ставки (оклада) по новому месту работы. Этим же постановлением совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям и организациям разрешено с согласия совета трудового коллектива выдавать лицам, прибывшим в эти хозяйства в порядке переселения и общественно-го призыва и принятых на работу в качестве механизаторов, животноводов и специалистов сельского хозяйства, а также работникам народного образования, культуры, здравоохранения, бытового обслуживания, физической культуры и спорта из числа указанных лиц, пособие на хозяйственное обзаведение в размере до шести месячных повременных тарифных ставок III разряда (окладов), установленных для соответствующих профессий (должностей), в

* Районы, из которых происходит переселение людей, называются в законодательстве местами выхода, а районы, в которые переселяются, — местами вселения.

порядке и на условиях, предусмотренных пунктом 32 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 сентября 1977 года № 820. Аналогичный порядок рекомендован и колхозам.

Часто в письмах читателей встречаются вопросы, касающиеся порядка предоставления переселяющимся жилья, обеспечения их строительными материалами, домашним скотом.

В соответствии с пунктом 3 постановления Совета Министров СССР от 31 мая 1973 года № 364 совхозы должны предоставлять семьям переселенцев в год вселения отдельные жилые дома или квартиры и приусадебные участки в установленных размерах. В течение двух лет после вселения переселенцы освобождаются от квартирной платы. В этот же период им бесплатно предоставляются топливо и коммунальные услуги. Этим же пунктом совхозам предложено продавать семьям переселенцев по себестоимости, но не выше закупочных цен коров из основного стада совхоза, а также оказывать помощь в обеспечении скота кормами и пастбищами в установленном порядке. В течение двух лет после вселения предоставлять по 300 кг концентрированных кормов в год на семью, имеющую скот. Постановлением рекомендовано и колхозам предоставлять данные льготы прибывающим к ним переселенцам.

Кроме вышеназванных льгот, Совет Министров СССР в постановлении от 5 апреля 1989 года установил еще ряд дополнительных льгот. Так, колхозам, совхозам, другим сельскохозяйственным предприятиям и организациям рекомендовано выдавать безвозмездно семьям для организации личного подсобного хозяйства корову (нетель), поросенка, овец и в течение первого года оказывать помощь кормами.

Совхозам и другим государственным сельскохозяйственным предприятиям и организациям, расположенным в труднедостаточных районах Нечерноземной зоны РСФСР, Сибири и Дальнего Востока, рекомендовано на основе заключенных договоров безвозмездно передавать в личную собственность граждан жилые дома с надворными постройками, находящимися на балансе хозяйств. Им также предоставлено право за счет средств хозрасчетного дохода оплачивать материалы, приобретаемые работниками этих предприятий и организаций для строительства индивидуальных жилых домов собственными силами. Совхозы и другие государственные сельхозпредприятия и организации могут выдавать приезжающим работникам пособие на хозяйственное обзаведение в размере до 2000 рублей при условии, если они обязуются отработать в данном хозяйстве не менее десяти лет.

Колхозам и организациям потребительской кооперации, расположенным в труднедостаточных районах, рекомендовано передавать своим работникам, сельской интеллигенции жилые дома с надворными постройками, оплачивать стоимость материалов, приобретаемых застройщиками для строительства индивидуальных жилых домов, и выдавать пособие на хозяйственное обзаведение на таких же условиях (п. 33 постановления Совета Министров СССР от 5 апреля 1989 года № 290).

Но давайте вернемся к письмам тех, кто собирается переезжать в село. С. М. Левчук из Свердловска — рабочий, но хочет переехать на работу в совхоз. Он спрашивает, сохранится ли при этом у него непрерывный трудовой стаж.

За рабочими и служащими — переселенцами непрерывный трудовой стаж сохраняется, если перерыв в работе в связи с пересе-

лением в совхоз не превышает одного месяца, не считая времени проезде (п. 3 постановления Совмина СССР от 31 мая 1973 года).

Р. Г. Самохин из Пензенской области, колхозник, также хочет переехать в совхоз. Его интересует, как будет исчисляться у него трудовой стаж.

Исчисление трудового стажа бывших членов колхозов, перешедших в связи с переселением на постоянную работу в совхозы, производится в соответствии с пунктом 4 Положения о порядке передачи совхозам земель и общественного имущества колхозов при преобразовании их в совхозы и о порядке расчетов с колхозниками, утвержденного постановлением Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 3 мая 1957 года № 495 (п. 3 постановления Совета Министров СССР от 31 мая 1973 г.).

Назову еще несколько норм, предусматривающих льготы по стажу. Так, в пункте 3 постановления Совмина СССР от 31 мая 1973 года, установлено, что трактористам-машинистам, переселившимся в совхозы, засчитывается в стаж работы по специальности, дающей право на получение надбавки к заработной плате, время работы в качестве трактористов-машинистов в тех хозяйствах, в которых они работали до переселения.

А в пункте 3 постановления Совмина СССР от 5 августа 1988 года установлено, что работникам, прибывшим в совхозы и другие государственные сельскохозяйственные предприятия и организации по переселению и общественному призыву, сохраняется непрерывный стаж работы для получения процентных надбавок к заработной плате за непрерывный стаж работы в данном хозяйстве и других льгот, связанных со стажем, если они действуют по новому месту деятельности.

И К. Кузьменко, прапорщик, увольняется в запас. В письме в редакцию он пишет: «Как устроить свою гражданскую жизнь, еще не решил. Вот думаю, может быть, уехать на жительство в деревню, к земле поближе? Слышал, что переселяющимся в сельскую местность предоставляются какие-то льготы. Распространяются ли они на военнослужащих? Если нет, то какие льготы предусмотрены для нас?»

При переселении увольняемых в запас или отставку военнослужащих, не имеющих семей, им оплачивается за счет государства стоимость проезда от места выхода до места вселения и выдается единовременное денежное пособие в размерах и в порядке, предусмотренных для глав семей. При обзаведении семьями в течение двух лет с момента вселения названным гражданам предоставляются все льготы (включая выплату единовременного денежного пособия на членов семьи), установленные для переселенцев постановлением Совета Министров СССР от 31 мая 1973 года.

Лицам, уволенным в запас из Вооруженных Сил СССР и поступившим на работу в хозяйства в качестве механизаторов, разрешается выдавать пособие на хозяйственное обзаведение в размере шести месячных повременных тарифных ставок III разряда, установленных для трактористов-машинистов, с отнесением этих расходов на счет средств фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства.

На письма читателей
отвечал А. ТВЕРДОВ.

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Союз юристов СССР проводит Всесоюзный конкурс научных работ молодых ученых-юристов.

К участию в конкурсе допускаются юристы в возрасте не старше 35 лет. На конкурс представляются опубликованные в 1987—1990 годах работы (монографии, статьи и т. д.) объемом не менее 1 авторского листа. Каждый автор имеет право представить только одну работу. Копии диссертационных исследований не рассматриваются.

Первый тур конкурса проводится республиканскими, краевыми, областными, городскими, первичными организациями (обществами, объединениями) Союза юристов СССР. Каждая первичная организация имеет право выдвинуть на второй тур не более одной работы. Кроме того, каждая краевая, областная, городская организация выдвигает не более двух работ и республиканская — не более трех работ.

Работы, рекомендованные ко второму туру конкурса, в 2-х экземплярах направляются только заказными бандеролями до 31 декабря 1990 года по адресу: 109830, Москва, ул. Обуха, д. 4 (тел. 297-38-32).

К работам прилагаются: отзыв-рекомендация одной из организаций (обществ, объединений) Союза юристов СССР, заверенная в установленном порядке; аннотация (до 2-х страниц машинописного текста); сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, год, месяц рождения, домашний адрес, номер домашнего и служебного телефона).

Для победителей конкурса устанавливаются денежные премии:

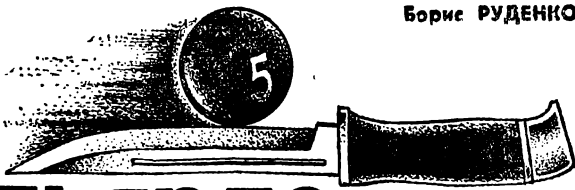
Первая премия — 700 рублей.

Две вторые премии — по 500 рублей.

Три третьи премии — по 300 рублей.

Лауреаты конкурса награждаются Почетными дипломами Союза юристов СССР.

Из лучших работ будет составлен научный сборник. Победители и лауреаты конкурса пользуются преимуществом при отборе Союзом юристов СССР кандидатур для направления на стажировку за рубеж.

на бильярде играют в одиночку

ПОВЕСТЬ

Если бы все неприятности в жизни разрешались так просто! Пусть эта маленькая психологическая победа была одержана всего лишь над сопляками, шпанятами, Денисов был очень доволен. Он вспоминал эпизоды происшедшего и сам себе нравился. И все же в глубине сознания гнездилась тревога. Интуиция игрока шептала ему, что в данной ситуации возможны продолжения. Но Денисов сегодня не хотел прислушиваться к своим сомнениям. Они с Пашкой провели отличный день: ходили в кино, катались на речном трамвае и просто гуляли по городу. Денисов все время разговаривал с сыном, и тот слушал его со вниманием и интересом. Правда, неожиданно Пашка снова спросил, кем работает Денисов, и тогда тому пришлось плести что-то насчет киностудии, а потом переводить довольно неуклюже разговор на другую тему.

В тот вечер Денисов вновь не пошел в бильярдную. Они поужинали остатками цыплят, после чего сыто и покойно смотрели в ожидании спортивных новостей и сводки погоды телефильмы о военных подвигах дряхлого вожда.

Продолжение последовало уже назавтра. Денисов отправился после обеда в «академию» — бильярдную Центрального парка, а Пашка остался дома. Не пойти Денисов не мог — он пропустил уже два дня, а его профессия расслабляться не позволяла, требовала ежедневных тренировок.

Серьезных соперников в бильярдной не было, и Денисов играл по маленькой с кем придется. Он только что положил шар красивым карамбольным ударом как кто-то бесцеремонно взял его за плечо.

— Эй, начальник, поговорить надо.

Денисов изумился: мешать игре — бестактность вопиющая. Он страшно чужую руку с плеча и повернулся. Перед ним стояла

наглая, сытая рожа. Рядом еще одна. Парни лет двадцати пяти. В бильярдной они были чужими

— Что вам угодно? — в минуты крайнего раздражения Денисов изъяснялся с несколько старомодной вежливостью.

— Дело к тебе зсть. Пойдем поговорим.

Денисов сокрушенно развел руками.

— К сожалению, не могу. Мне необходимо окончить партию. Вам придется подождать.

— Потом окончишь, — парни вели себя вызывающе; вежливость Денисова они приняли за испуг, что характерно для тупого быдла, каковыми они и являлись. Да к тому же прежде они никогда не бывали в бильярдных. Они не замечали, что к разговору все с большим интересом прислушиваются окружающие.

И партнер Денисова тоже подошел поближе. Партнера Денисова здесь звали Квадрат. Это был здоровенный мужик лет пятидесяти с начинавшим выпирать брюшком. Он работал мастером на механическом заводе и уже много лет дважды в неделю аккуратно приходил поиграть в бильярд перед ночной сменой.

— Вон там посидите, ребята, погрейтесь на солнышке, — показал Квадрат толстым пальцем на дверь. — А сейчас — вайте. Не видите — люди делом заняты.

Безусловно, Квадрат должен был производить внушительное впечатление, но парни его не послушались. То ли наглости у них были запасы чрезмерные, то ли просто понесло их и остановиться уже не могли, но советов они не воспринимали.

— Гуляй, папаша, — начал один, — а то схлопочешь...

Договорить ему Квадрат не дал. Он вообще не любил долгих разговоров, поэтому без лишних слов въехал парню огромным кулаком в ухо. Того унесло под стол, но парень был крепкий, из-под стола тут же вылез и принял боевую стойку, готовый схватиться с обидчиком. И приятель его тоже полуприсел, растопырив локти, однако драк в бильярдной не терпели. Парней немедленно схватило множество рук, их легко и небрежно проволокли по ступенькам и вышвырнули за дверь, крепко пнув каждого для скорости по заду.

Квадрат моментально забыл об инциденте.

— Твой удар, — нетерпеливо напомнил он Денисову.

Этот удар Денисов замазал, шара ему положить не удалось, и хотя партию он в конце концов выиграл, стоило ему это немалых усилий. Но не предстоящий разговор с Наглыми Рожами его беспокоил, а то, где сейчас Пашка.

Не выдержав беспокойства, позвонил между партиями домой.

— Как дела? — спросил у сына.

— Нормально, — в голосе Пашки Денисов услышал неуверенность.

— Тебе кто-нибудь звонил?

— Звонки были, я снимал трубку, но там никто не отзывался.

— Из дома не выходи, никому не открывай, — скомандовал Денисов. — Я скоро буду.

— У тебя что-нибудь случилось, пап? — в свою очередь заволовновался Пашка.

— Все нормально, — Денисов положил трубку и побежал доигрывать.

За весь день выигрыш собрался небольшой — чуть больше полсотни. Основная игра должна была, как обычно, начаться вечером, но Денисов решил не задерживаться до темноты.

— Тебя проводить, Седой? — предложил Квадрат, но Денисов отрицательно покачал головой.

— Сам разберусь.

Развинтив кий, положил в тубус только тонкую часть. Турник как и вчера, укрыв в рукаве.

Парни нетерпеливо курили на скамеечке. Увидев Денисова, вскочили. Заждались, значит, совсем. Денисов подошел уверенно и остановился, сохраняя стратегическую дистанцию, метрах в двух. Он видел, что парни разозлены, но и растеряны несколько и не намерены немедленно начинать драку. Парни убедились, что Денисов — человек из системы. Система эта была им совершенно незнакома, и парни не желали больше совершать ошибок.

Инициативы Денисов решил не отдавать. Для начала он приятно улынулся.

— Вот теперь я готов вас выслушать. Так в чем дело?

— Короче так, — мрачно сказал тот из двоих, на чьей морде отчетливо проступал отпечаток квадратов кулака. — Или шмотки гони, или бабки.

— Я извиняюсь, мужики, — удивленно возразил Денисов, — разве ваши шестерки не сказали, где вещи?

— Про то, как ты им лапшу на уши вешал, они рассказали, — заверил второй парень. — Только нам эту туфту не гони, не нужно. Мы проверили. Не был ты в конторе. И шмотки туда не носил.

— Вы что, официальный запрос сделали? — попытался сыронизировать Денисов.

Парни иронии не поняли.

— У нас там концы есть, понял?

Это прозвучало для Денисова неожиданно. Он хотя и не поверил, но как-то сбился.

— Значит, так, парни, — сказал он, собираясь с мыслями, — шмоток ваших нет. С этим придется смириться. За ошибки нужно платить. Разойдемся тихо. Допустим, я в конторе не был, но ведь это дело исправить нетрудно. Что касается вас, могу в качестве компенсации выдать по куску на брата. Но к Пашке чтобы больше никто из ваших никогда не подходил.

— Он нам по куску дает, — несхорошо ухмыльнулся второй парень. — Эти бумажки ты знаешь куда засунь?

Он сделал шаг вперед, и в ту же секунду из рукава Денисова выскользнула и удобно улеглась в ладонь его дубинка.

— Спокойно, молодой, не надо нервничать, — он обозначил турником легкое вращательное движение.

— Кончай, кончай, — остановил своего приятеля тот, что с побитой рожей. — Не время.

— Короче, слушай, шарогон, — обратился он к Денисову. — Своими двумя кусочками можешь подтереться. С тебя двадцать пять кусков или вещи. И учти: сроку три дня, а на четвертый включается счетчик. Пять процентов в сутки — это как обычно.

Они повернулись и пошли к выходу. А Денисов зашагал в противоположную сторону. Он решил выйти из парка через другие ворота. Так было к дому ближе — Денисов сейчас поскорее хотел увидеть сына.

Но Пашки дома не было.

В эту ночь сон так и не пришел к Денисову. Шаги во дворе, хлопок двери подъезда, гудение лифта — любой из редких ночных звуков заставлял его вскакивать с постели, вслушиваться, всматри-

ваться через открытое окно в темноту. А когда даже эти звуки ночь полностью растворила в себе, он просто ходил кругами по комнате, снова смотрел в окно и курил без перерыва. Тяжелый беспокойный полусон, похожий больше на оцепенение, схватил его, лишь когда совсем рассвело. Впрочем, Денисов так и не понял: спал он или просто грезил, что спит, беспрерывно продолжая диалоги с Пашкой, Яриком, Наглыми Рожками и самим собой.

Резкий телефонный звонок разом прервал все эти галлюцинации. Сердце мгновенно заколотилось с такой частотой, словно Денисов только что вбежал на десятый этаж. Он даже не сумел от волнения сразу ухватить телефонную трубку, а когда сорвал ее с рычага, то закричал, не дожидаясь вопроса:

— Павел! Это ты, Пашка?!

— Георгий Сергеевич, если не ошибаюсь? — спросил вежливый мужской голос.

— Да, — приходя в себя Денисов провел ладонью по лицу, мокрому от пота. — Кто это?

— Это не важно. Зовите меня, допустим, Егор.

— Ага, — сказал Денисов. — Я — Георгий, ты — Егор. Чего надо, Егор?

— Вы не очень-то вежливы, Георгий Сергеевич, — отметил голос.

— С какого хрена мне с тобой быть вежливым. Говори, что надо, и отваливай.

— Думаю, вы и сами уже догадались. Я только хотел напомнить, что до истечения контрольного срока у вас остается два дня с небольшим.

— Где мой сын? — нервно спросил Денисов. — Я вас, гадов, всех разнесу. Это ты, что ли, Вартан?

— Я не Вартан, я — Егор, — поправил голос. — Давайте поговорим спокойно...

Но Денисов не в силах был сдерживаться.

— Слушай ты, Егор, или как тебя там, — яростно перебил он, — вы все будете сидеть. Это я вам гарантирую. Я сейчас немедленно иду в милицию. Если Павел через полчаса не будет дома...

— Кому он нужен, твой Павел? — тоже перебил голос, но сразу же сбавил тон. — Вы заблуждаетесь, Георгий Сергеевич. Я не занимаюсь похищением младенцев. Да и на младенца ваш сын совершенно не похож. Но об этом после... Собственно что вы скажете в милиции, мне просто интересно. Что кто-то кого-то ограбил? Так ведь не было этого. Это же просто смешно. Вообще — не было. Но это только одна сторона. Кто, собственно, станет слушать вас, дорогой мой? Вас, туняедца с двадцатилетним стажем.

— Не болтай, чего не знаешь, — грубо и бессмысленно сказал Денисов.

— Продолжаете хамить, — укоризненно констатировал голос. — А я слышал о вас как о человеке, претендующим на интеллигентность. Но вы ошибаетесь. Я о вас все знаю. Когда, кстати, вы в последний раз работали? Не числились, а именно работали? Вот видите. По действующим законам вы самый настоящий туняед. Законы могут не нравиться — вам, мне, но они существуют. И в вашем отделении о вас хорошо знают. Догадываетесь почему за вас еще не взялись по-настоящему? Да у них просто руки не доходят. Но в принципе им можно помочь. Общественность разве будет терпеть, что милиция даром ест свой хлеб? Напишут ведь, Георгий Сергеевич. Да еще куда-нибудь повыше. И все, аут. Или вы немед-

ленно грузчиком в магазин пойдете? Вряд ли. Значит — крупные неприятности.

Тут Денисов не выдержал и захохотал.

— Ты чем меня пугаешь? Ментами? Это, ты бандит!

— Ну, хватит, — голос приобрел раздраженные интонации. — Я, чувак, хотел с тобой по хорошему. Вот что Седой, ты не выживайся. Я тебя, как вошь, придавить могу. А ты меня — нет. Ты кто? Директор магазина? Может, в крайнем случае передовик производства, депутат райсовета? Ты — шарогон. Мне даже руки начкать не надо, тебя любой мент из шкуры вытряхнет за пятерку. И теперь запомни, шарогон, я жду гри дня. Потом счетчик побежит. И через двадцать дней тебе придется уже пятьдесят кусков готовить. Или тебя самого на куски разделают. Все понятно?

— Где мой сын, ты, гнус! Скотина! — Денисов затрясся от крика. — Если его через полчаса здесь не будет!..

— Теперь насчет твоего щенка, — абсолютно спокойно продолжал голос. — Я тебе уже сказал: никому он не нужен. Шляется, наверное, где-нибудь с девками. Думаешь, я его заманил? Ошибаешься, Седой. Он сам от тебя ушел. Он, чувак, верил отчего-то, что папа его уважаемый человек и чуть ли не главный режиссер киностудии.

— Что ты ему наговорил?

— Да ничего, Седой, — проговорил собеседник. — Просто объяснил, где ты себе авгоритет делаешь. Где бабки себе на жизнь достаешь. Чтобы у него иллюзий не было. Иллюзии — они мешают. Ну, а если он обиделся на тебя, то я гут ни при чем. Никогда нельзя своих детей обманывать разве ты не знаешь? Так что сам себя вини.

— Слушай... — у Денисова сдавило горло, и голос подвел его, пресекся, — пока я его не увижу, не получишь ни копейки.

— Ну хорошо, я попробую его разыскать, — хмыкнул собеседник. — Может, ты думаешь и его на ошейнике держу? У него, вероятно, свои дела. Единственное, что могу для тебя сделать, попрошу передать, чтобы тебе позвонил. Если кто его увидит. Но дела это не меняет. Кстати, из чистого любопытства. Ты что, вещички уже толкнул, что ли?

— Пошел ты... гад! — крикнул Денисов, швыряя трубку.

Состояние Денисова не позволяло ему сидеть дома, дожидаясь исхода событий. Он принялась искать Пашку.

Начал со звонка Ларисе, хотя надежда на успех гут была слабая. Квартира, как и ожидалось, давно уже пустовала. Лариса где-то далеко устраивала свои личные дела. Тогда Денисов побежал в школу, где учился Пашка, вспомнив, что тот говорил о какой-то там практике. Но дверь школы была заперта вероятно, до первого сентября, и тут Денисов сообразил, что надо бы поговорить с Пашкиным тренером. Спортшкола — единственная в районе — была здесь же, неподалеку.

Тренер Пашки — невысокого роста человек с мощной греугольной фигурой борца — имел привычку часто морщить лоб, и тогда начинали двигаться его уши, изрядно деформированные в многочисленных схватках на ковре.

— Денисов? Паша? Вчера его не было. И сегодня... Я думал, что он захворал.

— А с кем он тут дружит? Может, кто-нибудь из ребят знает, где он?

Тренер собрал кожу на лбу в толстые складки и пошевелил ушами.

— Спросим сейчас. Ионов! Пойди-ка сюда!

Подошел Ионов, худой и грустный.

— Ты Денисова давно видел?

Ионов тоже сразу наморщился, неосознанно подражая своему тренеру.

— Да еще на прошлой неделе.

— А после не встречал? Вчера или сегодня? Где он может быть, ты не знаешь?

— Не, Сергей Иванович, он вроде ничего не говорил.

— Ладно, иди работай,— отпустил его тренер.— В общем, если он тут появится, то домой придет обязательно. Это я точно могу обещать. Что у вас случилось-то?

— Случилось,— сказал Денисов.— Толком и не расскажешь.

— Понимаю,— тренер сочувственно подвигал ушами.— В этом возрасте все они бешеные. Но Павел ваш неплохой мальчишка, способный. Работает от души. Натура в человеке всегда видна, когда он работает. Да вы не расстраивайтесь. Плохого с ним не случится. Побегает немного, остынет и появится.

— Да-да,— сказал Денисов.— Если он сюда придет, вы уж, пожалуйста...

— Это ясно,— тренер снова наморщил лоб.— Я и ребят предупрежу... Эй, Крапивин! Глубже приседай, глубже. А захват выше к плечу делай. Я же тебе показывал!

— Я пойду,— вздохнул Денисов.— До свидания.

— До свидания. Вы не переживайте, все будет нормально... Вот сейчас правильно, Крапивин. Умеешь, когда хочешь. Повтори еще пару раз, потом поменяйтесь...

Час или два Денисов без надежды бродил вокруг по дворам. Домой пришел усталый и вконец опустошенный. Завалился на диван, не снимая башмаков, но тут же был словно подброшен очередным телефонным звонком.

— Да! Да!

— Это я,— замкнутым голосом сказал Пашка.

— Паша! Ты где!

— Тут... у приятеля.

— Слушай, Павел, нам с тобой надо поговорить.

Пауза.

— Зачем? — спросил Пашка.

— Мне кажется, нужно кое-что выяснить. Расставить все на свои места.

— Какие места? — не понимал или притворялся Пашка.

— Ты приходи, и мы поговорим,— Денисов старался, чтобы голос его звучал спокойно и убедительно, только что-то не слишком хорошо получалось.— По телефону многого не объяснишь.

— А чего объяснять-то,— грубо сказал Пашка.— Все и так понятно. Ты же мне все время врал. «На киностудии работаю». А ты сам такой же, как они. Все время врал. И не пойду я к тебе.

— Паша! Паша! Нам обязательно надо поговорить. Я тебе все объясню, ты же просто ничего не понимаешь,— волнуясь, зачастил в трубку Денисов.— Приходи сейчас, немедленно, ты же не знаешь ничего!

— Не приду! — Пашка бросил трубку.

Денисов еще с минуту гупо слушал короткие гудки, ощущая, как накачивается отчаяние. Он не знал, что делать дальше.

И снова звонок Пашка?

— Алло, Седой, — сказал уже знакомый вежливый голос. Впрочем, теперь уже вовсе не вежливый. — Есть изменения. Должен тебя огорчить. При подсчете произошла ошибка. С тебя оказывается не двадцать пять кусков, а сорок. Ты меня слушаешь?

— Ты что свихнулся? — от наглости собеседника Денисов даже расгербился. — Ты по какому курсу считаешь? Да там за все про все и на три куска не потянет.

— Это кому как, — возразил голос. — По-твоему — три, по-моему — сорок. Только мой счет вернее, как ты можешь догадаться. Спорить тут не приходится: я хозяин, мне и виднее.

— Хозяин! — иронически сказал Денисов, но собеседнику плевать было на его иронию.

— Впрочем у тебя остается право выбора. Можешь отдать вещи. Тогда платить почти не надо. Разве что за моральный ущерб моим ребятам. Все по справедливости.

— Не получишь ни копейки, — объявил Денисов. — Еще один твой звонок и я в контору пойду.

— Иди, — разрешил голос. — Своими руками своего сына к хозяину и оформишь, если считаешь, что в гайге климат ему на пользу. Кстати, чуть не забыл. Есть еще одно изменение. Пашку ты тоже пока не увидишь. Он в одном месте посидит. До тех пор, пока ты не рассчитаешься. Ему там будет хорошо. А будешь дергаться, ему отзовется. Напоминая: на все дела тебе осталось два дня. Успевай. Все, будь здоров!

— Ах гы!.. — заскрежетал Денисов в умолкшую трубку.

Ясно было почему этот Егор так обнаглел. Они вытянули из Пашки, что сумка с вещами пропала. Но не знал Денисов, как теперь быть. К кому идти, что делать.

Он схватил записную книжку и принялся дихорадочно листать. Фамилии, имена, телефоны — все не то. Вот! Если уж этот не сумеет помочь...

Торопясь, накрутил номер. Гудок. Гудок. Слава богу, сняли наконец трубку.

— Виталий Иванович? Это я, Георгий. Что-то давно не виделись. Ты куда пропал?

— А, Георгий! Рад тебя слышать. Дела, старик. Но я не забываю. В субботу собираюсь в Дом архитектора. Ты будешь?

— Конечно.

— Вот и ладно. Там и поболтаем. Извини, старик, у меня тут народ...

— Виталий, у меня к тебе дело. Очень важное. Я тебя редко о чем просил, ты знаешь... — заторопился Денисов.

— Ты попозже мне можешь перезвонить? У меня тут...

— Пять минут Виталий я в двух словах. Сын у меня пропал, понимаешь... Да не пропал. Дружки его где-то спрятали, шпана, бандюги. Что делать, Виталий, к кому идти? У тебя, я знаю, в эмвэдэ концы какие-то есть...

— Подожди, подожди. Я ничего не понял. Говорю тебе: попозже перезвони. Через полчаса. У меня тут люди...

Эти полчаса Денисов просидел у телефона, не сводя с него глаз. А когда позвонил снова, писклявый голосок секретарши сооб-

шил, что Виталий Иванович уехал и сегодня больше не будет. Денисов — в который раз за день — швырнул трубку и несколько минут бессильно ругался грязными словами. Может быть, Виталий действительно уехал по делам, но Денисов сейчас никому не верил. Его заботы никому не нужны, и сам он никому не нужен со своими заботами. Не было больше никакого выхода. Вернее, оставался всего один, последний.

В дежурке отделения милиции было прохладно и неожиданно пусто. Лейтенант с красной повязкой на рукаве заполнял какой-то длиннейший бланк со множеством полочек-позиций.

Денисов сунул к нему голову, в окошко над барьером.

— К кому тут можно обратиться? Сын у меня пропал.

Дежурный обрадовался поводу отложить хоть на время надоевшую бумажку.

— Большой сын-то?

— В общем, да... Шестнадцать лет уже. Но он не совсем пропал.

— Что значит «не совсем»? — удивился лейтенант. — Частично, что ли?

— Да нет же, — с досадой мотнул головой Денисов. — Я думаю, что его где-то специально задерживают против его воли. То есть я точно знаю, что это именно так.

Тут у лейтенанта на столе затрещал один из четырех телефонов, на которые Денисов теперь не мог смотреть иначе, как с ненавистью. Лейтенант снял трубку, сказал: «Дежурный слушает», и действительно слушал очень долго. Так долго, что про Денисова забыл. А когда положил трубку и вспомнил, мысли его уже были заняты другим.

— Вы поднимитесь в двадцать третью комнату, — сказал дежурный, с отворачиванием придвигая свою огромную бумагу. — Там инспектора по розыску, они у вас заявление примут.

— А! Вот он где, — раздалось за спиной. — Сам пришел. Очень хорошо. А я за ним собирался сегодня наряд посылать.

Денисов недоуменно обернулся. Участковый Гуськов, сняв фуражку, старательно тер платком красное лицо.

— Ну, что, принес справку?

— Какую справку? — не сразу переключился Денисов. — Нет еще, не принес. Завтра принесу...

— Не надо! — властно сказал Гуськов. — Хватит завтраками кормить. Туеядцев на участке не потерплю. Народ не позволит. Вас учить надо. Делаю тебе первое официальное предупреждение.

Он мгновенно вытащил из своей папки заготовленный бланк и положил перед Денисовым на барьер.

— Распишись!

— У меня сын пропал, — сказал Денисов.

— Еще бы! — кивнул Гуськов. — У такого отца это не удивительно. Странно, что он раньше не сбежал. Расписывайся, Денисов. И запомни: после второго предупреждения материалы направляю в суд. Мы тебя быстро окоротим. Подписывай!

Денисов озадаченно смотрел то на бумажку, то на Гуськова, а потом вдруг взорвался.

— Не буду! — злобно сказал он.

— Ах не будешь! — брови Гуськова поползли вверх, к козырьку

фуражки. — Очень хорошо. Когда мы по-другому разговаривать станем. Это знаешь, как называется? Зlostное неповиновение сотруднику милиции при исполнении служебных обязанностей. Поляков, дай-ка мне ключ от камеры. Пусть-ка он до утра посидит, а завтра — на расуд. Для начала оформим его суток на пятнадцать.

Денисов испугался. Он понимал, что Гуськов не имеет права этого делать, но никто во всем свете не смог бы сейчас Денисову помочь. Для всякого представителя власти будь то судья, прокурор или кто другой, Денисов был гуineaдцем. Никто и слушать его не станет, закатают пятнадцать суток... А Папка? Что станет с ним за эти дни?

От унижения, бессилия и страха противно защемило сердце.

— Давай бумажку, я подпишу, — хрипло сказал он.

— А нам одолжений не надо, — куражился Гуськов.

— Я же сказал: подпишу... Давайте бумагу

— Вот так вот! — Гуськов удовлетворенно помахал пальцем у Денисова перед носом. — Берись за ум и тебя по-хорошему предупреждаю...

Денисов выскочил из отделения, обливаясь потом, долго разжигал в дрожащих пальцах сигарету. Сделав пару затяжек, смял и швырнул на тротуар.

— Очень красиво, — укоризненно заметила проходившая мимо дама, которой окурочек едва не попал на ногу. — Это называется культура!

— Иди ты! — гаркнул на нее Денисов, нехорошо радуясь возможности хоть немного отвести душу.

Дама вздрогнула и, презрительно поджав губы, проследовала своим путем. Но Денисов уже забыл о ней.

— Гады! — проталкивал он свистящие слова сквозь перехваченное горло. — Гады проклятые!

Нужно было обязательно успокоиться. Надо было взять себя в руки. Денисов умел это делать. Иначе он не стал бы никогда тем Седым которого знали во всех бильярдных страны. Он снова закурил сигарету и вновь отбросил ее, едва затянувшись. Потом прыжком выскочил на мостовую, подзывая такси.

Ни в Доме офицеров, ни в «академии» Валентина не было. Денисов нашел его в Доме писателей. Но не в бильярдной, а в ресторане. Валентин сидел за столиком вместе с Поэтом, самозабвенно любившим бильярд и в принципе неплохо игравшим. Денисов подозревал, что если бы Поэт не тратил столь много времени на писание рифмованных строк, а всерьез занялся бильярдом, то вполне был бы способен войти в первый десяток игроков страны.

Поэт с Валентином вдвоем пили водку. Денисов не знал, сколько они приняли, но Поэт был уже изрядно на взводе, хотя Валентин, напротив, выглядел совершенно нормально. Впрочем, начинать они могли и порознь.

— Гоша! — громко сказал Поэт, увидев Денисова. — Вот кого мне не хватало. Садись к нам, милый!

Обслуживающий персонал здесь хорошо знал Денисова. Тут же появился официант, который притащил третий стул и приборы.

— Мы с Валентином как раз беседовали о тебе, — порадовал Денисова Поэт.

— Вот как! — сдержанно удивился Денисов.

Рис. В. Родина.

— Не конкретно о тебе, но о тебе — в принципе. Мы, Гоша, говорили о профессионалах. Профессионалы — единственные, кто достоин уважения в этой стране, погибающей от непрофессионализма.

Последнее слово далось Поэту с некоторым напряжением.

— Ведь ты, Гоша не просто игрок. Ты — Седой. Супер-профессионал. И за это я тебя уважаю вне зависимости от количества выпитой водки. Я хотел сказать, что уважаю тебя независимо от факта употребления мной водки именно сегодня.

Поэт почувствовал, что несколько запутался, на короткое время сделался задумчив, но быстро нашел выход из ситуации.

— Выпей с нами, — сказал он.

Снова появился официант, наклонившись к Денисову, спросил: — Заказывать что-нибудь будете?

Денисов пожал плечами, потом махнул рукой.

— Давай еще бутылку и что-нибудь закусить. На твоё усмотрение.

Обычно он никогда не пил в это время, но сегодня играть явно не придется.

— Все население мира, Гоша, делится на три категории, — поучал Поэт. — Я только что объяснял это Валентину, однако он со мной не желает соглашаться.

— Я согласен, — меланхолично махнул вилкой Валентин.

Он жевал антрекот и спорить не хотел.

— Наконец-то! — обрадовался Поэт, но тут же нахмурился. Ему хотелось продолжения полемики, а, к счастью, Валентин это понял. Валентин проглотил антрекот и хлебнул минералки.

— Но я согласен отнюдь не во всем.

— Вот, пожалуйста, — азартно огорчился Поэт. — Тогда ты, Гоша, изложи свое мнение.

— Я пока не в курсе, о чем идет речь.

— А я тебе объясню, — Поэт положил вилку и сел поудобнее. — Весь бильярдный мир, как я уже сказал, делится на три категории: любителей, дураков и профессионалов. Любители играют в свободное от своей основной деятельности время — и исключительно ради отдыха, чтобы снять напряжение. Вот, например, Черчилль. Отдыхал за игрой после ежедневной двенадцатичасовой напряженнейшей работы.

— Черчилль играл не на бильярде. Он играл в бридж, — поправил Валентин, — и, говорят, весьма профессионально.

— А я знаю, — возмутился Поэт. — Разве я сказал: на бильярде? Он действительно был классным бриджистом, но человек, который понимает толк в бридже, просто обязан любить бильярд. Но я отвлекся. Итак, вторая категория. Она самая большая. Это — дураки.

Поэт остановился, ожидая реакции, но ее пока не последовало. Валентин уже слышал все прежде, а Денисову сейчас было не до дискуссий.

— Да, дураки, — повторил Поэт. — Это наши братья-обыватели, которые не сумели найти себя ни в чем. Или не пожелали. По глупости и природной лени. В их жизни ничего не состоялось. Они не стали ни докторами наук, ни партийными работниками. Они, бедняги, даже не сумели никого полюбить. И поэтому, отсиживая часы на ненавистной службе, протирая штаны, они весь день мечтают лишь о звонке, который освободит их от присутственного места и позволит заняться любимым делом. То есть им так кажется, что любимым. А в сущности, они просто прячутся от жизни возле бильярдного или карточного стола, альбома с марками или какими-нибудь дурацкими этикетками. Но самое главное, что и этим заниматься они толком не умеют и никогда так и не научатся.

— Ну, а третья категория? — спросил Денисов.

— Самая маленькая и — самая главная. Это — профессионалы. Ты, Гоша, единственный среди нас представитель этого племени. Я, кстати, не понимаю, почему ты не пьешь. Давай, Гоша, выпьем за профессионалов.

— Я с тобой с удовольствием выпью, — Денисов поднял рюмку. — Только объясни, пожалуйста, какое место ты отводишь про-

фессионалам? Непосредственно перед дураками или сразу после них?

— НАД, Гоша! Только НАД! — страстно воскликнул Поэт. — Профессионалы если быть до конца точным, это даже не категория, это привилегированный класс, который существует за счет дураков и отчасти любителей. Только первые отдают деньги в силу природной глупости, а вторые — совершенно осознанно. Из эстетического чувства. Полагаю ты меня понимаешь?

— А меня к кому ты относишь? — внезапно спросил Валентин.

Поэт посмотрел на него удивленно, а потом засмеялся и погрозил пальцем.

— Ты — ни го, ни другое, ни гетье. Ты, Валентин, делец. Эстетические чувства тебе чужды. Впрочем, в своем роде ты тоже профессионал.

— Вот как, — Валентин явно обиделся. — Ну, а сам ты кто такой?

Поэт задумался и погрузился.

— Кто? Скажу тебе честно: черт его знает. Я завидую Седому. Для него нет загадок в его ремесле, ибо он — профессионал. Он мастер и может все. А мое ремесло для меня сплошь в загадках. Почему у меня не получается гениально, даже если очень хочется? Скажи, почему? Вот и я не знаю. Но при всем при том я живу именно за счет своего ремесла. Так что я не знаю, Валентин. И не понимаю, какого черта ты мне задаешь такие вопросы!

Он взволнованно плеснул из бутылки себе в рюмку, едва не промазав.

— Гоша, ты опять не пьешь? У тебя что, игра сегодня?

— Что-то вроде того, — Денисов внезапно понял, что испытывает сейчас отвращение к спиртному.

— В таком случае не настаиваю. — Поэт хлопнул рюмку и сосредоточился на закуске.

— Валентин, мне надо с тобой поговорить. Можно тебя на пару минут? — попросил Денисов.

Сквозь прокуренный насквозь, вопящий буфетный зал они прошли в холл.

— У меня тут некоторые проблемы возникли, — сказал Денисов.

— Мой бумажник всегда к твоим услугам. — немедленно отреагировал Валентин.

— Дело не в этом. Хотя и это тоже, может быть. Если действительно понадобится, ты мне сможешь тысяч сорок одолжить?

Валентин вытащил сигарету и задумчиво помял ее в пальцах.

— Это немалые деньги.

— Ерунда, — нервно сказал Денисов. — Пару месяцев хороших гастролей по южному побережью. Ты же знаешь!

— Я знаю, — кивнул Валентин. — Так это все проблемы? Мне показалось, ты начал не с того.

— Верно. Деньги — в крайнем случае. Ты помнишь тех орлов, что вчера в «академию» приходили? Чьи они? Ты их знаешь?

— Лично я их не знаю, — от усиленного разминания сигарета в пальцах Валентина была уже не сигаретой, а одной бумажкой — весь табак высыпался. — Да и чего их знать. Это шестерки какие-то. Но в принципе выяснить можно. А в чем дело?

— Давай-ка присядем, — сказал Денисов.

Ему очень не хотелось рассказывать все именно Валентину, но он надеялся на его помощь. Да и выложиться в конце концов требовалось кому-то непременно. Какая, в сущности, разница кому.

— Сына мне надо найти,— закончил Денисов свой рассказ.— Помоги мне, Валентин.

Валентин методично разминал очередную сигарету. Он почему-то никак не мог избавиться от этой привычки, хотя все время, что знал его Денисов, курил исключительно американские, которым такая операция не только не помогала, но совсем даже наоборот.

— Хреновое дело вообще, Седой.

— Это я и без тебя понимаю,— грубо перебил Денисов.— Помочь сможешь?

— Тут обещать трудно.. Но я попробую. Можно кое-кого поспрашивать. Без гарантий, конечно, но все же... Я тебе завтра позвоню.

— Хорошо,— Денисов поднялся с мягкого дивана.— Я буду ждать.

Тем же вечером Денисов сделал то чего не позволял себе уже много лет. Вернувшись домой он напился. Пренебрегая закуской, опрокидывал в себя рюмку за рюмкой и добился в какой-то момент иллюзии того, будто оглушенный алкоголем мозг освободился от госки герзавшей его все эти дни. Роняя стулья Денисов ходил из комнаты в кухню и обратно, словно пытался отыскать нечто очень важное, потом долго щелкал выключателем телевизора и все удивлялся тому, что не загорается экран, пока не обнаружил выдернутую из розетки вилку. Но в этот момент ему уже было не до телевизора. Хватаясь за стенки, Денисов гасился в туалет, сдерживая изо всех сил мучительные позывы рвоты...

Кажется, перед тем как окончательно рухнуть на диван, он догадался выключить в квартире свет.

И вновь из состояния сна его выдрало ощущение давящей гревоги. Сердце быстро и гулко колотилось о ребра. Денисов вскочил и тут же со стоном согнулся из-за головокружения и резкой головной боли.

Было утро или уже день и в дверь кто-то звонил длительно и настойчиво. Денисов подтащился к двери и заглянул в глазок. На площадке нетерпеливо переминался незнакомый парень. Парень был оттуда, от тех, кто огнял у него сына, так сразу решил Денисов и наполнился холодной злобой.

— Сейчас,— крикнул Денисов,— одну минуточку!

Метнулся в кладовку и вытащил из инструментального ящика первое, что попало под руку — остро отточенную стамеску. Сунул ее сзади за ремень штанов.

— Очень хорошо,— бормотал он,— вот и отлично.

Отступив на шаг, распахнул дверь.

— Вам кого?

— Вы Денисов?

Парень в квартиру заходить не торопился. Интересные у него были волосы — совершенно белые, словно у альбиноса, и очень курчавые, подстриженные в жесткую, короткую прическу. Ощущения опасности парень не вызывал, и Денисов немного расслабился.

— Ну, я,— сказал он.

Тогда парень полез в куртку и вытащил красное удостоверение.

— Я из милиции. Можно с вами поговорить?

— Как вежливо, надо же,— буркнул Денисов, но посторонился, впуская парня в квартиру.

Коротким взглядом парень окинул пустые бутылки, набитую окурками пепельницу и весь похмельный беспорядок дома, после чего без приглашения опустился в кресло. Денисов тоже плюхнулся на диван, но вынужден был немедленно вскочить: стамеска больно уперлась в поясницу.

— А, черт! — он вытащил стамеску и швырнул в угол.

Парень невозмутимо проследил за ее полетом.

— Ну, давайте, давайте, — раздраженно заговорил Денисов. — Начинайте. Вернее, продолжайте.

Гость молча изобразил удивление.

— Собственно, можете не беспокоиться. Только вчера я подал заявление о приеме на работу. Завтра принесу справку.

— Да я не об этом, — остановил его парень — Скажите, Георгий Сергеевич, у вас ведь сын пропал?

— Да, — выдохнул Денисов, впиваясь в гостя налитыми кровью глазами. — Вы что нибудь знаете? Где он? Где Пашка?

— Кое-что, — сдержанно сказал парень. — В отделе я случайно услышал...

— Где он?

— Пока не знаю. Но надеюсь, что скоро...

Денисов встал и пошел в кухню. Открыв кран, напился жадными, длинными глотками.

— Так в чем же дело? — равнодушно спросил он, вернувшись в комнату. Он почувствовал, что толку из этой беседы не получится.

— Вы знаете, с кем ваш сын связался? С ним беда может случиться.

— Пугать меня не надо, я и сам догадывался. Лучше бы найти его помогли.

— Я как раз для того и пришел, — парень провел рукой по своим жестким волосам. — Вам без помощи не обойтись.

— Какая еще помощь? — презрительно сказал Денисов. — Что вы мне голову морочите?

— Мальчишка ваш к Вартану попал.

— К Вартану, — повторил Денисов. — Кто такой Вартан?

— Преступник.

— Так посадите его. Чего вы ждете? Может, по-вашему, я этим заниматься должен?

Утихшая было боль вновь залила мозг жгучей волной. Дергало виски, лоб и затылок. От боли Денисова стало подташнивать.

— Давно бы посадил, если бы мог. Но это не так просто. Вартан сам на дело не ходит. Для этого у него другие люди. Вот и ваш сын вполне может ему понадобиться...

— Тогда этих других посадите, — Денисов с трудом понимал, о чем говорит его собеседник: изнутри по черепу лупили острые молоточки.

— Также не просто. Они не всякого грабят. Предпочитают спекулянтов, валютчиков, торгашей потрусливее — словом, всяких подпольных дельцов. Тех, кто жаловаться в милицию не пойдет.

— И правильно сделают, — пробормотал Денисов, и непонятным осталось, к чему именно относится его одобрение. Собственно, Денисов и сам сейчас не ответил бы на этот вопрос.

— А вы бы пошли? — внезапно спросил милиционер.

— Я не спекулянт и не делец... Хотя что вам объяснять! Для вас я все равно тунеядец. Антисоциальный элемент. Нет, не пошел бы я к вам.

— Вот видите! А почему, собственно?

— Не доверяю я вашей конторе. Не люблю, — Денисов понимал, что таких слов гостю говорить не следует, но головная боль была так сильна, что просто глушила самоконтроль. — Вот сейчас, впервые в жизни, мне ваша помощь потребовалась. А где она, эта помощь?

— Ну, хорошо, — спокойно сказал парень. — Оставим пока это. Хотя, согласитесь, причины для нелюбви могут быть и у другой стороны.

— Да бросьте вы! Какие еще причины? Я что, ворую? Спекулирую? Огнимаю у кого-то хлеб? Я — бильярдист и если вы хоть немного интересовались моей биографией, должны это знать. Это и есть моя работа нравится вам это или не нравится. Или человек должен обязательно у станка вкалывать? А Гретьяк и Харламов — они разве у станка? Чего же вы у них справок не требуете? Они, по-вашему, тоже тунеядцы?

— Законы не я устанавливал, — сказал парень несколько неуверенно.

— Какие еще законы, — отмахнулся Денисов. — Смех один. Какому-то крестину пришло в голову объявить бильярд чем-то вроде игры в очко, вот вы меня и трясете, как тузик шапку. Но это все пустые разговоры. Так чего вам от меня надо?

— От вас? — несколько мгновений парень смотрел на Денисова, словно размышляя о чем-то. — В одиночку вам своего сына у Вартаана не отнять. И мне в одиночку с Варганом тоже тяжело справиться.

— Почему в одиночку? — удивился Денисов. — Вас там вон сколько.

— Это все верно, — слегка поморщился парень, — много нас. Да вот толку от этого не всегда. В отличие от вас, Вартаан законов не нарушает. Даже если и не очень их уважает. Да и друзья у него имеются... — парень ненадолго замаялся — ...всякие. В общем, надо бы, чтобы ваш сын со мной обязательно встретился. И поговорил. Ему кое-что известно... Только чтобы об этом поменьше народу знало, понимаете?

— Что такое? — насторожился Денисов. — Я вижу, вы не слишком доверяете своим коллегам. Это как же?

— Не в этом дело, вы не поняли, — неуверенно сказал парень, и тут Денисов, несмотря на свое похмелье, понял, что собеседник его совершенно не умеет врать.

Парень снова потрогал волосы, и Денисов вдруг осознал, что уже минул десять пытается вспомнить, где он прежде видел эту короткую курчавую стрижку.

— Постойте, — сказал он. — Вы когда-нибудь раньше ко мне приходили?

— Нет, — удивился парень. — подумал и поправился: — Правда, в вашем доме был позавчера.

Он хмыкнул и качнул головой.

— Посылали участковому помочь. Дежурил я тогда... Тут у вас на лестничной площадке семья одна есть скандальная. Друг на друга заявления строчат... Да не застали никого.

— И в мою квартиру звонили? — спросил Денисов.

— Наверное. Собственно, и с соседями поговорить собирались... Вы, кстати, не в курсе? Я насчет их скандалов.

— Вот оно что! — на какое-то мгновение Денисов даже забыл о своей головной боли. — Скандалы, значит... Вот ведь как бывает. Вы не представляете, молодой человек, как портят жизнь эти скандалы

Он попробовал рассмеяться, но утихшая боль вновь полоснула бритвенной вспышкой.

Парень недоуменно смотрел на него.

— Не понимаю.

— Это я так просто... Нет, я не в курсе... кстати. Кстати! Я вам хочу сообщить, что Вартан там у вас имеет уши, — вернулся Денисов к оставленной теме скорее для того, чтобы поглядеть на реакцию гостя.

— А кому принадлежат эти уши, вам известно? — мгновенно отозвался тот.

— Нет.

— Тогда с чего вы взяли?

— У меня есть основания.

— Понятно, — сказал парень, — не хотите говорить.

— Я действительно не знаю, — Денисов сильно сжал голову руками, потом встал и подошел к окну: свежего воздуха хотелось. — Зато вот что я знаю наверняка: я буду последний дурак, если в ваши дела стану путать родного сына. Разбирайтесь сами, вы за это деньги получаете. А я свои проблемы решу как-нибудь сам. Все, разговор окончен!

Прежде чем подняться, парень черкнул что-то в записной книжке, выдернул листок и положил на стол.

— Вот мой телефон. Всякое может случиться.

Заперев за ним дверь, Денисов вернулся в комнату и взял листок. «Сметанников Олег Васильевич» — значилось в нем. И номер телефона Денисов повертел листок и сунул на полку между книг.

«Не надо было так с ним разговаривать, — подумал он, — и чего это меня так понесло...»

Во всяком случае, определенную пользу из этого визита Денисов извлек. Когда позвонил Валентин и начал гуманную, полную недоумков речь о том, кто держит интерес в теле Денисов его довольно бесцеремонно перебил.

— Это я уже знаю. Его зовут Вартан. Что это за человек?

Своего удивления осведомленностью Денисова Валентин не сумел скрыть даже по телефону и стал выражаться гораздо определеннее.

— Могу тебе сказать, Жора, что это очень солидный человек. Я с ним поговорить, конечно, могу, но вполне возможно, что он меня не послушает. Это я тебе откровенно. Он крутится с такими людьми, что нам с тобой там делать нечего.

— В каком смысле?

— Во всех смыслах, Жора. Сколько ты времени со своей женой квартиру разменивал? Даже с хорошей доплатой. А Вартан в городе появился и через пару месяцев ордер получил. А когда с женой развелся — еще один ордер, на квартиру жене. Кто-то из местных властей попытался его пошупать, да быстро отступился: не дали. Сверху не дали...

— Чем же он заслужил такую любовь? Сверху-то? — насмешливо спросил Денисов. Он не верил Валентину, подозревая, что тот либо откровенно привирает, либо просто передает чьи-то сплетни для пущей значительности.

Валентин почувствовал его недоверие и оскорбился.

— Напрасно ты так, Жора. Тут все просто и сложно одновременно. Дело в том, что Вартан — как бы коллекционер антиквариата и авторитет в этом смысле большой имеет. И не только антиквариата. Есть у него своя клиентура, кому он оказывает разные услуги. Чей-то супруге — погребец хлебниковской работы, чей-то дочке — кулончик Фаберже. А жены и дочки — ты понял чьи?

Некоторое время Денисов молчал. Молчал и Валентин.

— Если он такой деловой, чего ему от мальчишки понадобится? — спросил наконец Денисов.

Валентин тяжело вздохнул.

— Да не от мальчишки — от тебя. А вообще он на принцип пошел. Для таких людей принцип бывает поважнее всего прочего. Он ведь деньги от зарплаты до аванса не считает. Хочешь совет? Не вяжись ты с ним. Отдай ему, что должен.

— Я понял. Где его найти? Хотя бы это ты мне можешь сказать?

— Жора, это очень серьезный человек.

— Слушай, Валентин, — проговорил Денисов, едва сдерживаясь. — Я тебя просил мне помочь. Если не можешь или не хочешь, так и скажи. Обойдусь своими силами.

— Ну хорошо хорошо, — уступил Валентин. Портить отношения с Денисовым ему было невыгодно. — Я просто хотел предупредить, что тут надо с умом...

— Где он есть?

— Пельменную на Бороховской знаешь? Там его и найдешь.

— Любитель пельменей? — усмехнулся Денисов. — Он что, там обедает?

— Крыша там у него, — досаду на несообразительность Денисова, пояснил Валентин. — Он там директором или заведующим числится. Но помни, я тебя предупредил!

Замысел Денисова нельзя было назвать хитроумным или расчетливым. Нет, Денисов собирался действовать намеренно прямолинейно и, главное, быстро. Из-за паршивой сумки : краденым барахлом или из-за еще более паршивых принципов Вартан взялся играть жизнью мальчишки. Ладно же! Пусть теперь Вартан почувствует, что есть пределы, которые переступать не следует никому. Пусть оценит сам серьезность намерений Денисова идти на все, а потом решит еще раз насчет своего принципа. Денисов не надеялся сильно напугать Вартана но был убежден что тот примет правильное решение, хорошенько взвесив все «за» и «против». Хотя бы только на сегодняшний день. Конечно, нет сомнений, что потом Вартан непременно попытается взять реванш, но это все потом, а уже завтра Денисов с Пашкой будут далеко, туда руки у Вартана не дотянутся, а если и дотянутся, то их и обломать недолго.

Потому к своему визиту Денисов готовился достаточно тщательно. На помойке возле хоккейной коробки подобрал арматурный прут длиной в локоть и обмотал его сверху донизу резиновым бинтом, особо отделив ручку. На скорую руку нашел на куртку изнутри узкий карман из полоски материи, куда и засунул свое оружие.

Некоторое время после этого он тренировался перед зеркалом в выхватывании прута, отгоняя совершенно неуместные, но назойливые воспоминания из импортных ковбойских боевиков. В наружный карман куртки Денисов положил нож с выкидным лезвием,

выигранный им у кого-то из царковской шпаны год назад в «американку». Ножик был паршивенький самодельный, из мягкого железа и тупился даже на колбасе. Однако из рукоятки вылетал исправно со зловещим лязгом и соответствующее впечатление производил. Собственно, только поэтому Денисов тогда и согласился на него играть, поставив, со своей стороны, на кон ужасно много против такой дряни — кажется, четвертак.

Собравшись таким образом, вышел на улицу. Такси, как назло, никак не ловилось, и частники все подряд отказывались ехать на Бороховскую — это им казалось слишком близко. Наконец на призыв Денисова к тротуару подчалил светлый «жигуленок». В салоне сидело двое. Пассажир, сидевший рядом с водителем, высунулся в окошко.

— Куда ехать?

— На Бороховскую.

Тот на секунду повернул голову к водителю, потом снова к Денисову.

— Садись! — и щелкнул замком, отпирая заднюю дверцу.

Ехали молча. Водитель сосредоточенно вертел баранку, пассажир рядом с ним смотрел перед собой в стекло, а Денисову оставалось тарашиться в их аккуратно подстриженные затылки, совсем бы одинаковые, кабы не круглая — с донышко от стакана — лысинка у водителя.

— Тебе куда? — снова спросил почему-то именно пассажир, когда машина выехала на Бороховскую. Головы он не поворачивал.

— Возле пельменной остановите, — попросил Денисов, протягивая над плечом водителя трояк, принятый им в молчании.

Сразу за дверями пельменной плотно стоял народ и ел пельмени. Протискиваясь к неприметной дверце в дальнем углу маленького помещения, Денисов вдыхал довольно вкусные запахи, вспомнив, что со вчерашнего дня он так и не ел. За дверцей открылся коридор, короткий и узкий, из которого вели еще две двери: одна — битая и обшарпанная, а другая красиво оббитая дерматином. Стиснув челюсти, Денисов рванул дерматиновую дверь, как занозу.

В небольшом кабинете — узкий книжный шкаф, пара треугольных выпелов на стене да письменный стол, за которым сидел чернявый мужчина примерно одних с Денисовым лет. Мужчина был занят тем, что листал какой-то толстый и яркий заграничный журнал. Когда распахнулась дверь, он поднял голову и с гораздо меньшим интересом посмотрел на Денисова.

— Вартан, — утвердительно сказал Денисов.

Хозяин кабинета ничего не ответил, только сузил и без того раскосые глаза.

— Вот что, Вартан, — со злобным горжеством заговорил Денисов, — я тебе сейчас объясню кое-что, и ты...

Позади раздался неясный шорох. Денисов хотел обернуться, но не успел. Его схватили за плечи и запястья, профессионально удерживая под коленки, и Денисов оказался на полу в невыносимо унижительной позе. Грубая и сильная рука ощупала его карманы и вытащила нож.

— Вот!

Вартан взял, с интересом осмотрел, щелкнул лезвием, закрыл и снова щелкнул.

— Красиво, — похвалил он.

— Дешевка, — возразил один из тех кто держал Денисова. — Самодел. Такие в зоне лепят на продажу. Он что, у хозяина бывал?

— Насколько я знаю, он еще не успел, — ответил Вартан. — Ну, Седой, что же ты хотел мне сказать?

Денисов рванулся, но те кто держал его, завели руки далеко за спину, заламывая в суставах. Денисову сделалось очень больно, и он не сумел сдержать короткого стога.

— Не хочешь говорить? — удивился Вартан. — А я слышал, ты разговорчивый. Может, ты мне бабки принес? Нет? А зачем тогда пришел? Разбираться? Но я знал, что ты придешь разбираться. Видишь, что из этого получилось? Я тебя уже сейчас похоронить могу. Но пока я не буду. Сейчас мне некогда разговаривать: ехать надо. А ребята — они с тобой поговорят, раз ты так хочешь. Ну а потом ты мне бабки принесешь. Только учти: я жду до послезавтра. Потом — сам знаешь, что будет. До свиданья, дорогой.

Он неторопливо вышел из-за стола и надел пиджак, аккуратно повешенный у двери на плечиках.

— Здесь не надо, — сказал он телохранителям. — Лучше там, во дворе.

Денисова рывком подняли с пола и швырнули из кабинета в конец коридора, а потом через обшарпанную дверь во двор с глухими кирпичными стенами, заставленный бачками с мусором и пустыми фанерными ящиками. Страшный удар в живот заставил Денисова согнуться. Тут же его ударили ногой в лицо. Он сумел смягчить удар, успев каким-то чудом подставить руку, но все равно силой удара его бросило на асфальт, покрытый застывшими помоями. Теперь его били со всех сторон. Денисов извивался, закрываясь одной рукой, а второй лихорадочно выдергивал из куртки свою дубинку, так и не замеченную телохранителями Вартана. А когда у него наконец это получилось, не глядя, наудачу махнул дубинкой что было сил. Дубинка врезалась в живую плоть, град ударов стих, и Денисов вскочил на ноги, впервые взглянув в лица своих врагов.

Нет, не впервые. Это были те двое, что привезли его к пельменной, кто следил за ним с самого утра, а может, и раньше по приказу своего хозяина. А сейчас водитель «жигулей» корчился со стонами, ухватившись обеими руками за колено, а второй — пассажир, отшатнувшийся в короткой растерянности к стене, шарил у себя за пазухой, вытаскивая, по-видимому, какое-то оружие. Денисов не дал ему этого сделать. Он просто швырнул с трех шагов тяжелую дубинку ему в лицо. Тот не ожидал и не смог увернуться. Дубинка врезалась ему в лоб, пассажир икнул и грохнулся во весь рост оземь. Денисов вновь подхватил дубинку и повернулся ко второму врагу, но водитель «жигулей» поспешно уползал в подворотню на четвереньках, волоча за собой поврежденную ногу.

Оба они не интересовали Денисова. Ему нужен был только Вартан. Он вновь ворвался в коридорчик и распахнул кабинет. Пусто. Сжимая дубинку, Денисов выскочил в зал пельменной. Какая-то женщина, ойкнув, отпрянула, едва не уронив поднос, и Денисов опомнился. Спрятал прут и, проталиваясь сквозь толпу, выбрался на улицу. Напряжение спало, и он почувствовал, как саднит лицо. Потрогал и скривился от боли — кожа над правым глазом содрана, и бровь, наверное, рассечена. На пальцах была кровь. Он закрыл рану платком и нагнул голову, на снующих мимо людей не волновали и не интересовали его ссадины и синяки. Толпа одиночек, на-

селяющих огромный город, брезгливо обтекала Денисова, такого же одиночку, одного из миллионов одинаково равнодушных друг к другу сограждан.

Итак, он проиграл первый раунд, а значит, вообще все безнадежно проиграл. Вартан оказался не только сильнее — это и так было ясно с самого начала, он опережал Денисова, не оставляя ему никаких шансов. Теперь Денисов ясно понимал, почему так случилось, и клял себя за то, что оказался настолько глуп. Его продал Валентин. Может быть, уже через минуту после вчерашнего разговора в ресторане.

Иначе, в общем-то, быть и не могло. И Валентин, и Вартан были не просто людьми одного круга. Они — из одной системы, они свои. Да и не стал бы Денисов обращаться к Валентину, если бы не рассчитывал именно на это. Не оценил он лишь того очевидного обстоятельства, что ворон ворону, как правило, глаз не клюет. А кем был для Валентина Денисов? Призовым рысаком, ставка на которого гарантированно приносит навар? Платным актером? Крашеным цыганом ресторанных подмостков — червонец — за песню — для любого гостя?

Денисов сжал кулаки и бессильно скрипнул зубами. Ладно, Валентин, сочтемся, придет время...

Но именно сейчас без Валентина Денисову было не обойтись. Пашку надо было спасать, вытаскивать любой ценой и как можно скорее.

Он схватил на колени телефонный аппарат и принялся накручивать диск, опасаясь лишь того, что Валентина вдруг не окажется дома.

Но Валентин был у себя. Видимо, Денисов застал его сразу после очень вкусного обеда: голос Валентина был жирен и мягок, как свежий плавленый сыр. Даже интонации участия и интереса удавались ему с большим трудом, когда он сообщал, что рад слышать Денисова, и спрашивал, как у него дела.

— Я тебя очень прошу, Валентин, — запинаясь, начал Денисов, — скажи ему: я на все согласен. Только скорее, сейчас же.

— Кому? — не понял или притворился Валентин.

— Разыщи Вартана. Пусть отпустит Пашку. Завтра вечером деньги будут. Но Пашка должен быть дома.

— Разве его найдешь так сразу? — промямлил Валентин.

— Я знаю, ты можешь. Я тебя умоляю, Валентин!

— Ну, хорошо... я попытаюсь, — согласился Валентин, и Денисов понял, что был прав в своих догадках.

— И еще одна просьба, — продолжал Денисов гораздо спокойнее. — Мне нужны эти деньги

Теперь Валентин обдумывал ответ намного дольше.

— Это большие деньги, Седой.

— Ты меня знаешь.

— Это будет очень сложно для меня.

— Короче, ты мне отказываешь?

— Я этого не сказал, — поспешно возразил Валентин. — Но хочу, чтобы ты понял: я сам попаду в очень сложное положение.

— Ты хочешь проценты? Говори прямо. Твои условия?

И снова Валентин надолго замолчал, однако Денисов уже чув-

ствовал, что пауза эта — лишь игра. Валентин отлично знал, чего хочет.

— Я бы попросил тебя вот о чем, — заговорил он, начав со вздоха. — Но ты должен понять мое положение.

— Хватит, Валентин, говори прямо, что тебе нужно.

Валентин опять громко вздохнул в трубку, что должно было символизировать тяжкие колебания, а потом соизволил объясниться.

— Я хочу долю, Седой.

Нельзя сказать, что Денисов этого не ждал. Уже года два под разными предлогами Валентин навязывался ему в компаньоны.

— Сколько?

— Пятьдесят копеек.

Это означало, что теперь Денисов должен был платить Валентину половину любого выигрыша. Это означало также, что до полной выплаты долга Денисов обязан был играть гам и тогда, когда захочет Валентин. Правда, со своей стороны Валентин возмещал бы ему и половину проигрыша — участие в доле несло известный коммерческий риск. Но лишь теоретически. Валентин не допускал, чтобы в делах теория переливалась в практику таким нежелательным образом.

— На какой срок доля?

— Пять лет. Я думаю, это справедливо.

— Ты с ума сошел, Валентин. Что же, я пять лет буду на тебя ишачить?

Голос Валентина сделался холоден.

— Ведь ты сам мне позвонил, Седой, правда? Ты же сам ко мне обратился. Это ты задаешь вопрос о том, какие у меня условия. Так чего же тебе еще нужно?

— Ты прав, — хмуро сказал Денисов. — Я согласен. Но Пашка должен быть дома уже сегодня. А потом мы решим остальные вопросы.

— Ну и ладненько, я очень рад, — отвечал Валентин, и было ясно, что это действительно так. — Все будет нормально. Жора. Я тебе такие гастролы организую — будь здоров. У тебя еще будет возможность убедиться, как правильно ты поступил.

— Ладно, ладно, — пробормотал Денисов. — Учти: главное сейчас — это Пашка.

— Все будет как надо — заверил Валентин. — Пока!

— Пока, — сказал Денисов. — Стой! Скажи, Валентин, а Ираклий и Воробей — они тоже на тебя работают?

— Некорректный вопрос, Жора, — сказал Валентин. — Я на такие вопросы не отвечаю.

И положил трубку.

Ираклий и Воробей были блестящими игроками того же класса, что и Денисов. И хотя в их многолетнем споре за бильярдным столом Денисов брал верх несколько чаще, давалось ему это невероятным трудом и напряжением. Уважая друг друга, они никогда не конкурировали в бильярдных, но регулярно сходились в борьбе по «гамбургскому счету», бескомпромиссной и исполненной уважения к мастерству соперника. Это были своего рода неофициальные чемпионаты, на которые ежегодно съезжались лучшие игроки со всех концов страны, чемпионаты — увы! — неизвестные никому, кроме узкого круга знатоков.

Ираклий — плотный, медлительный с виду и удивительно спокойный грузин — обладал совершенной техникой удара и в классиче-

ских позициях не имел себе равных. Ему, пожалуй, чуть-чуть не доставало фантазии и склонности к риску. Зато Воробей в избытке владел этими качествами. Маленький, сухой и подвижный до суетливости, Воробей действительно был очень похож на птицу, почему и получил в бильярдных свое прозвище. Воробей неизменно ставил в тупик и соперников, и зрителей своими непредсказуемыми, порой абсолютно сумасшедшими, но вдохновенными решениям игровых ситуаций. Да, Воробей был игроком интуиции и в минуты озарения играл виртуозно.

В последнее время Денисов встречал их не часто, а недавно узнал, что оба вновь ударились в гастрольные поездки по городам и весям. Это было странно. Ни Ираклий, ни Воробей не отличались страстью к деньгам. Ираклий, кроме того, был домоседом и путешествий просто не любил. Воробей же, что весьма часто сопутствует таланту, был откровенно ленив. Только теперь Денисов понял причину Валентин планомерно подгребал под себя бильярдный тотализатор. Именно на него теперь работали Ираклий и Воробей. Интересно, на чем он их купил? И за какую сумму? Ну а Денисову цена была назначена непомерно высокая. Нет, не за жалкие сорок тысяч Валентин приобрел его в личную собственность. Ценой Денисову был Пашка.

И сейчас Денисов вновь безостановочно кружил по квартире, не в силах заняться чем-нибудь или хотя бы просто присесть. Он ждал Пашку. И когда наконец вечером раздался слабенький, немощный звонок в дверь, Денисов бросился открывать, не спрашивая. Он услышал отцовским чувством пробудившимся так поздно и так странно, кто там, за дверью.

— Пашенька, где ж ты был? — спросил Денисов.

Пашка ничего не ответил. Застонал только. Они его избили, его сына, его Пашку. Рубаха у Пашки была в крови, кровь запеклась на губах и под носом, а глаза, зачерненные огромными синяками, совсем почти не глядела. Пашка едва держался на ногах — как только дошел! И Денисов на руках внес его в комнату, уложил на диван.

— Что же это, Пашенька, как же так? — в ужасе бормотал он.

Денисов кинулся в ванную, намочил полотенце и принялся осторожно обтирать несчастное избитое лицо сына.

Пашка болезненно ойкнул и отвел его руку.

— Не надо, пап...

— Негодяи! — то ли простонал, то ли прорычал Денисов. — Убью! Всех убью! Кто это сделал?

— Я их не знаю, — грустно сказал Пашка. — Никого не знаю. Не надо было все-таки ту сумку трогать, пап.

— Сумку! — Денисов заскрипел зубами. — Не-ет! Теперь они свое получат! Гады!

Пашка болезненно дернулся и приподнялся на локтях. Он посмотрел на Денисова с отчаянной мольбой.

— Пап, я тебя прошу! Не надо, пап. Будет только хуже. Отдай им деньги, я тебя умоляю. Я не могу!.. Разве ты не видишь? Отдай им, и все кончится, ну, пожалуйста. Ну, папочка, они же нас убьют. Тебе жалко да? Отдай, а потом я у мамы попрошу, она тебе вернет, честное слово...

— Что ты, что ты, Паша! — отшатнулся Денисов. — Не говори так! Я все им отдам, успокойся. Я все сделаю...

Невозможно было спокойно смотреть на Пашку, измученного болью и страхом, и ярость Денисова вновь сменялась безысходной тоской. Он говорил что-то успокаивающее, говорил непрерывно, а Пашка, не вникая в смысл его слов, просто прислушивался к интонациям и стихал. Напряжение постепенно оставляло его, наконец он вытянулся на диване в бессильной но покойной позе.

— Уехать бы отсюда,— гиконько сказал Пашка.

— Верно! Мы обязательно уедем,— подхватил Денисов.— Пропавши он пропадом, этот паршивый город. Поедем с тобой на юг, в Ялту. Там у меня друзья, отличные ребята, мы прекрасно устроимся. Знаешь, как хорошо в Ялте? Мы сами... Никто нам с тобой не нужен...

Денисов ощущал огромную усталость. Он чувствовал, что не имеет больше сил стоять в одиночку против огромного равнодушного мира, ему, как в детстве, хотелось отвернуться и без опаски закрыть лицо руками.

— Теперь мы всегда обязательно будем вместе, Паша,— прошептал Денисов.— Порожнь больше чельзя, только вместе...

Ночью Пашка часто стоял и просыпался от боли в избитом теле. Тогда Денисов, не смыкавший глаз, вставал, поил сына чаем и вновь принимался шептать какие-то слова, успокаивая его и усыпляя. А когда гусклое солнце выкарабкалось из уличной пыли и повисло над крышами, Денисов отыскал на книжной полке смятый листок с телефонным номером.

— Мне Сметанникова. Олег Васильевич? Это Денисов. Нам нужно срочно поговорить...

Сметанников морщил лоб и водил по губам карандашом, который вытащил из кармана едва. Пашка начал свой печальный рассказ. Он не собирался ничего записывать — просто у него была такая привычка. Слушал Сметанников очень внимательно, ни разу не перебив, и только покачивал согласно головой, когда сбивчивые Пашкины слова вызвали у него какие-то ассоциации.

— А кроме ограбления этого фарцовщика ты в чем-нибудь участвовал? — спросил Сметанников и поспешно добавил: — Ты говори, не бойся, это же не в протокол. Просто понять надо.

Пашка бросил загравленный взгляд на отца и обреченно кивнул.

— Спекулянтов еще... около комиссионки. Два раза...

— Вартан гут каким боком?

— Вартана и не было никогда. Я всего один раз его видел. Там, у комиссионки, Ярик всегда командовал.

— А вещи, деньги?

— Ярик забирал. Говорил, что все в общую кассу... А нам потом давал немного. По двадцать пять рублей.

— Ярик — это Ларионов?

— Ну да.

— Понятно,— сказал Сметанников.— Перспектива ясная.

— Какая перспектива? — немедленно вмешался Денисов.— Что вы предполагаете делать? Только честно.

— Мне скрывать нечего,— Сметанников пожал широкими плечами.— Все равно без вас ничего не получится... Если заявления вашего сына у меня в кармане не будет, то и вообще ничего может не быть.

— А если будет?

— Тогда придется внимательно проверять,— слово «придется» Сметанников произнес со злорадством, адресованным кому-то во-

вне.— Во-первых, Ярика этого выдернем, погрисем как следует — его будет чем прижать. Глядишь — и уши Вартана постепенно покажутся.

— Ничего у вас не получится, — безнадежно произнес Денисов. — Вартан уже закупил всех, кого можно. Пока, как вы говорите, его уши покажутся, вы сами без ушей можете оказаться.

Сметанников сразу нахмурился, вспыхнул но отвечал очень одержанно.

— Всех купить у него просто денег не хватит.

— Значит, вам надо заявление, — Денисов невесело усмехнулся. — Пашка мой, значит, делает вам явку с повинной — я вас правильно понял? — и тогда у вас может быть что-нибудь получится. Ну, хорошо. А судить Пашку будут вместе с Вартаном и Яриком или же поодиночке? А если у вас с Вартаном все же не получится, то Пашку от суда это не спасет. А охрану моему сыну вы гарантируете? Да воедино и мне? Ведь Вартану к вам каких-нибудь урок прислать — проще простого.

— Под суд ваш сын не попадет, — буркнул Сметанников.

— Извините, Олег Васильевич, но я в свое время ради любопытства юриспруденцией интересовался основательно. Вон посмотрите — книг целая полка. И я читал все очень внимательно. Кое в чем я и разбираюсь. Вы ведь не следователь и не прокурор. Вы — инспектор. Не вам вести дело и не вам решать.

— Я тоже кое в чем разбираюсь, — сказал Сметанников, — или вы другого мнения?

— Почему же, — немедленно ответил Денисов, — но ста процентов гарантии вы мне не дадите.

— А вам нужно именно сто?

— Именно. И никак не меньше. Сын это мой.

Сметанников постучал карандашом по сжатым губам.

— Нельзя эти дела на проценты мерить. Да и не в процентах вовсе суть.

— Приятно было поговорить, — вежливо произнес Денисов. — Очень признателен вам за визит.

— Зря вы так, — сказал Сметанников.

— Мне остается только извиниться за доставленное беспокойство, — Денисов натянул салонную улыбку и поклонился. — Я человек простой. Решил по глупости, что наша милиция нам поможет.

— Напрасно, — Сметанников спрятал карандаш, потрогал свои жесткие белые волосы и встал. — Лишнее это.

— Пап, не надо, — робко сказал Пашка.

— Не надо — так не надо, — охотно подхватил Денисов. — Если что — вы заходите, милости просим. План по тунеядцам, например, надо будет выполнять, так я всегда к вашим услугам...

Сметанников хотел что-то сказать, но передумал, махнул рукой и пошел к двери. Денисов следовал за ним, пытаясь придумать напоследок что-нибудь особенно язвительное, запал уже миновал, остались лишь горечь да усталость.

На пороге Сметанников остановился и без труда удержал дверь, которую Денисов силился за ним захлопнуть.

— Вартана я ненавижу не меньше вашего. А может, и больше. Но пока все молчат, ему бояться нечего. Это вы понимаете?

— Понимаю, — устало проговорил Денисов. — Но жизнью сына играть не позволю. Ладно, хватит. Я сам свои проблемы решу.

— Примете его условия?

— Не ваше дело.

— Берегитесь! — сказал Сметанников. — Условия могли уже измениться. Но узнаете вы об этом в последний момент.

— О чем это вы? — недоверчиво скривился Денисов.

— Вартан очень мстителен. Обид не забывает и врагов своих наказывает жестоко. Может так случиться, что вы и денег лишитесь и... В общем, будьте осторожны. А лучше всего, ставили бы меня в известность...

— Вы что, охрану ко мне приставите? — перебил Денисов. — Нет? Ну тогда до свидания.

На диване сжался комочком Пашка, смотрел на отца своими подбитыми глазами, в которых совсем уже не оставалось надежды. Денисов открыл шкаф, достал новую голубую рубашку и с хрустом порвал целлофановую упаковку.

— Без меня дверей никому не открывай. Понял: никому. И трубку телефона не поднимай.

— Ты куда, пап?

Денисов сделал веселое лицо.

— Все будет нормально, Паша!

Деловые встречи Валентин всегда проводил в ресторане Дома архитектора. Туда и пришлось идти Денисову. Он торопился и торопил Валентина — сегодня Денисову предстояли еще две встречи. Следующая — в «академии». Впрочем, и Валентин не имел намерения затягивать решение вопроса, и уже через десяток минут Денисов катил на такси в сторону парка, придерживая на коленях чемоданчик-«дипломат» и футляр со своим лучшим кием.

К этому часу бильярдный зал был прокурен настолько, что свет от верхних ламп опускался на столы дымными конусами. Увидев Денисова еще на пороге, маркер Корней двинулся было к нему, слегка припадая на ногу, покалеченную на фронте, но Денисов остановил его жестом и прошел к дальней стене, где на скамье рядом с огрызком бутерброда сидел совершенно пьяный Поэт.

Поэт долго и сурово смотрел на Денисова, пока не осознал в полной мере факт его присутствия.

— Ге-оргий, — сказал он. — Са-адись. Мы с тобой сейчас сыграем.

— Не сейчас, — возразил Денисов, шаря взглядом по залу. — Ты чего так натрескался?

— А у меня праздник, — ясно выговорил Поэт оправдательную фразу. — Но-овый сборник запущен в печать.

И неожиданно добавил:

— С-суки!

— Почему? — машинально спросил Денисов, продолжая поиски того, ради которого сюда и пришел.

— Просто суки, — сказал Поэт вновь очень трезво. — Половину велели заменить. Или, — он шумно набрал воздух и рывкнул: — Уб-брат!

— Заменял?

Поэт повернул к Денисову голову и сфокусировал взгляд на его лице.

— Ко-онечно. У меня стихов много. Не хотят. Черт с ними! Им «На смерть товарища» — не надо. Ска-азили: нас непр-равильно

поймут. А я вовсе не про Высоцкого. Оно у меня десять лет назад писано. Я ж его Саше Галичу посвятил. Н-но им не объяснить. Да и объяснять не-ельзя.

Он подобрал с огрызка бутерброда колбасу, задумчиво сунул в рот, потом выплюнул и подтвердил:

— Суки!

Денисов наконец увидел того, кто был ему нужен. За левым дальним столом. Тот тоже увидел Денисова и легонько отсалютовал ему кием. Денисов повел глазами: маркер стоял рядом.

— Корней, кто там с Бурнашом играет?

Корней близоруко приложил ладонь козырьком ко лбу, всмотрелся и пренебрежительно махнул рукой.

— Так, никто

— Возьми у него место,— Денисов достал из кармана сверток купюр и сунул Корнею, который немедленно захромал в противоположный конец зала.

— Выпьем,— неожиданно предложил Поэт.

В этот момент он держался за скамейку обеими руками и пристально смотрел прямо перед собой в пол.

Денисов встал и пошел за Корнеем.

— Привет,— сказал Бурнаш.— Что играем?

— «Американку»,— ответил Денисов.— Принес?

Бурнаш принялся собирать пирамиду. Он был маленького роста и, чтобы дотянуться до шара, ему приходилось ложиться на бильярд толстым и мягким животом.

— Какую фору даешь? — спросил Бурнаш.

— Какую хочешь,— безразлично сказал Денисов.

— С тебя меньше чем четыре шара брать опасно. Согласен?

— Ты принес или нет?

Бурнаш сложил пирамиду и перешел к противоположному борту.

— Разбивай!

Денисов свинтил половинки своего кия и помелил наклейку.

— Какой твой интерес? — спросил он, прицеливаясь.

— Одна штука.

— Ответил.

Шары разлетелись с сухим треском. Легкость в руках Денисов ощущал необыкновенную. Он предельно ясно видел позицию, каждый шар был на кончике его пальцев. Следующий удар соперника был почти грамотным, но Бурнаш был лишь подмастерьем в этой игре. Недокрученный шар встал прямо напротив центральной лузы, и Денисову оставалось только выбрать, каким из трех возможных способов его положить.

Денисов холодно усмехнулся. Он словно и не замечал этот удобный, будто просящий удара шар. Сегодня была его игра, и он ударил от борта карамболом в угол. Не задев губок лузы, шар колыхнул сетку. Отступив на шаг в сторону, Денисов ударил еще раз, потом еще и еще. Бурнаш крикнул и покрутил головой. Пятый удар Денисов минуты две обдумывал. Возле центральной лузы сейчас вновь стоял шар, но сильно замасанный соседними. Достать его прямым ударом было невозможно. Нужно было бить от двух бортов с подкрутом-эффе, чтобы биток, сохраняя вращение, смог ласково задеть этот неудобный шар единственно возможным касанием.

За соседним столом прекратили игру и смотрели на Денисова. И маркер Корней стоял рядом, и даже Поэт притащился и таращился сейчас мутным взглядом на синее сукно бильярда.

Денисов ударил сильно и длинно. Пумм-пумм и короткое — чок! А в лузу шар упал неслышно.

— Виртуоз,— сказал пьяный Поэт.— Паганини кия. Кия Паганини.

— Ты ж у меня даже фору перебрал,— ощерил Бурнаш неровные зубы — Так, глядишь, и всю партию возьмешь.

Следующий удар Денисов сделал не глядя и, не дожидаясь остановки шаров, пошел в сторону, прикуривая на ходу сигарету. Дальнейшая игра его не интересовала. Теперь он просто ходил вокруг стола, имитируя раздумья и толкая кием первые попавшиеся шары.

С грехом пополам Бурнашу удалось закатить три шара, чем он был чрезвычайно доволен. Тогда и Денисов коротким щелчком отправил шар в лузу. Но все равно игра уже стала неинтересной, и зрители разошлись кто куда. Поэт тоже понял, что бильярд на сегодня кончился, и Денисов играет свою собственную, никому не ведомую партию.

— Я тебя жду, Георгий,— сообщил Поэт и побрел на скамейку.

От усердия Бурнаш далеко высовывал язык и шевелил губами. Он очень старался. Этими стараниями, а еще более тем, что Денисов ему совершенно не мешал, Бурнаш положил еще четыре шара, доведя с учетом форы счет до «семь-два» в свою пользу. Тогда Денисов, которому надоело это бестолковое топтанье, решил немного поиграть и в два подхода сделал счет «шесть-семь». Однако теперь, когда на бильярде осталось всего три шара, игра грозила затянуться неимоверно, чего Денисов допускать не желал. Тщательно намелив наклейку, он изготовился к удару, держа кий почти вертикально к поверхности стола и забавляясь недоумением Бурнаша. Таких ударов Бурнаш действительно никогда не видел. Не касаясь бортов, шар пошел не по прямой, а по дуге, тихонько подтолкнув другой вплотную к лузе. Бурнашу теперь оставалось только попасть.

Денисов развинтил кий, положил в футляр, и они вышли на улицу.

— Ну ты лихо играешь,— с искренним уважением сказал Бурнаш.

— У тебя тоже неплохо получается,— Денисов вытащил приготовленную пачку купюр.— Держи. Можешь не считать. Ровно штука. Твой законный выигрыш.

— Ага,— сказал Бурнаш,— дай-ка мне твой портфельчик на минутку.

Денисов протянул ему свой дипломат. Бурнаш раскрыл его и на секунду отвернулся. Потом защелкнул замки и протянул Денисову.

— Лихо у тебя получается. Мастер! — еще раз восхитился Бурнаш.— Ну, счастливо!

Помахивая потяжелевшим «дипломатом», Денисов зашагал в темноту парковых аллей.

Пашка лежал на диване, кажется, в той самой позе, в которой оставил его Денисов, и смотрел на телефонный аппарат, как на гадуку.

— Как дела? — спросил Денисов.

— Все время звонил, — пожаловался Пашка. — Помолчит немного и опять звонит.

— Это ничего, — равнодушно сказал Денисов. — Давай-ка я тебя лучше яичницей накормлю. Ты кушать хочешь?

— Не очень, — печально ответил Пашка, но подумав, согласился: — Вообще-то хочу.

Денисов зажег газ и бросил на сковородку кусок масла. Желтый комочек быстро таял, превращаясь в грязную пену. Денисов протянул руку к двери холодильника, и в этот момент телефон безжалостно тренькнул. Денисов влетел в комнату.

— Да!

— Я слышал, ты слегка поумнел, — сказала трубка. — Напоминаю: сегодня истекает срок. Истек уже.

— Вартан! — Денисов видел перед собой лишь округлившиеся в мгновенном ужасе глаза сына.

— Егор! — с коротким смешком поправила трубка.

— В общем, это... у меня все в порядке, — сказал Денисов, нервно заппываясь — Могу хоть сейчас.

— Конечно, сейчас. Завтра уже счетчик стучать будет. Зачем же тянуть? — голос в трубке наслаждался властью.

— Только... — Денисов снова заппнулся, старательно изображая неуверенность и замешательство, — только тебе лично. Больше никого знать не хочу.

— Почему? — заинтересовался голос.

— Только тебе, — повторил Денисов теперь уже твердо. — Чтобы ты завтра не сказал, что ничего не знаешь. У меня с тобой дела, а не с кем-то еще.

— Обижает, — усмехнулась трубка. — Людям доверять надо. Но не беспокойся. Свои долги я всегда получаю сам. У меня такое правило.

— Куда мне подъехать?

— Я сам подъеду. Я ведь знаю, где ты живешь. Я все о тебе знаю. Жди на улице около арки.

— Хорошо, — искренне сказал Денисов.

Около арки. Отлично!

Из кухни воняло горелым маслом. Денисов выключил газ и взглянул на часы: половина двенадцатого.

— Попозже поужинаем, — сказал Денисов и вдруг впервые произнес вслух слово, которого прежде отчего-то всегда стеснялся: — Сынок!

Пистолет, купленный у Бурнаша за тысячу рублей, он заткнул за ремень под курткой и несколько раз попробовал: ловко ли вытаскивать. К арке подошел не сразу, проверил вначале, нет ли поблизости кого-нибудь из бандитов Вартана. Арка вела во двор без единого подъезда, за которым начинался пустырь. Днем тут еще пробегали изредка мальчишки, а в ночное время вообще никто не ходил.

Денисов вытащил сигарету и тут же выбросил, не прикурив. Егс колотил озноб, он очень боялся дрожи в руках, которая могла все испортить.

В конце темной улицы зажглись фары. Автомобиль приближался так медленно, что Денисов в какой-то момент засомневался: уж не

милицейский ли патруль? Но это была не милиция. Светлый «жигуленок» остановился прямо против арки, не заглушая мотора. Человек на сиденье рядом с водителем опустил стекло и окликнул Денисова.

— Эй, Седой, иди сюда.

Денисов сделал несколько шагов и остановился.

— Ну, чего ты? — нетерпеливо сказали из «жигуленка». — Иди, не бойся.

— Я уже пришел, — ответил Денисов. — Кто кому больше нужен?

В «жигуленке» негромко рассмеялись.

— Я тебе больше нужен, — убежденно произнес Вартан. — Но я не гордый.

Он вылез из машины и не спеша пошел к Денисову. И одновременно шаги зазвучали у Денисова за спиной. Денисов оглянулся. Две тени, возникшие неведомо откуда, приближались к нему с двух сторон.

— Не бойся, — успокоил Вартан. — Это на всякий случай. Я человек предусмотрительный.

Телохранители его действительно остановились пока шагах в пяти, справа и слева. Денисов понимал: это только пока.

— Ну, давай, чего же ты, — сказал Вартан, а Денисов никак не мог решиться.

Ему вдруг показалось, что у него ничего не получится, что бандиты Вартана не дадут ему исполнить задуманного и прежде всего их следует нейтрализовать. Никогда бы он не смог объяснить, почему подумал именно так, но в мозгу уже тренькнул стартовый сигнал, и время выбора кончилось.

Тогда он вырвал из-за пояса пистолет и, не целясь, бабахнул дважды — вправо и влево, а потом наставил дуло на Вартана. Денисов не знал: попал или нет. Он только слышал, как заорал один из бандитов, а другой, кажется, побежал с топотом прочь. Вартан тоже вскрикнул высоким голосом и сделал то, чего Денисов просто не ожидал.

Вартан не бросился к машине или на Денисова. Он скользнул правее него, мимо руки с пистолетом. В тот же момент «жигуленок» с ревом сорвался с места и помчался по улице. Денисов кинулся за Вартаном. Больше он не должен был его упустить. Шаги врага часто стучали во дворе. Денисов в два прыжка миновал арку, поймав взглядом свернувшую за угол тень Там, за углом, начинался пустырь, и Денисов понял, что Вартан от него не уйдет.

Но едва он забежал за угол, тень прыгнула ему навстречу. Это случилось настолько внезапно, что Денисов не успел ничего осознать. Палец сам дернул спусковой крючок. Вспышка и грохот отбросили тень к стене, она что-то шептала, эта тень, но Денисов, оглушенный выстрелом, еще не слышал, а когда разобрал сдавленный шепот, замер в ужасе.

— Дурак, — шелестела тень, — какой дурак!..

Денисов шатнулся на застывших ногах. У стены, держась двумя руками за живот, стоял Сметанников.

Пистолет выпал из ладони Денисова.

— Что! — сказал он. — Что! Что!

— Ушел он, — шептал Сметанников, — не вышло у тебя ничего.

— Как же? — лихорадочно бормотал Денисов. — Откуда?!

Мозг его пульсировал и словно бы раздувался, постепенно выталкивая глаза из орбит.

Сметанников медленно-медленно сполз по стене паземь, потом, скобля каблуками асфальт, так же медленно вытянул ноги.

Денисов наклонился к нему и, не закончив движения, дернулся.

— Я!.. «Скорую»!.. Сейчас!

— Стой,— сказал Сметанников, преодолевая в голосе боль.— Подыми пистолет.

Денисов послушно присел, зашарил руками по асфальту. Нашупав, протянул оружие Сметанникову.

— Вот он.

Тот с усилием мотнул головой.

— Платком... сотри отпечатки... Пальцы... Потом брось там.

Денисов неподвижно и тупо смотрел себе в руки. Тогда Сметанников, собрав силы, повысил голос.

— Сотри отпечатки, дурак! — он подавил стон и продолжал гораздо тише.— Стрелял не ты... Пусть это он стрелял... Тот...

Голова его бессильно упала на грудь.

Где-то наверху с треском распахнулось окно.

— Шпана проклятая! — завопил резкий бесполоый голос.— Покою от вас нет, сволочи! Ночь уже!

Вздвогнув, Денисов поглядел вверх, и в ту же секунду в лицо ему хлестнул холодный водяной ком. Денисов дернулся, отшатнулся. И Сметанникова вода ударила по ногам, но он не пошевелился, кукольно сохраняя позу.

— Гады! — жалко сказал Денисов во враждебное никуда.— Что же вы делаете?!

Всхлипнув, он утер рукавом лицо. Поглядел на Сметанникова и снова наверх — туда, где все еще светились редкие окна.

— «Скорую» надо,— сказал он. Потом крикнул громче: — Вызовите «Скорую»! Кто-нибудь!

Под аркой зарычал мотор, во двор лихо влетел милицейский «уазик», крутанулся по площадке и затормозил, точно нацелившись в Денисова светом фар.

В руках все мешался какой-то предмет. Денисов недоуменно взглянул, разжал пальцы, и пистолет с коротким лязгом упал на асфальт.

Загоревшись от яркого света, Денисов все продолжал монотонно твердить:

— Кто-нибудь! Люди! «Скорую помощь»!.. Помогите же! Люди вы или нет! Помогите, боже мой!

Боже, помоги нам всем!..

ИСТОРИЯ... В НАЗИДАНИЕ

Была благодатная ночь, как обычно в эту пору в сельской местности Кабардино-Балкарии. На небе игриво подмигивали крупные звезды. Тихо вокруг. Из совхозного сада пьяняще пахло забродившей плодовой падалицей, разгоняя сон сторожа сокового цеха совхоза «Шалушкинский» Х. Кульдагова. Удобно устроившись на охапке душистого сена, он с удовлетворением окинул взором вверенный ему объект и подумал: «Жить хорошо, а вот хорошо жить — еще лучше...»

Но тут мудрые, трезвые мысли Хасана были прерваны до боли знакомым и щемящим душу запахом. Обоняние вновь поймало настоящую на забродивших фруктах волнующую струю ветерка.

— А ведь раньше из этой падалицы вино делали, — сказал он вслух. — И чего это я развалился на жесткой соломе, словно князь какой или лежебока. Время ведь какое настало! Люди дела делают, деньги куют, кооперативы открывают, арендаторами становятся. Слава Аллаху, закон о нетрудовых доходах никто сейчас не вспоминает, будто и не было его.

И сторож снова задумался под равномерное похрапывание жующего осла.

— Ба, — осенило вдруг Хасана. — А не взять ли в аренду совхозный спирт? Чего ему стоять в соковом цехе без дела? Да еще и охраняй его, как будто от него есть какая-то польза людям. Нет, такое дефицитное добро не должно пропадать...

В глазах сторожа зарябило от мельтешения хрустящих ассигнаций, и он сладко потянулся от грядущих удовольствий.

А надо сказать, рассуждения Хасана действительно пошли в нужном русле, словно река Чегем после паводка. Ведь работал он, лежа на сене, всего в нескольких десятках метров от спиртохранилища сокового цеха. И хранилось в нем ни много ни мало — десять цистерн спирта по пятнадцати тонн в каждой. Предназначена была сия этиловая влага для производства плодово-ягодного вина, именуемого любителями питья «шмурдяк», «бормотуха», «слезы Мичурина». Однако вино соковый цех уже давно не выпускал из-за известного всему трезвому и пьющему миру антиалкогольного постановления. А спиртохранилище было опечатано.

Может быть, впервые не заснул ночью на своем посту Хасан. И уже к утру разработал план эксплуатации спиртохранилища.

— Прежде всего, — решил сторож, — нужно создать свой кооператив, потому что одному никак не управиться с такой работой. Да и люди должны быть в «деле» верные, чтобы никакой фининспектор не придрался. Нужно разработать методы научной организации труда. Ведь это не шуточное дело — добыть из цистерны спирт, не нарушив пломбы и замки. Трудиться надо на совесть и по плану.

И вот вскоре на территории сокового цеха начал действовать нигде не зарегистрированный «кооператив» по реализации совхозного спирта. Возглавил его сам «крестный отец» предприятия Кульдагов. Активно приступили к бурной трудовой деятельности зять Хасана — неоднократно судимый С. Осипьянц, А. Шихалнева, В. Аксеньев, М. Тукова и другие заинтересованные лица.

Как утверждают ученые люди, все гениальное просто. Спирт из цистерны «кооператоры» извлекали насосом опрыскивателя. Причем не нарушая пломб на дверях и даже не входя в спиртохранилище. Они откручивали крышку горловины цистерны, опускали туда резиновые шланги и перекачивали спирт в канистры и молочные фляги. После чего основная работа уже доставалась кульдаговскому ишаку, на котором Осипьянц увозил спирт домой к «шефу» в потайное место. Далее действовала хорошо налаженная «агентурная сеть» реализаторов.

Как пути господни, были неисповедимы пути-дороги похищенного спирта. Его брали партиями до 150—160 литров, за один заход похищалась хмельная влага на шесть-семь тысяч рублей. В какие только уголки республики не попадала продукция расхитителей!

За спирт покупались ворованные строительные материалы, им оплачивалась «рабсила», крепилось домашнее вино. Но в основном его приобретали спекулянты-перекупщики для сбыта жаждущим выпить.

Как и во всякой детективной истории, много таинственного есть и в нашей. Однажды в доме начальника сокового цеха Н. Тоидзе звонил телефон. Неизвестный доброжелатель сообщил о работе подпольных «кооператоров» и хищении спирта. Тоидзе доложил об этом руководству совхоза. Была проведена инвентаризация. Спирта не хватало почти 26 тонн. Это же хмельное море разливанное!

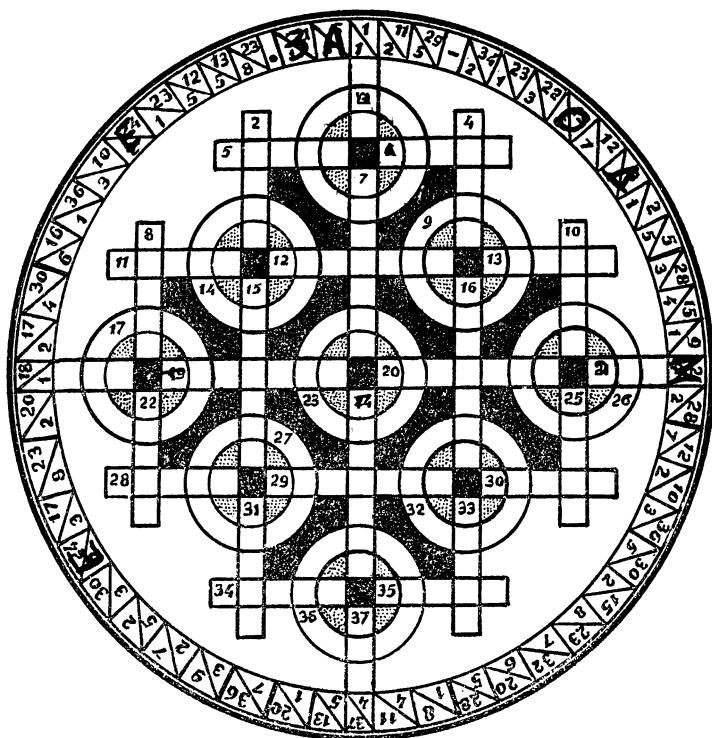
Только когда к делу подключились опытные сыщики из МВД Кабардино-Балкарской АССР, тайное стало окончательно явным. И уж, конечно, не кульдаговский ишак навел их на след своим неосторожным криком. В общем, предприимчивые «кооператоры» были арестованы.

Даже опытные криминалисты сначала скептически относились к творческим возможностям сторожа и его зятя. Те же гордо продемонстрировали им свои способности при проведении экспертизы, почему-то названной в деле следственной. За 50 минут Кульдагов и Осипьянц сумели без повреждения запоров и пломб на дверях спиртохранилища добыть из емкости более 200 литров теперь уже воды. Осипьянц даже сумел заполнить канистру за 96 секунд. Дескать, знай наших! А вскоре последовало и соответствующее «вознаграждение». Сторож Кульдагов был приговорен к лишению свободы на восемь лет с содержанием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. Вор-рецидивист Осипьянц будет восемь лет размышлять о своих талантах в исправительно-трудовой колонии особого режима.

Лишь кульдаговский ишак вышел из этого дела, как говорится, сухим. Так что подпольные «кооператоры» могут ему теперь завидовать. Остальная мафиозная сеть перекупщиков спирта тоже разоблачена и наказана. А рассказали мы эту историю в наиздание любителям наживы не за свой счет.

**А. БОРОДА,
Д. ЗУМАКУЛОВ,**
член Верховного суда КБ АССР

КРОССВОРД-ШИФРОГРАММА

«ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?»

Разгадав кроссворд, расставьте согласно цифрам буквы, и вы прочтете в шифрограмме юридический тезис. Верхняя цифра означает порядковый номер загаданного слова в кроссворде, нижняя — порядковую букву в этом слове

1. Русский юрист и общественный деятель, широко известный в связи с делом В И Засулич 2 Наиболее деятельная, передовая часть какой-либо организации 3, Природное и синтетическое вещество, незаконное изготовление, хранение и реализация которого карается законом. 4 Система производственных отношений определенного типа 5 Действие, выступление политического, дипломатического характера 6. Ссора, сопровождаемая взаимными побоями. 7. В Великобритании муж царствующей королевы, сам не являющийся монархом 8 Чрезмерный, непосильный налог. 9. В советском уголовном праве форма хищения государственного или общественного имущества путем злоупотребления служебным положением

нием. 10. Тайный агент сысской полиции. 11. Наиболее общее понятие, характеризующее положительные нравственные ценности. 12. В Русском государстве XV—XVII вв. должностное лицо, посылаемое для вызова кого-либо на великокняжеский или царский суд. 13. Право избирателей отозвать не оправдавшего их доверия депутата представительного органа. 14. В СССР основной орган по разрешению хозяйственных споров между государственными, кооперативными и другими общественными предприятиями, учреждениями, организациями. 15. Искусственное, спекулятивное повышение или понижение курса биржевых бумаг с целью извлечения прибыли. 16. Человек, преданный интересам какого-нибудь дела. 17. Одна из сторон договора комиссии в гражданском праве. 18. Официальный дипломатический документ, которым оформляются различные вопросы отношений между государствами. 19. Советский актер, народный артист СССР, сыгравший роль Исаева-Штирлица в телесериале «Семнадцать мгновений весны». 20. Хаотичность развития общественного производства в условиях стихийного действия экономических законов. 21. В гражданском праве договор, в силу которого одна сторона передает другой в собственность деньги, а другая сторона обязуется возвратить их в определенный срок. 22. Верховный орган власти в Древнем Риме республиканского периода. 23. Название некоторых выборных учреждений. 24. Истребление отдельных групп населения по расовым, национальным, этническим или религиозным признакам. 25. Установленное установление, признанный обязательным порядок. 26. Сфера деятельности, связанная с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, ядром которой является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти. 27. Научная или философская теория, система, руководящий теоретический или политический принцип. 28. Тайная террористическая организация, возникшая в Италии, использующая методы шантажа, насилия, убийств. 29. Форма производственных отношений, получившая широкое распространение в Римской империи. 30. Тип производственного объединения предприятий. 31. Система общественного, государственного устройства, характеризующаяся определенными производственными, общественными отношениями и политической системой общества. 32. Средневековый свод общегерманских уголовных законов, составленный в 1532 году при Карле V. 33. Советский актер, народный артист СССР, снимавшийся в фильмах «Секретарь райкома», «Член правительства». 34. Вид феодальной повинности на Руси. 35. Советский драматург, автор пьес «Измена», «Чужой паспорт», сценария кинокомедии «Человек ниоткуда». 36. Советская актриса, народная артистка СССР, снимавшаяся в фильмах «Чрезвычайный посол», «Идиот» и других. 37. Наказание, возмездие.

Составитель И. П. ЧЕЛЕДИНОВ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 7.

По вертикали: 1. Судопроизводство. 2. Противозаконность. 3. Протекционизм. 4. Правоспособность. 5. Инкриминирование. 6. Самогоноварение. 7. Посредничество. 8. Посягательство. 9. Невмешательство. 10. Злоупотребление. 11. Законоположение. 12. Браконьерство. 13. Юрисконсульт. 14. Демонетизация. 15. Постановление. 16. Фальшивомонетчик.

По горизонтали: Законодательство.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА

Задача 1

Отказ исполкома обоснован.

Обмен служебных жилых помещений не допускается (пункт 5 статьи 73 Жилищного кодекса РСФСР). Золотова заблуждается относительно своих прав. Лица, проработавшие на предприятии, в учреждении, организации, предоставивших им служебное жилое помещение, не менее 10 лет, в случае прекращения трудовых отношений не могут быть выселены без предоставления другого жилого помещения (пункт 6 статьи 108 ЖК РСФСР). Но это не значит, что занимаемая ими квартира по истечении 10 лет автоматически перестает быть служебной. Жилые помещения относятся к категории служебных и исключаются из их числа решением исполкома районного (городского) Совета народных депутатов.

Задача 2

Решение незаконно.

Семьи, потерявшие кормильца, состоявшего на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, не могут быть сняты с очереди (пункт 4 статьи 32 ЖК РСФСР).

Задача 3

Работники предприятий, учреждений, организаций, поселившиеся в общежитии в связи с работой, могут быть выселены без предоставления другого жилого помещения в случае увольнения по собственному желанию без уважительных причин, за нарушение трудовой дисциплины или совершение преступления. Лица, прекратившие работу по другим основаниям (в том числе и уволенные по сокращению штатов), могут быть выселены только с предоставлением им другого жилого помещения.

Это правило не распространяется на сезонных и временных работников, лиц, работающих по срочному трудовому договору, а также на обучающихся в учебных заведениях. При прекращении работы или учебы (независимо от причин) они подлежат выселению из общежития, которое им было предоставлено в связи с работой или учебой, без предоставления другого жилого помещения (статья 110 ЖК РСФСР).

В случае обнаружения полиграфического брака просим обращаться в ОТК типографии, печатающей данную часть тиража журнала.

Сдано в набор 29.05.90. Подписано в печать 25.06.90. А 07512.
Формат 84×108^{1/32}. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр. отт. 7,56.
Уч.-изд. л. 9,40. Заказ 2344. Цена 60 коп.

Адрес редакции:

129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.

Отпечатано 3 000 000 экз. (из общего тиража 9 150 000 экз.) с матриц ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда» в типографии № 2 ордена Ленина комбината печати издательства «Радиська Україна». Киев, Анри Барбюса, 51/2. Зак. 151.

НАШ АНОНС:

Почему человек совершает преступления, несмотря на тяжесть установленного наказания?

Почему не останавливается, испытав его?

Чем объяснить, что в преступной среде есть люди случайные и те, кто живет только на средства, добытые преступным путем?

Почему среди них есть выходцы из бедных слоев населения и люди «благородного» происхождения?

Об этом вы узнаете в следующих номерах журнала из серии статей начальника Управления по борьбе с организованной преступностью МВД СССР полковника милиции Александра Ивановича ГУРОВА.

60 коп.

Индекс 71075

